А. Хвощев.

Очерки по истории Пензенского края

с этнографической,
2-мя историч. картами Пензенского края
и планом г. Пензы XVIII в.

432451
проверять
2 карты
по МБА не
выдавать.

А. Хвощев.

ОЧЕРКИ
по истории
ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ.

С этнографической, 2 историческими картами Пензенского края и планом г. Пензы XVIII в.

Государственное Издательство
Пензенское Отделение.
1922 г.

Отпечатано в типографии № 3 Пензенского Губсовнархоза
в количестве 3000, экземпляров.

Р. В. Ц. № 11. Пенза.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

От автора.

Предлагаемые „Очерки по истории Пензенского края" представляют собою опыт использования в значительном большинстве случаев напечатанного, а в меньшинстве случаев рукописного, архивного материала по истории края и потому не могут претендовать ни на исчерпывающую полноту, ни на безусловную новизну содержания. Это—с одной стороны. С другой—в предлагаемых вниманию читателя „Очерках" рассматривается почти исключительно один из исторических вопросов краеведения—вопрос о колонизации края с древнейших времен—мордвою, а в XVI-XVIII в.в. русскими; вопросы же о хозяйственной жизни края в прошлом, об административном устройстве и управлении, об этнографическом составе населения, о социальных отношениях в крае, о распространении в нем грамотности и просвещения, о революции 1905—1917 г.г. лишь намечены как содержание последующих очерков. Автору хотелось пересмотреть и обработать существующий печатный материал, составляющийся из разрозненных заметок, очерков, как изданных отдельно, так и разбросанных в разных изданиях, чтобы пензенский читатель мог иметь некоторое общее представление об исторических судьбах родного края. Из разнообразных исторических вопросов выбран вопрос о колонизации края потому, что этот вопрос, как и везде, имеет и имел самое существенное влияние на указанные судьбы.

Использование в незначительных размерах наиболее ценного архивного материала не явилось для автора досадной случайностью и он вовсе не хотел уклоняться от трудности его изучения. Часть архивного материала и притом самая ценная—материал центрального архива б. Министерства Юстиции—был недоступен для автора, пользование же местным архивным материалом было не только затруднительно, но и прямо невозможно. Ни для кого не составляет секрета, что местные архивы в переживаемый момент—с 1917 г. и до настоящего времени—находятся не в должном порядке: в большинстве случаев они переброшены со старых мест на новые, и архивные связки или разбиты или помещены, как попалось: иногда архивы хранятся в таких местах и так, что пользоваться ими безусловно нельзя—нужно еще предварительно затратить труд нескольких лет, чтобы привести архивы хотя бы в прежний, далекий от совершенства порядок; наконец, многое в архивах истреблено или попорчено невежественными руками. Поэтому, если автор по местам и базируется на архивном материале, то лишь на печатном или на таком, какой автору удалось собрать еще в до-военное время. То обстоятельство что автору не удалось воспользоваться значительным и ценным архивным материалом, конечно, понижает и очень сильно, ценность предлагаемых вниманию читателя „Очерков". Автор утешает себя лишь той на-

деждой, что его „Очерки", могущие лишь в малой степени удовлетворить интересы ученого историка, могут пригодиться для деятелей просвещения вообще и для школьных работников—в частности. Первые найдут в них некоторый материал для ознакомления населения с прошлыми судьбами края, для возбуждения интереса к этим судьбам; другие, школьные работники, подберут в „Очерках" подходящий для них материал при преподавании истории в школе. Методика истории учит, что ознакомление учащихся с историческими судьбами человечества нужно начинать в неизбежно начинать с ближайшего, более знакомого, а затем уже переходить к дальнейшему, менее знакомому, что [illegible]ть учащегося историей можно посредством изучения истории ро[illegible] в ее целом или в ее эпизодических, более крупных, более вы[illegible]ся явлениях. А данные последнего рода школьный работник може[illegible]ти и в предлагаемых „Очерках"—там, где рассказывается, напр., о построении укрепленных черт и городов в Пензенском крае, о колонизации края помещиками и правительством, о выселении из края инородцев, о крещении инородцев в христианскую веру, о народных волнениях в крае, в связи с колонизацией его русскими, о волнениях среди инородцев, о набегах на край кочевников, о Разиновщине и Пугачевщине и т. д.

К предлагаемым вниманию читателя „Очеркам по истории Пензенского края" приложены: 1) этнографическая карта инородческого населения губернии по данным начала 90-х г.г. XIX в., 2) исторические карты края, дающие наглядное понятие о колонизации его русской народностью, 3) план г. Пензы половины XVIII в., дающий типическое представление об устройстве городов в губернии, как укрепленных и населенных пунктов. Автор считает нужным пояснить, что первая карта дает лишь, так сказать, резюме колонизационного процесса края инородческими элементами, но вовсе не дает представления об исторических этапах этого процесса. Кроме того, та же карта, заключающая в себе несколько десятков названий инородческих населенных пунктов дает некоторый материал для хорографического исследования (больший материал приведен в самом тексте „Очерков"). Исторические карты не претендуют на исчерпывающую полноту данных—по обстоятельствам, о которых автор сказал выше. Копия с плана г. Пензы половины XVIII в. была доставлена автору из Москвы и не была известна местным историкам.

В транскрипции цитат из архивных материалов при напечатании настоящих „Очерков" не удалось сохранить в полной неприкосновенности текста подлинника—за отсутствием некоторых букв в местных типографиях.

Автор.

20—XII—1921.
Пенза

Вместо предисловия.

Малая исследованнос[illegible]енского края в историческом и археологическом от[illegible]ениях. Литература по истории края. Археологические памятники края

История Пензенского края совершенно не разработана. Одна из самых глухих провинций России, бывшее [illegible] гнездо", Пензенская губерния не обращала на себя внимания исследователей: все в ней было так плоско, обыденно, что почти ни в ком не возбуждало интереса. А те, кто случайно заинтересовывался судьбами края, те не находили нужных документов, которые могли бы пролить некоторый свет на эти судьбы. Документы по истории края следовало искать в архивах. Но наиболее старые и, следовательно, наиболее ценные архивы в половине XIX века были свезены в *Московский Центральный Архив Министерства Юстиции*, другие, не менее ценные (напр. архивы Инсарского уездного суда, Мокшанский уездный архив с документами XVII в., погибли*). Оставшиеся на месте архивы, более нового времени, мало обследованы, научно не описаны, а иногда просто находятся в [illegible], чтоб оттуда можно было извлечь какие либо ценные [illegible]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что случайным исследователям истории местного края приходится [illegible]

*) Мало того нужные для истории края [illegible], благодаря [illegible] и обрасны [illegible] соседних губернских городов [illegible], [illegible]рске, Саратове, Астрахани и Тамбове.

ками, случайно попадающими в их руки архивными документами, дающими случайные, разрозненные сведения по истории края, или с документами, извлеченными из центральных архивов и напечатанными в разнообразных научных изданиях и исследованиях. Но документы последнего рода, очевидно, не могут дать обильного материала для местного исследователя, так как извлечены из архивов и опубликованы с своими особыми специальными целями.

Итак, истории местного края нет, да и появиться эта история в более или менее полном виде пока не может. Первый опыт беглой, крайне поверхностной и неполной истории можно видеть в труде *Сталя и Рябинина*—„*Материалы для географии и статистики России. Пензенская губерния*". ч. 1 и 2 СПБ. 1867 г. Вступительный „Исторический очерк губернии" (ч. I, стр. 1—15) лег в основу статей местных исследователей по истории края, в том числе *Н. Кузьмина*—„*Пензенская губерния*". Пенза 1895 г. (2-я глава—„Исторические сведения по губернии", стр. 49-70). Это—единственные связные, хотя очень беглые и далеко не полные, очерки по истории всей губернии. Все прочее, что писано местными исследователями, это или очерки по отдельным историческим вопросам истории края, или—в лучшем случае—по истории отдельных частей края (напр. „*Исторический очерк Керенского края*" *Петерсона*), или же, чаще всего, статьи, дающие сырой, малообработанный исторический материал (напр. в „*Трудах Пензенской ученой архивной Комиссии*", т.т. 1—3). Таким образом, местному историку приходится иметь дело или с случайным архивным, рукописным или печатным материалом, попадающим в его руки, или с довольно многочисленными статьями местных случайных исследователей, написанными часто лишь на основании „преданий" без достаточной исторической проверки и без применения исторических методов исследования. Этим довольно большим, но пестрым материалом и пришлось воспользоваться при составлении настоящих очерков, подвергнув его некоторой обработке и проверке.

Материал этот следующий:

„Русская историческая библиотека". т. XVII. СПБ. 1897 г. „Десятни Пензенского края. 1669—1696 г."

„Строельная книга г. Пензы". Изд. под ред. *Борисова. М.* 1898 г.

„Материалы для истории, статистики и археологии г. Темникова и его уезда XVII и XVIII стол".

В. и Г. Холмогоровы. „Темниковская десятина" Тамбов. 1890 г.

В и Г. Холмогоровы „Пензенская десятина." Рукопись.

„Сборники Пензенского Губернского Статистического Комитета". В. I—VI. Пенза. 1893—1905 г.г.

„Труды Пензенской Ученой Архивной Комиссии". т. 1—3. Пенза. 1903—1906 г.г.

„Памятная книга Пензенской губернии на 1880 г."

„Справочная книга по Пензенской губернии на 1894 г." Пенза. 1894 г.

Петерсон, „Исторический очерк Керенского края". Пенза. 1885 г. (Из „Пензенских Губернских Ведомостей").

А. Селиванов. „Материалы для истории города Пензы". (оттиск из „Пензенских Губернских Ведомостей").

— *Песлов.* „Следственная Комиссия о злоупотреблениях Пензенского воеводы Жукова. М. 1888 г.

Апухтин. В „Очерк формирования дворянством Пензенской губ и действий ополчения в отечественную и освободительную войны 1812—1814 г.г." Москва. 1912 г.

„Списки потомственных дворян, 1) владевших в Пензенской губернии населенными имениями в 1785 г., 2) состоявших землевладельцами на 1 января 1902 г." Пенза 1902 г.

„Списки дворянских родов, внесенных в родословную книгу Пензенской губ. к 1902 г." Пенза. 1901 г.

Иванов И. „Материалы к изучению г. Пензы в медико-статистическом отношении". СПБ. 1903 г.

„Из записок о городе Пензе" *Г. Мешкова.* (Из „Пензенск. Губ. Ведомостей").

Селиванов А. „Материалы для истории Буртасов". (Из „Пензенск. Губ. Ведомостей").

Евграфов Н. „Двадцатипятилетняя деятельность Пензенского Земства 1865—1889 г.г." Пенза. 1894 г.

— *Сталь и Рябинин.* „Материалы для географии и статистики России. Пензенская губерния". СПБ. 1867 г.

Кузьмин. „Пензенская губерния". Пенза. 1895 г.

Статьи по истории края в „Пензенск. Губ. Ведомостях" и „Пензенских Епархиальных Ведомостях". Особые указатели.

„Известия Тамбовской Ученой Архивной Комиссии". Вып. I—55. Тамбов.

„Известия Нижегородской Ученой Архивной Комиссии". Вып. I—XI. Н.-Новгород.

„Известия Саратовской Ученой Архивной Комиссии". Вып. I—30. Саратов.

„Акты Московского Государства" Изд. Академии Наук. Т т. I—3. СПБ.

„Акты Археографической Комиссии". Т.т. I—4. СПБ. 1836 г.

„Акты юридические". Изд. Археографической Комиссии. СПБ. 1838 г

„Акты исторические". Т.т. (I—3), 4—5. СПБ. 1841—1842 г.г.

„Дополнения к актам историческим". Т.т. (I—4) 5—8, (9—12). СПБ. 1842—1872 г.г.

„Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правит. Сенате". т.т. 1—5 в 9 кн. Под ред. *Калачева и Дубровина.*

„Архив Государственного Совета. Т.т. 1—4 в 11 книгах.

Калачев. „Акты, относящиеся до юридического быта древней Руси". Т.т. 1—3.

„Описание документов и бумаг Московского архива Министерства Юстиции" Т.т. 1—17, 21. М.

„Книги разрядные". Т.т. 1 и 2 Указатель.

„Русская историческая библиотека". Т. 1 17. СПБ. 1872—1898 г.г.

Дубасов. „Очерки из истории Тамбовского края". В.в. I—VI. Тамбов.

Шимко. „Патриарший казенный приказ". Москва. 1894 г.

Грот. „Материалы для истории Пугачевского бунта". В.в. 1—3. СПБ. 1862—1875 г.г.

Попов. „Материалы для истории возмущения С. Разина". СПБ. 1858 г.

Загоскин. „Архив кн. Баюшева". Т. I. Казань. 1882 г.

Смирнов. „Мордва". Казань. („Известия Каз. Общества археологии и истории").

Перетяткович. „Поволжье в XV и XVI в.в.". Москва. 1877 г.

Его же. „Поволжье в XVII—XVIII в.в." Одесса. 1882 г.

Зверинский В. „Материалы для историко-географического исследования о монастырях Российской империи". В.в. I—III. Москва. 1892—1897 г.г.

Строев П. „Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви". СПБ. 1877 г.

Описание документов и дел Св. Синода". т. 1, 2, ч. 1—2, 3—7. СПБ. 1868—1891 г.г.

„Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания". Т.т. 1—8. СПБ. 1868—1891 г.г.

Покровский. „Русские епархии в 16—19 в.в., их открытие, состав и пределы". Казань. 1897 г.

Горчаков. „Монастырский приказ". СПБ. 1868 г.

В еще более печальном положении находится изучение доисторической старины Пензенской губернии.

Многие данные положительно удостоверяют, что губерния была заселена не только в бронзовый век, но и в век неолита. Во многих местах губернии найдены памятники того и другого веков. Эти памятники частью уже утрачены навсегда, частью и до сих пор не подвергались изучению.

Местностью, которая может дать обильный материал для археолога, следует признать прежде всего *окрестности города Краснослободска*. Здесь обнаружены и лишь отчасти обследованы могильники частью бронзового, частью железного века: 1) в 5 верстах от г. Краснослободска при р.р. Мокше и Сивини

межу топями и болотами, на нескольких холмах в так называемом Мещанском лесу расположен могильник: раскрыто несколько могил и обнаружены предметы частью бронзового, частью железного века; 2) могильник в 3 вер. от города при дер. Зубареве, найдена керамика и бронзовые украшения; 3) в 7 вер. от города при д. Н.-Зубареве могильник, предметы из золота и бронзы, 4) при с. Ефаеве, в 15 вер. от города, могильник с остатками керамики, бронзы и железа, 5) в 22 вер. от города могильник Рыбкинский или Борковский с предметами железного и бронзового века, 6) в 30 верстах от города, недалеко от слободы Новоямской, могильник, относящийся к каменному веку. Кроме перечисленных могильников можно еще указать могильники при с. Никольском, при дер. Шениной, д. Лосевой, при с. Старом Синдорове, при с. Акселе и вблизи с. Урката. От города все эти могильники находятся на расстоянии от 8 до 40 верст; предметы, в них случайно находимые, —частью бронзового, частью железного века.

В этом же уезде обнаружены городища: Каньгушское, Дев. Рукава, Станковское, Рыбкинское, Панкедовское, Мамолаевское, Шаколовское, Аракчеевское, Лосевское, Александровское, Муравлянское, Никольское, Каймарское, Кичатовское, Сивиньское, Троицкое—все в 3-40 вер. от города. Часть этих городищ только осмотрена, и существование их отмечено, часть разрыта, и установлено, что большинство заключает в себе предметы железного века и частью бронзового. В том же уезде обнаружено существование нескольких курганов со следами культуры каменного, бронзового и железного веков. Обнаружены остатки древностей каменного века в разных местах уезда, на полях, речках. Очевидно, систематическое исследование уезда может дать археологу богатый материал для изучения доисторической культуры, особенно более поздних эпох.

В соседнем *Наровчатском уезде* обнаружены древние могильники, курганы и городища. Из могильников был разрыт только один, в имении Унковской на Казбек-горе; курганов от 2½ аршин до 4½ сажен в вышину, до 8 аршин в поперечнике

и до 40 сажен в окружности обнаружено довольно много,—около 20 неподалеку от Наровчата и один при с. Шигаеве. Из городищ наиболее замечательные—у Наровчата, треугольной формы, длиною более 2-х верст; валы—длиною более 2-х верст, ров—шириною от 3 до 5 саж. На площади городка обнаружены остатки стен, сложенных из квадратных, очень твердых кирпичей, и неоднократно были находимы медные и серебряные монеты, как думают, арабские и болгарские, а в одном случае вырыт скелет вооруженного всадника на лошади. Городки в других местах уезда обнаружены: у Шадымскаго Майдана—2, (в 3-х верстах от села городок 200×100 саж., вал шириною до 5 саж.), в 2-х вер. от Сканова монастыря (30×30 саж., ширина вала 3 арш., вышина—2 саж., глубина рва—до 4 саж.) и у Кириклеевского Майдана (окружностью до 170 саж.).

В *Городищенском уезде* обнаружено 5 курганов (у Селиксы, Чемодановки и у Вышелей) и до 7 городков (у Городища, Селиксы, Вышелей, д. Екатериновки и у Павловского Куракина), —все, видимо, поздней постройки, XVII в.

В *Нижнеломовском уезде* найдено 10 курганов, 2 древних могилы, остатки валов и городков, главным образом постройки первой половины XVII в. (Ломовская черта).

В *Пензенском уезде* обнаружено очень значительное количество курганов,—более, чем в других уездах Пензенской губ., до 38. Часть их среди местных жителей известна под названием „маров“. Найдены и древние могилы. Но о результатах случайных раскопок известно очень немногое. По уезду, по направлению к г. Мокшану, заметны остатки вала постройки 1676—1685 г.г. Рядом с Пензой—становище человека каменного века.

В *Чембарском уезде* - очень большое число курганов, часть которых носит название сопок (при Н. Воловке, при д. Каменке). В некоторых пунктах уезда число курганов значительно (по р. Пачелмы и Обвала). Городков, валов и древних могильников не обнаружено.

В *Керенском и Мокшанском у.у.*—валы и городки поздней постройки (XVII в.), курганов обнаружено мало.

Саранский уезд в археологическом отношении исследован слабо *)

Перечень археологических данных по уездам Пензенской губернии ясно показывает, что Пензенская губ. была заселена в древнее время, особенно в северо-западной части, заселена, видимо и во времена неолита и в век бронзы и в век железа, особенно в эпоху, переходную от бронзы к железу. Но так как большинство археологических данных или совсем не обследовано или только случайно осмотрено, то вывести какое-либо заключение о жителях Пензенского края в эти более или менее отдаленные моменты не представляется возможным.

---

*) Небольшая часть предметов старины собрана в музее при Пензенских Государственных художественных мастерских.

I.

Древнейшее население края. Хорографические данные. Буртасы. Мордва и русские в их взаимоотношениях в XVI—XVII в. в. Колонизация Пензенского края мордвою в XI и последующих веках. Присоединение Пензенского края к России. Начало русской колонизации (XVI и начало XVII в.в.)

Пензенская губерния в настоящий момент заселена различными племенами—славянским, финским и тюркским. Поэтому изобраэить историю местного края—это значит прежде всего укязать, как совершилось его заселение названными племенами. Русские явились в край довольно поздно, в XVI веке, и застали его уже населенным финнами и татарами. Очевидно, очерк колонизации края приходится начинать с описания, как и когда последние племена явились в край. К сожалению, лишь немногие письменные памятники проливают некоторый свет на данный вопрос. Здесь гораздо большее значение имели бы данные археологического или лингвистического характера. Но мы уже видели, что Пензенский край в археологическом отношении остается еще не обследованным. Лингвистический или, точнее, хорографический метод исследования до настоящего момента еще не был применяем, и потому неизвестно, один ли народ или многие народы оставили свой след в крае в многочисленных названиях сел, деревень, рек и разных урочищ,—названиях, звучащих для уха русского человека совершенно чуждо и непонятно*).

---

*) Хорографические данные могут быть взяты из названий рек и речек Пензенской губ. Они могут быть расположены в нескольких группах на основании окончаний: 1) *ма*—

Но, кажется, нет сомнения в том, что и названные выше племена,—финны и татары,—не были исконными старожилами края, или, по крайней мере, всего края. Что касается татар, то ясно, что они—поздние поселенцы, самое раннее—с XIV в. Мордва, повидимому, тоже не всегда занимала край, который ранее их был занят буртасами. Об этом мы знаем из летописей, архивных документов, а главное, из сказаний арабских писателей. По сказаниям арабских писателей земля буртасов лежала между хозарской и болгарской землями**). От Итиля, в земле хозар, Буртасская земля лежала—на расстоянии 15—20 дней водяного пути т. е. на расстоянии 500—700 верст. Вдоль Волги, которая являлась границей Буртасской земли с востока, страна простиралась на 500—600 верст (15—17 дней такого-же пути), и на запад от Волги тянулась на такое-же расстояние. Араб Аль-Бекри несколько расширяет это пространство, считая, что страна буртасов тянулась к северу и западу приблизительно на 750 вер. Следовательно, страна охватывала всю Саратовскую

Варма, Сентьма, Лашма, Пелетьма, Атьма, Парча, Пырма, Ахальмъ, Левма, Лухма, Ахапша, Шалма, Вярема, Пайгарма, Печьма, Почма; 2) *ай* и *яй*—Чолбай, Лемзяй, Баловай Пужай, Ускляй, Урляй, Карнай, Овцыляй, Руслвй, Кирикиляй, Пешляй, Кирляй, Кос ылай Воляй, Верхлай, Чернгай; 3) *ей*—Урей, Чеурлей, Левлей, Перпелей, Чертолей, Авуслей, Вачкилей, Ншлей, Вышилей, Тумалей, Кивчей, Каргелей, Шичкилей, Кирпклей, Лупалей, Свиделей, Калдей, Кулелей, Каратлей, Лупаслей, Тумалей; 4) *га*—Плянга, Ожга, Карга Юлга, Шиверга, Пичинга, Тяньга, Сузьга, Савинга, Верга, Ч лонга Саранга; 5) *ра*—Авго (у) ра, Сура, Кура, Вязора, Камора, Ижмора, Кера, Пвора, Помра, Юра; 6) *им*, *ым*—Шогардым, Ардым, Валдым, Поим, Качим, Шкулим, Кряжим, Ишим; 7) *ас*—Акшенас, Буртас, Вьяс, Мичкас,

**) Хвольсон. „Сказания арабских писателей о Буртасах и проч.“. СПБ. 1881 г.

губ., за исключением ее южной части (Царицынского у.), большую часть Симбирской, всю Пензенскую, части Тамбовской, Воронежской и Донской области. По сказаниям арабов, страна изобиловала лесами: из деревьев чаще всего встречался хеляндж (полагают—береза). Буртасы принадлежали к тюркскому племени, были стройны, довольно дородны и красивы собою; язык их был отличен от языка болгар, хозар и руссов; были язычниками, хоронили своих мертвецов частью в могилах, частью их сжигали; вели главным образом оседлый образ жизни, строили себе деревянные дома; занимались хлебопашеством, скотоводством и пчеловодством; имели большие стада разного скота, верблюдов; торговали продуктами скотоводства и пчеловодства, но главным их богатством были меха пушных зверей, особенно чернобурых лисиц и куниц. Буртасские меха, под которыми разумелись главным образом меха чернобурых лисиц, ценились очень дорого, славились на Востоке уже в VIII веке и охотно покупались восточными владельцами. Политической

Шобдас, Каломас, Курис, Сыромас; 8) *нс*—Атмис, Шелдаис, Калдаис, Широконс, Катмис, Кечаис, Маис, Исса; 9) *ша*—Мокша Шукша, [illegible]еньша, [illegible]ьша Акша; 10) *са*—Сукса, Нокса, Тарса, Салкса; 11) *да*—Ахорда, Вяда, Шуварда, Кевда, Керенда, Арчада, Сярда, Переморда; 12) *ва*—Айва, Ризва, Режайва, Тюрева; 13) *уй*—Шуструй, Унуй, Пулуй; 14) ярь—Шинярь, Ингинярь, Тешнярь, Кежинярь, Тюнярь; 15) *ар*—Агемар, Писар, Чембар; 16) *ур*—Лямбур Кечаур, Инсаур; 17) *за*—Пенза, Инза.

Названия руссифицированные на: ай, яй, ей: Марарай (ка), Каранжай (ка), Камай (ка), Шагай (ка), Рамзай (ка), Кадокай (ка), Верхляй (ка), [illegible]игеряй (ка), Коляй (ка), Пичилей (ка), Чукарлей (ка) Шеварлей (ка), Ушлей (ка), Чеварлей (ка), Кавалей (ка), Кичьплей (ка), Сиалей (ка) Мокшалей (ка), Каралей (ка), Шелалей (ка), Карчалей (ка). Еналей (ка), Саласлей (ка), Салакалей (ка), Повлей (ка) Мочалей (ка) Самозлей (ка) Тарахлей (ка). Перхлей (ка) Шичка-

самостоятельности не имели, были подчинены хозарам и обязаны были выставлять по их требованию до 10.000 войска. В 913 году, во время неудачного похода руссов на хозар, способствовали окончательному разгрому русских; в 943 году были союзниками русских во время их похода на Берду (на берегу реки Куры); в 965–969 гг., во время походов Святослава на болгар и хозар, были разгромлены русскими и разбежались в разные стороны. После того, как благодаря разгрому болгар и хозар, в Черноморские степи хлынули сначала печенеги, а потом и половцы, Буртасская земля подверглась новым опустошениям, а население ее частью ушло, почему во время похода татар на Русь в числе покоренных татарами народов имя буртасов не встречается.

Если глубже всмотреться в приведенные выше сведения, то придется внести большую точность в сообщения арабских писателей. Страна буртасов, как это указано выше, обнимала ряд приволжских губерний. Южная часть страны,—части ны-

---

лей (ка), Чумплей (ка), б) *ан ен* Рахман (ка), Серман (ка), Лухман (ка), Серган (ка), Чалан (ка), Мельцан (ка), Душман (ка), Видман (ка), Аушан (ка), Выргап, Верган, Коренка, Ушен-ка, Суперен, Сизерен, в) *ал* —Каромал-ка, Мывал-ка *Руссифицированы более значительно*: Кашаевка, Пэзевка, Паовка, Мадаевка, Килиоватка, Пазелва, Казарка, Лешковка Кармолатка, Сизелька, Козопинка, Варежка, Шомовка, Коломатга, Шуварка, Латка, Корка, Урька, Астрычка, Юлка, *Названия единичные*: Чіуш, Инаныре, Баказан, Лизвар, Пиница, Энбөрь, Ересть, Шан, Ликенья, Хопер, Каюн, Юдов, Кәтә, Елань, (башкир:. Ялань—долина), Потиж, Калдус, Чичор, Уркат, Каурец, Чамбур, Вядибер, Алатырь, Колмазырь, Парца, Аксоль, Оспа, Рудня, Аяясь, Мача, Ляча, Машта, Лака, Кутля, Тавла, Паньжа, Вожа, Каргуш, Тарса, Сандор Вьвурдул, Порурдул, Цовит, Чердак, Лотев, Скафт, Кождрын, Колояр, Ломжа, Багана, Машля, Шаваруха.

нешних губерний и областей Донской, Воронежской и южной части Тамбовской,—степное и безлесное пространство, и здесь буртасы, очевидно, занимались хлебопашеством и скотоводством; может быть, более вторым, чем первым. Но так как главное богатство их составляли меха, мед и воск, а это требует наличности больших лесов, которые и были в губерниях Симбирской и, главным образом, Пензенской, то, очевидно, интересы буртасов сосредоточивались в значительной степени на последней. Она же, в своих степных пространствах, давала им возможность заняться земледелием и скотоводством. Поэтому-то, быть может, в одной Пензенской губ. и сохраняются до настоящего времени наименования сел и урочищ с именем Б у р т а с (река Буртас, в Керенском уезде и там-же два селения—Б. и М. Буртас в Краснослободском уезде две деревни—в Урейской и Пурдошанской волостях). Это—во первых. Во вторых, следует признать, что исчезновение целого народа, да еще довольно многочисленного, допустить не только

Если всмотреться в расположение перечисленных рек на карте, то окажется, что реки с окончанием на *ма*, расположены в северной половине губернии, в уездах: Краснослободском, Наровчатском, Саранском, отчасти Инсарском и Керенском; с окончанием на *ай* и *яй*—в северных и западных уездах—Саранском, Инсарском, Краснослободском, отчасти в Н.-Ломовском и Чембарском; на *ей* главным образом в у.у. Краснослободском и Городищенском и т. д.

Становится ясным, что названия, звучащия чуждо для уха русского человека и звучащие очень часто на определенных пространствах края, показывают, что в данных местах они созданы определенными племенами и освоены русским в момент колонизации; становится ясным далее, что одинаковые названия в целой полосе уездов легко могли произойти благодаря не расселению, а переселению инородцев из одного уезда в другой, что несомненно подтверждается определенными документами.

трудно, но и невозможно. Араб Рашид Эддин (XIV в.) отмечает в своей истории монголов, что сыновья Батыя,—Берке и Урда—напали на землю мокши и буртасов и в короткое время овладели ими, а шли монголы самой северной окраиной Саратовской губернии, через р. Узу, где и пожгли лес. Нет никаких сведений о том, что буртасы после этого погрома или были включены в войско татар, или остались жить на месте, или откочевали в Черноморские степи. На судьбу буртасов проливает некоторый свет летопись и архивные документы. Степенная книга в числе покоренных татарами племен отмечает буртасов, а рассказывая о походе Мамая на Русь в 1380 г, говорит, что в числе наемников Мамая были и буртасы, жившие, очевидно, где-то между Золотой Ордой и Рязанским княжеством. Документы начала XVII века в Алатырском уезде Симбирской губ отмечают наличность мордвы чуваш и буртасов, причем последних называют иногда *буртаскими* или даже — *буртаскими ясачными.* Следовательно, приходится заключить,

---

Приблизительно такую-же картину можно видеть, если всмотреться в названия селений разных уездов Пензенской губ. Только картина здесь проясняется более, так как известно, какой народностью заселены в настоящий момент эти селения, и кем они были заселены ранее. Правда, большинство названий селений не похожи друг на друга, но есть ряд названий звучащих в окончаниях одинаково. Берем названия, оканчивающиеся на *ляй:* Кимляй, Кирляй, Ковыляй—краснослободского уезда; Кастыляй, Перхляй, Трусляй Усклай—Инсарского уезда; Кимляй, Перхляй в Трусляй и сейчас заселены мордвою. Берем окончания на *им:* Ишим, Качим, Кряжим, Ручим, Чертеим, Шкудим—Городищенского уезда заселены большею частью мордвою или даже носят название мордовских, напр. Качим, Вертелим в Урледим—Инсарского уезда, Вертелим заселен мордвою; Тешетелим—Краснослободского уезда, заселен мордвою. Селения с окончанием на *лей* или руссифицированные с окончанием на *лей-ка* разбросаны

что буртасы после погрома 1237 г. отошли на север из пределов своей земли, на территорию современных губерний Симбирской, Пензенской и Нижегородской. Из документа 1682 г. узнаем, что буртасы поселились и в Кадомском уезде Тамбовской губ; здесь им велись именные списки и ясачные книги, по которым они платили „ясак и пасопный хлеб и медвяной оброк“, причем, однако, временами они выделяются из общей массы инородческого населения со своим именем, иногда-же сливаются с ним под общим именем мордвы.*)

Позднее конца XVII века буртасы не упоминаются в исследованных архивных документах. Ясно, что буртасы не

по всем уездам Пензенской губернии, за исключением Пензенского и Чембарского, в большинство их и до сих пор заселено мордвою.

Берем другие названия, на *-лы*: Копалы, Чукалы, и Шалы—Краснослободского уезда, Каромалы—Городищенского уезда; первые два заселены татарами, вторые два мордвою. Или: Каньгуши, Пичингуша—Краснослободского уезда, оба заселены мордвою. Любопытны также названия селений в разных уездах, совершенно тождественные, напр. Садом Саранского и Садом Городищенского уездов, в последнем Садовка. Документально известно, что мордва из Садома Саранского уезда переселилась в Городищенский уезд и образовала здесь два Садома, один из последних превратился в речи русского населения в Садовку.

Таким образом для знатоков тюркско-финских языков представляется богатое поле исследований в области хорографии и при помощи некоторых имеющихся на лицо архивных документов в области расселения и переселения различных племен на территории Пензенского края.

Заметим, что несравненно большее количество не русских названий разных урочищ дается архивными документами.

*) „Известия Тамб. Архив. Ком.“ XIV в. стр. 25.

исчезли бесследно ни после погрома 1237 г., ни в течении последующих веков, но, очевидно, затерялись среди массы инородческаго населения приволжских или близких к ним губерний. Это заключение дает основание исследователям искать их под другими именами среди инородцев указанных губерний. Сбоев отожествил их с чувашами, что не может быть установлено с вероятностью; Френ и другие отожествляли их с мордвою - мокшею, рядом с которой они, несомненно, жили долгое время; третьи отожествляют их с мещерою, которые сами себя называют Мяшар или Мишар (*Можары* областей Казанского царства*), *Мещеряне* документов Шацкого архива**), *Мазары* Константина Багрянородного, с. *Мажаровка* Городищенского уезда, дер. *Мажарово* Керенского у. Пензенской губ., и принадлежат к группе турецко-татарских народов.

Какое бы из этих трех предположений ни было признано правильным (только, несомненно, не второе, так как буртасы разных документов сейчас-же отличаются от мордвы), *но несомненно, что древнейшими обитателями Пензенской губ., о которых дошли до нас письменные данные, являются буртасы*, полуоседлый-полукочевой народ, принимавший живое участие в торговом обмене народностей России с далеким югом и занимавший территорию Пензенской губернии в течении многих веков ***).

Несомненно, однако, что *племенем, которое имеет не меньшее, чем буртасы, право на название туземного, на название аборигенов, если не всего, то части Пензенского края, является мордва.* Пензенский край в северо-западной части с давних времен был занят мордвой, позднее мордва постепенно расселилась почти по всей губернии. Проследить

*) Карамзин. „Истор. Госуд. Росс". VIII прим. 232. 236.

**) „Изв. Тамб. Учен. Арх. Ком." Вып. XXIII. ст. 31.

***) Нам кажется, что приведенные выше названия рек Пензенской губернии, Акшенас, Мичкас, Шебдас, Коломас, Куряс,—равно как тождественно или одинаково звучащие названия селений—Аргмас, Шьбдас, Шумбас—одного происхождения с. *буртас*.

колонизацию края этим племенем—ближайшая задача настоящих очерков. А так как мордва занимала не только северо-западный край Пензенской губ., но и другие ее поселения, и в значительно большем количестве рассеяна была в соседних с Пензенской губерниях,—Нижегородской и Тамбовской,—то историку приходится по необходимости говорить о передвижениях всей мордвы, об исторических судьбах всего этого племени,—иначе исторический ход событий в крае будет далеко не полон, а главное, не всегда ясен.

Проследить историю мордвы и ее передвижений в ранние века нашей эры не представляется возможным: исторические и археологические данные для этого недостаточно разработаны. Обзор исторических судеб местного края в связи с передвижениями мордвы приходится начинать с XI века. Первоначальная летопись знает мордву. Разделив землю на жребии между Симом, Хамом и Иафетом, летопись отмечает, что в Иафетовой части расселены чудь, меря, мурома, весь, мордва, пермь, печора и т. д., и указывает, что финское племя весь расселилось вокруг Белоозера, вокруг Растовского и Клещина озера, а меря «по Оце реце, где потече в Волгу, мурома язык свой и черемиса свой язык, мордва свой язык». В рассказе о деятельности Рюрика отмечается, что меря, весь и мурома находились под властью этого князя, который утвердил свою власть в городах Белоозере, Ростове и Муроме. *). Из летописных указаний не видно, в каких именно местностях нижнего течения Оки расположены были финские племена муромы, мордвы и черемис; не видно, далее, и того, жили-ли рядом с перечисленными и другие финские племена. Из других документов известно, что север Рязанской губ., (ее четыре северные уезда), северные уезды Тамбовской губ. и, может быть, северо-запад Пензенской губ. с древнейших времен были заняты мещеряками или мещерой, почему весь этот край получил название Мещеры или Мещерской стороны, как называется и до настоящего времени. Фин-

*) Летопись по Лаврентьевскому списку.

ское происхождение мещеры до известной степени сомнительно: одни считают их финнами, только сильно отатарившимися, что особенно относится к мещерякам, живущим за Волгой, в Уфимской и соседних губерниях; другие видят в них преобладание монгольско-тюркских черт. Возможно, что под черемисами летописи и следует разуметь мещеру

Центральной областью из занятых мещерою следует признать низовье Мокши и низовье Цны, впадающей в Мокшу. К северу от мещеры, по нижнему течению Оки, расселилась мурома, оставившая свое имя городу Мурому. Нужно думать, что мурома жила по левому берегу Оки. К востоку от нее и к северу от мещеры,—следовательно, главным образом в пределах нынешней Нижегородской губернии, в самых северных частях Тамбовской и в северо-западной части Пензенской губернии, севернее мещеры,—жила мордва.

В указанных выше пределах центральной России перечисленные племена непосредственно, за исключением мордвы, в X в., а в XI уже значительно были стеснены с запада и частью с юга русским населением, которое по р р. Волге, Которосли, Нерли, Клязьме и Оке вдвинулось в самое сердце поселений финских племен, быстро ассимилируя туземцев и занимая, по своему исконному обыкновению, удобнейшие места по берегам рек. На юге финские племена также не находили простора: на юго-востоке большие пространства приволжских степей и лесов были заняты буртасами, на юге в степях кочевали хозары, из земли вятичей напирали русские. Равным образом и с востока чувствовался некоторый напор со стороны тех племен, которые входили в состав Болгарского царства. Но это было лишь началом довольно трудного положения перечисленных выше финских племен. В течение XI и в первой половине XII в. в. меря, мурома и мещера подверглись сильнейшему влиянию русской колонизации, которая заполнила места их расселения или всецело или частично, отчасти ассимилировала финнов и образовала здесь два княжества со смешанным населением,—Муромско-Рязанское и Владимиро-Суздальское,—отчасти же потеснила финское

население с насиженных мест. Часть мещеры, более стойкая, под напором русской колонизации отступила к югу, по р. Цне и притокам, вглубь Тамбовской губ.; в свою очередь под напором мещеры отступила к востоку и северо-востоку мордва, заполнив в северной части Тамбовской губернии восточные уезды Кадомский и Темниковский, а в Пензенской — уезды Краснослабодский, Наровчатский, частью Керенский и в западной части Инсарский; далее к востоку и югу, в пределах нынешней Пензенской губ., едва-ли простирались поселения мордвы: в лесах по Мокше были, вероятно, бортные ухожеи и звериные ловли мордвы.

Во второй половине XII и первой половине XIII в. к русское население, следуя за отступавшей к югу и юго-востоку мещерою и прорываясь к востоку, к богатым рынкам средней (Камская Болгария) и нижней (Итиль) Волги, входит в непосредственное соприкосновение с мордвою. Отстаивая свою землю и свою независимость, мордва сначала (в XII в.) дает сильный отпор руским, еще недостаточно к тому времени окрепшим. Но к концу века средне-русские княжества значительно усиливаются. В начале XIII века рязанские князья проникают в область мещеры и не только проникают, но и начинают распоряжатся здесь, как хозяева: строят крепостцы и городки и в этих городках ставят своих наместников. Одним из первых городков явился Кадом, где в 1209 году местное инородческое население убило рязанского наместника. В 20-х г г. XIII в. предпринимается целый ряд походов на мордовскую землю из Мурома, Рязани и Суздаля. Опорным пунктом русских в этой завоевательной борьбе является основанный в 1221 г. на мордовской земле Нижний Новгород. В 1226 г. (или 1227) князь Нижегородский Юрий Всеволодович „поганую мордву отогнал и жилища их и зимницы разорил и повеле руским людям селитися по Оке и по Волге и по Кудьме рекам на мордовских жилищах, где кто хощет"*). В 1229 г. русские покоряют наиболее сильного из всех

*) „Ниж. Летопись". г. 6735 (1227)

мордовских князей Пургаса; в 1232 г. снова нападают на мордовскую землю, жгут мордовские селения, но оказываются бессильными проникнуть в „мордовские тверди“,—глухие леса и болота. Дальнейшие успехи русского наступательного движения на мордовскую землю были остановлены татарским нашествием.

Татарское завоевание было встречено мордвою, уже распавшейся в то время на два главных племени, мокшу и эрзю, в значительной степени пассивно, и потому оно не могло произвести и не произвело глубоких изменений в быте мордвы. Одни роды, в области мокши,—Тамбовская и Пензенская губ.,—пассивно перешли под власть татарских князьков или мурз; роды же в области эрзи, более сплоченной между собою русскими нашествиями (в Нижегородской губернии), продолжали оставаться под властью своих князьков, платя татарам ясак и нередко являясь союзниками татар в их нападениях и опустошениях русской земли. Ни то ни другое, однако, вовсе не избавляло мордву,—и мокшу и эрзю,—от татарских разбойничьих нашествий и разорений. Так, в 1288 г. татарский князь Елартей опустошил всю мордовскую землю.

В XIV в., по мере ослабления татар и одновременно усиления Московского княжества, русская народность, не находя к тому же препятствия со стороны уже разрушенного Болгарского царства на Волге, двинулась на восток, по берегам Волги, от Нижнего-Новгорода. С половины и до конца XIV века здесь появляется ряд русских селений и заканчивается пока (в восточном направлении) у устьев Суры. От берегов Волги русская колонизация направляется на юг по направлению к р. Пьяне, прорезывающей паралельно Волге южную часть Нижегородской губ. и, в частности, вверх по р. Суре. Основывается г. Курмыш, опираясь на который русская власть начинает распространяться по краю, основывает маленькие городки; вслед за ними возникают русские селения, по направлению к югу, вверх по Суре и к востоку, за Сурою, к берегам Волги. В то же время, с половины XIX в., суздальский князь Константин Васильевич, не-

ренесший свою столицу в Нижний-Новгород, начинает оттеснять мордву, в пределах нынешней Нижегородской губ., от берегов нижней Оки к востоку в дремучие леса, где мордва имела свои тверди и на расчищенных полянах занималась земледелием. Борьба нижегородцев с мордвою принимает временами крайне ожесточенный характер. Под 1303 г. в Нижегородском летописце читаем: войска Нижегородского князя „со многою московскою силою дойдоша до мордовской земли, мордву посекоша а жен их и детей в полон взяша и всю землю пусту учиниша и в город множество мордвы приведоша и многих по льду волочиша и псами стравиша и различными казьнями их казниша“. В 1317 г. мордва, мстя за поражение, соединилась с татарским царевичем Арапшей и способствовала полному истреблению русского отряда на р. Пьяне, а затем бросилась с татарами на Нижний, частью покинутый жителями, сожгла город до тла, оставшихся жителей избила и „отошли от него, разорив при этом все попутныя волости и села, умертвив множество народу и забрав в плен женщин и детей“ (там-же). В 1359 г. (с тем-же царевичем Арапшей), в 1378 и 1396 г. г. мордва нападала на Нижний, опустошала весь уезд, избивала жителей, и тем не менее пространство всей Нижегородской губ., заключенное между реками—Волгой на севере, Пьяной на юге, Сурой на востоке, Окой на западе,—постепенно очищалось от мордвы и заселялось русскими. В XV в. русская колонизация начинает сильно распространяться вверх по Суре, по обеим ее берегам. К западу от Суры появляется много русских селений, а по самой Суре возникают небольшие городки-крепостцы. Остающаяся на западном берегу Суры мордва признает власть Москвы. Сура становится границей Московского государства с Казанским. К востоку от Суры (нынешний Буинский уезд Симбирской губ., восточные части нынешних уезд в Ардатовского и Курмышского и северные части Симбирского) жило инородческое население, составлявшее нагорную сторону Казанского царства: здесь же был ряд селений выходцев из-за Волги, из Казанского царства.

Такова общая картина русской колонизации около по-

ловины XV в. в области мордвы—эрзи. Русское население, начиная от пределов нынешней Рязанской губернии, по рекам Оке, Волге и частию по Суре, нижнему ее течению, вплоть до устьев Пьяны, полукольцом охватило земли мордовского племени эрзи. Внутри этого полукольца часть мордовского населения, оставаясь на месте, волей-неволей подчинялась русскому владычеству; более стойкие и организованные роды под русским натиском постепенно отливали к югу и юго-востоку, за Пьяну, в область среднего течения Суры и ее притоков—Алатыря и др.

Русское вторжение в область мордвы-мокши начинается одновременно с вторжением в область эрзи, если не ранее, т. е. с конца XII и, несомненно, с начала XIII в. в. Памятником этого вторжения, как указано выше, является г. Кадом. В XIII в., с татарским нашествием русское вторжение приостанавливается, но начинается вторжение в мещеру татар. Батый в своем движении на Рязань и, далее, на Суздальскую Русь не мог не оставить в тылу среди финских племен своих отрядов, его армия не могла не иметь отсталых. С этого именно момента, т. е. с 1237 г., и следует признавать вселение татар среди мещерского края. Знатные татары, начальники татарских отрядов, легко стали во главе мордовских родов и начали господствовать в крае. Из среды их выделился Бахмет, сын Хуссейна. Его сын Беклемиш крестился и стал родоначальником князей Мещерских, владевших местною мордвою до 1380 г. В этом году великий князь Дмитрий Донской купил у князя Мещерского все его владения в Мещере с городами Элатьмой и Кадомом. С этого момента, совпавшего с общим ослаблением Орды и ее поражением на Куликовом поле, русские начинают распоряжаться властно в Мещерском краю. Не являясь пока сюда сами, они дозволяют селиться здесь знатным татарским выходцам из Орды. Этим выходцам дается земля, пустая или с инородческим населением, с правом суда над последним и сбора дани в их пользу за что эти феодальные владельцы должны защищать окраины государства. Таких владетелей и при том наследственных „Завещание" Грозного знает под именем „мордовских

князей". Таковы напр., были позднее князья Янгалычевы, Кугушевы, Ишеевы, Тенибяковы, Мартыновы и др. Их владения иногда были очень велики, иногда—на десятки верст, иногда—без меры. С XV в. рядом с татарскими владетельными выходцами начинают появляться и русские „кормленщики"—наместники московских князей. Так, в 1422 г. Василий II Темный отдает Кадом и Элатьму на прокормление Протасову.

Положение мордвы, попавшей под владычество сначала татар, а потом русских, владычество, выражавшееся в управлении, суде и сборе дани и, конечно, в защите окраин русского государства от набегов татар и других кочевников, несомненно, было очень тяжело. Под давлением этой тяжести мордва, не организованная, не стянутая к какому-либо своему центру, естественно начала отливать из края по направлениям, единственно для нея доступным,—на юг, в глубь Тамбовской губ., и на ю.-в., в пределы Пензенской губернии, в уезды Краснослободский, Наровчатский и Инсарский. Но это последнее направление одно время, около половины XIV в., стало для мордвы рискованным. В пределах Пензенской губ. в это время успела образоваться довольно сильная „Наровчатская орда", где господствующим классом являлись татары. Князь Тагай при хане Абдуле утвердился (в 1361 г. Троицк. летоп.) „в стране мордовский Наручавтцкой" (Наручай—по Никонов. летоп.). В 1365 г. он напал на Переяславль Рязанский, сжег его набрал много полону и возвращался уже к себе, но под Шишевским лесом, на Воине, был настигнут Олегом рязанским, разбит и едва спасся с небольшою дружиной [1])

Таким образом к концу XV в. мордва в целом попала в очень тяжелое положение: от берегов Волги и от берегов Оки, в нынешней Нижегородской губ., мордва постепенно оттесняется

---

[1]) Очевидно, то значительных размеров городище рядом с г. Наровчатом, о котором упоминалось выше и которое в „Книге Большому Чертежу" носит название Наровчатского Городища, относится к этому времени. Территория Наровчатской орды, повидимому, была значительна, о чем может говорить Керенский клад татарских монет.

к югу и востоку; часть ее остается на месте, волей-неволей подчиняется русскому владычеству и начинает сливаться с русским населением; часть, с севера и запада, отливает к югу, за Пьяну, на Алатырь и его притоки, в теперешние южные уезды Нижегородской губ., в Саранский и Инсарский уезды Пензенской губ.; часть переходит за Суру в центральные места нынешней Симбирской губ. Но, испытывая давление со стороны Казанского царства, не может здесь прочно осесться и бродит по краю небольшими отдельными родами.

Вытесняемая со старинных мест на юге Рязанской, ю.-з. Нижегородской и севере Тамбовской губ., мордва—мокша частью остается на месте среди татарского и постоянно приливающего сюда русского населения, подчиняется русской власти и подвергается процессу обрусения (но не отатаривается), частью же отливает к югу, вверх по Цне, селится в местности, где позднее возникает Тамбов, а также к северу и западу от него, в нынешних Моршанском и Шацком уездах, или отливает далее к востоку—в Керенский, Наровчатский и Краснослободский уезды Пензенской губ. Продвигаться в глубь Пензенской губ. мордва, мокша (с запада) и эрзя (с севера), могут лишь с большим трудом. Свободному передвижению в глубь Пензенского края мешали своеобразные географические и отчасти политико-этнографические условия.

Как свидетельствуют разнообразные данные, значительная часть, около ²/₃, территории Пензенской губ. в то время и позднее (почти до конца 17 века) была покрыта лесами. Весь Городищенский уезд был занят большим Сурским лесом („Акты Московского Государства". т. I. № 2—4, 10—14); весь Мокшанский уезд, за исключением восточной, шириною от 20 до 50 верст, полосы, тянущейся по Суре, был занят Мокшанским лесом (Там-же, стр. 2); восточная и западная полосы Саранского уезда, весь Инсарский уезд, за исключением узкой полосы на ю.-востоке, восточная половина по Мокше и за Мокшей Наровчатского уезда (та и другая—за Мокшей к северу и востоку)—все это пространство было покрыто лесами, частью

краснолесьем, а главное—чернолесьем. В этом необозримом море лесов открытые места встречались лишь в виде отдельных клочков-полян или в виде узких „языков"-полос врезывавшейся в леса степи. „Дикое поле", чаще всего ковыльная степь („дикое поле ковыла" многочисленных актов), занимало всю территорию современного Пензенского уезда, за исключением небольшого клочка пространства от территории нынешнего города Пензы по направлению к Мокшану (верст на 30—нынешняя „засека" и леса за с. Веселовкой), покрытого лесом; отсюда ковыльная степь узкой лентой тянулась по Суре между Сурским и Мокшанским лесами, несколько расширялась на северо-восточной окраине нынешнего Мокшанского уезда, на южной окраине Саранского и юго-восточной Инсарского у. у., тянулась далее меж двух лесов по центральной части Саранского уезда до границы с теперешней Нижегородской губ., лишь кое-где покрытая колками леса. Вся южная часть Чембарского уезда была диким полем ковыля. От западной половины этого степного пространства дикое поле, с полосами лесов по рекам, входила в Керенский уезд и тянулась по нему, постепенно суживаясь к северу, до р. Вада. Здесь ее перерезывал узкий и довольно длинный язык леса, тянувшийся по нынешнему Керенскому уезду с северо-запада от Тамбовской губернии на юго-восток к нынешнему г. Верхн. Ломову. За этой узкой полосой лесов в западной половине Наровчатского уезда разстилалось дикое ковыльное поле, переходившее в лесо-степь в западной части Краснослободского у., ограниченной с востока и севера р. Мокшей. От восточной половины степи Чембарского уезда тянулась к северу по обоим сторонам р. Атмиса лесо-степь. [1])

Таким образом территория необозримых лесов Пензенской губ. была прорезана узкими, лишь по местам расширяющимися,

[1]) Обрисованные выше географические данные установлены по указаниям проф. И. И. Спрыгина, много лет занимавшегося исследованием растительного покрова Пензенской губ., а также на основании данных из „Актов Московского Государства" и многочисленных документов, опубликованных Тамбов. Ученой Архивной Комиссией (в. в. 1—55).

коридорами степи, представлявшими для кочевников удобные дороги для движения по ним далеко к северу,—в Нижегородскую губ. или Мещеру. Кочевники и пользовались этими дорогами-корридорами для нападений на населенные местности. Насколько знакомы были для них эти степные пространства Пензенской губ., видно из того, что по степям губернии проходил так называемой Самарский шлях (путь), от Самарского перелаза (место нынешней Самары) к западу по Симбирской губ. и частью Саратовской, а в Пензенской между р.р. Сурой, Мокшей и Вадом, с одной стороны, Хопром и Вороной—с другой. Это—так называемые Вадовская и Идовская дороги. По другому узкому пространству дикой ковыльной степи, тянувшемуся вдоль Суры по у.у. Пензенскому и Мокшанскому и далее, до границ Нижегородской губ., по Саранскому у. шла другая дорога кочевников, служившая им для нападений на далекие русские населенные места и получившая позднее название Ногайской дороги.

Таким образом, свободное расселение по Пензенской губ. мордвы, вытесняемой русскими из соседних губерний, было очень затруднено возможностью частых и неожиданных нападений кочевников, имевших возможность легко проникнуть в Пензенскую губ. Приблизительно такие же неудобства для расселения мордва встречала и в южных частях Симбирской губ.: с соседних Саратовских степей и с Самарского шляха постоянно могли налетать кочевники на мордву, проникшую кучками в Корсунский и Сенгилеевский у. у. Поэтому мордва должна была прятаться и селиться в больших, трудно проходимых лесах, напр. Сурском.

В начале XVI в владения некоторых „мордовских князей" составляли уже „отчину" Московского князя Ивана III, которую он завещал своему сыну. Но значительная часть мордвы—частью в действительности, частью лишь номинально, -принадлежала к Казанскому царству, и ее судьба была тесно связана с последним. Переход Казани в руки русских, очевидно, должен был отдать в те же руки и всю территорию мордвы.

Перед завоеванием Казани мордва занимала следующую территорию: западною границею мордвы-эрзи служили в Нижегородской губернии Муромские леса—здесь бортные ухожеи Ардатовской мордвы; восточная граница—р. Сура; северная граница—р. Пьяна и далее к западу, к Муромским лесам (по Арзамасскому у. Нижегор. губ.). Таким образом мордва-эрзя заселяла нынешние Арзамасский, Ардатовский, Сергачский и Лукояновский уезды Нижегородской губ., часть Ардатовского у. Симбирской губернии, части Саранского и Инсарского у. у. Пензенской губ. На юг, юго-восток и восток отсюда, даже до Самарской Луки,—бортные ухожеи, звериные ловища мордвы и рассеянные небольшие мордовские поселения. Мордва-мокша, как уже отмечено выше, жила по Цне, занимала Тамбовский, Моршанский и Шацкий уезды Тамбовской губ., Краснослободский, Наровчатский и Керенский у. у. Пензенской губ. Южные пределы мокши—земли, омываемые Хопром и Тансыреем—здесь бортные ухожеи мордвы-мокши; восточная граница—р. Мокша.

Незадолго до взятия Казани русская государственность в области мордвы-мокши сделала новые успехи: выстроены были Темников и „город на Мокше“, а местная мордва была еще раз потеснена частью к югу, частью к востоку[1]).

Поход на Казань был моментом завоевания (впрочем, вполне мирного) прежде всего территории мордвы-эрзи. Главное

---

[1]) Карамзин в своей „Истории“ к летописному указанию о построении города на р. Мокше сделал от себя пояснительное добавление—*Мокшан*, с датою 1535 г. На основании его пояснительного примечания и стали утверждать, что г. Мокшан основан в 1535 г. Это указание Карамзина представляется, однако, вполне недостоверным. Из изложенного выше видно, что так далеко к границам степи не могли доходить не только русские, но и мелкие мордовские поселения: с одной стороны, такой город ничем не был бы связан с другими русскими поселениями к северу от него, а с другой—он был одинок пред лицом необ'ятной враждебной степи. После основания этого предполагаемого Мокшана он в документах более не упоминается—пропадает бесследно. Лучше думать, что этот город на Мокше—*Красная слобода*, недалеко от Темникова, несомненно уже существовавший в XVI в. Действительный Мокшан был основан, как увидим, в 1679—1680 г. г.

московское войско с Грозным во главе шло от Москвы на Муром и, далее, через Саконы на р. Кевсу, приток Пьяны, на р. р. Медяницу, Мену и Алатырь, притоки Суры, на Суру, у Баранчеева Городища, и, далее, на Свияжск[1]). Чтоб закрепить за собой всю южную часть Нижегородской губернии, укреплен был Мордовский Арзамас и вновь выстроен Алатырь. Мордва эрзя частью осталась наместе, частью отошла на юг,—в Саранский, Инсарский, Мокшанский и Городищенский у. у. Пензенской губ. и в южные уезды Симбирской губ.

Со взятием Казани русскому населению уже ничто не грозило с востока, мордва эрзя подчинилась ей, но русская государственность не особенно спешила закрепить за собой вновь приобретенную территорию. Первоначально лишь для защиты русского населения, занявшего нынешние уезды Нижегородской губ.—Нижегородский, часть Арзамасского, Княгининский и Васильсурский,—устроены были сторожевые посты от Арзамаса до Алатыря. Несколько позднее, по боярскому приговору 1571 г., линия сторожевых станиц была вынесена далеко вперед, в пределы нынешних Симбирской и Пензенской губерний, а по Волге—от Тетюш до р. Балыклея, в Царицынском уезде Саратовской губ. В Пензенской и смежных губерниях станиц не было, а были сторожи. Первая сторожа состояла из шести человек алатырцев и была расположена на реч. Карсанаевой (Карганаевой), впадающей в Барыш (р. Барыш впадает в Суру справа, ниже Баранчеева городища). Она должна была раз'езжать по р. Карсанаевой вниз до Барыша на 15 в. и вверх до Сурского лесу („Акты Моск Госуд.“ т. I № 14 и др.). Таким образом, первая сторожа оберегала территорию Симбирской губернии от Суры до границ нынешней Пензенской губ., до Городищенского у. Вто-

[1]) Эти данные заставляют считать многие местные пензенские предания [illegible]. К числу их относятся: известия о походе Грозного [illegible] у (здесь был Курбский с вспомогательным отрядом), об основании острожка при впадении р. Пензы в Суру, об отсылке Грозным в этот острожек, позднее г. Пензу, иконы Спасителя, что ныне в Воскресенской церкви г. Пензы и т. д.

рая сторожа была расположена уже в Пензенской губ. Она состояла из 12 человек (из Кадома, Темникова и Алатыря — по 4 чел.) и должна была оберегать пространство от Суры до Мокшанского лесу. Она стояла на р. Шокше (р. Шукша в Мокш. у., впадает в Суру) и должна была раз'езжать вверх по Шокше („направо“) до Мокшанского лесу, до р. Кисв, до устья р. Кивлея — 20 верст („Акты Моск. Государства“ т. I. № 14) и „налево“ к Суре, до устья Шокши — 40 в. Третья сторожа организовывалась различно. Она состояла из кадомцев (6 чел.) и темниковцев (3 чел.), была расположена на верховьях р. Ломовой и должна была раз'езжать лишь „налево“ до Мокшанского лесу — 60 вер. („Акты“. № 4). По росписи Ю. Булгакова и Б. Хохлова („Акты“. № 14) эта же сторожа стояла „усть р. Шукстры“, переезжала вниз по р. Ломовой до Мокшанского лесу, 15 в., и вверх до Вадовских сторожей „полтретьятцать верст“. Четвертая сторожа (из Кадома и Темникова по 3 чел.) была расположена на верховьях р. Вада, раз'езжала „налево“ до Ломовской сторожи („Акты“. № 4, 9). По росписи Булгакова и Хохлова эта же сторожа стояла на верховьях р. Буртаса, Вада и Ломовой и раз'езжала до р. Выти[1]). Все эти сторожи, повидимому, как и станицы, были сменные: раз'езжать должны были лишь в течение 15 дней, сменяясь потом новой партией служилых людей в том же количестве и из тех же мест. Кроме того, по боярскому приговору 1572 г. были установлены две временных станицы из Шацка; эти станицы осенью должны были ездить выжигать траву в степях. Одна из станиц отправлялась в Тамбовскую губ. и жгла степь по Севоле (Сувала), по обе стороны Тиленорманского лесу и вверх по р. Вороне; другая жгла степь по р. Буртасу, Вороне, по обе стороны Чингара и по всему [illegible], т. е. в южной части Керенского у., в западной и [illegible]

[1]) Указания „Актов Моск. Госуд.“ „направо“ или „налево“ нужно понимать так: сторожа смотрела на степь, была обращена лицом к [illegible] к югу: след., направо — к западу, налево — к востоку. Верста XV в. — [illegible]; с начала XVII в. и ранее — мерная, 1000 саж., но в XVI в. употреблялась верста и в 500 саж.

ной части Чембарского у. и в северной части Саратовской губ., прилегающей к Чембарскому уезду.

Перечисленные выше сторожи становились в определенном пункте, указанном правительством, строили, повидимому, для себя временное жилье, а затем непрерывно раз'езжали взад и вперед, внимательно следя за степью. В случае опасности посредством конных гонцов или же огневыми или дымовыми сигналами давали знать в ближайшие пункты, предупреждая население, а главное, воинские отряды о налетающей со степи беде. Нужно признать, однако, что эти предупреждения часто могли запаздывать: кочевники, быстро передвигаясь по степи, могли налетать на русские поселения вслед за гонцами или даже опередить их. Поэтому правительство в 1578 г. нашло необходимым защитить свою юго-восточную окраину более основательным образом. Арзамас и Алатырь были соединены друг с другом линией „засек", которая от Алатыря шла на запад по р. Алатырю; здесь находились ворота, т. е. незащищенное пространство в засечной линии, называвшейся Ардатовским лесом. Затем линия по Алатырю шла к верховьям Теши, а отсюда по р. Теше на северо-запад к Арзамасу. Можно думать, что эта защитная линия не обрывалась на Арзамасе: в противном случае пространство к западу от Арзамаса до линии лесов оставалось бы открытым, не защищенным. Полагают, что линия полевых укреплений направлялась от Арзамаса на Темников и, так как шла главным образом по лесам, то состояла преимущественно из засек.[1])

Тотчас по проведении линии, правительство, как это было обычно, стало раздавать по черте укреплений и вблизи нее поместья служилым людям,—русским и инородцам, татарам и мордве,—с целью привлечь сюда безопасностью русское население и заинтересовать лично служилый люд в защите новых укрепленных и заселяемых местностей. Мордовские земли с оставшимся на них населением частью обратились в царские вотчи-

[1]) Полевые и лесные укрепления будут описаны ниже.

ны, а частью розданы были боярам, участвовавшим в Казанском походе, или вновь возникшим в крае монастырям,—Спасскому Арзамасскому и Троицкому Алатырскому. На эти монастыри была возложена чисто миссионерская задача—крестить язычников-мордву.[1])

С устройством черты и поселений по ней русская колонизация быстро достигает до Волги на востоке и, перейдя черту на юге, достигает Саранского у. Пензенской губ.,[2]) оттесняя мордву еще далее к югу, в Городищенский уезд. В Симбирской губ. русская колонизация, разливаясь по рекам, достигает верховьев Свияги, Суры и верхних притоков их.

Правительство, внимательно следившее за колонизацией русскими „дикого поля", по мере движения ее к югу, принимало меры к усилению ее и обезпечению населения от нападений кочевников. Перед Смутным временем в Сингилеевском, Симбирском и Сызранском у.у, раздавались земли боярам и служилым людям, и началась проведением вторая в этих краях укрепленная черта, значительно южнее первой (Алатырь—Арзамас). Эта черта от Ика (за Волгой), чрез Заинск и Тиинск, доходила до Волги. От Волги, несколько выше нынешнего Симбирска, черта шла на запад к территории нынешней Пензенской губернии, но благодаря событиям Смутного времени эта черта не была достроена.

Смутное время (1605—1613 г.г.) отчасти остановило русскую колонизацию, а в некоторых случаях даже отбросило ее назад, к северу. У местных инородцев было слишком много

---

[1]) Из „Пензенских десятней," из документов архива кн. Баюшева („Архив." Кн. 1) и из других многочисленных данных мы узнаем целый ряд фамилий служилых людей, поселенных по Арзамасской черте. Позднее эти же служилые люди, частью по распоряжению правительства, частью по доброй воле переселялись на новые черты уже Пензенского края—Инсарскую, Чембарскую и, особенно, Пензенскую.

[2]) Мы знаем, что в Саранском уезде в начале смутного времени (1609 г.) уже существовало достаточно населенное село Лада, основанное, очевидно, значительно ранее.

причин быть недовольными сложившимися условиями жизни. Они были недовольны тем, что попадали в крепостную зависимость от дворца и бояр, недовольны насильственными крещениями местных миссионеров-монастырей, недовольны утеснением в своем земельном и лесном просторе, недовольны захватом русскими их земель и угодий. Крепостная мордва разбегалась, поэтому, из вотчин; новокрещенные и некрещенные нападали на монастыри-миссионеров (в Алатыре один за другим было убито мордвою три игумена и разорен монастырь); инородцы, вообще, нападали на русские поселения, жгли и разоряли их; собираясь в целые отряды, нападали на города, на правительственные войска и вступали с последними в сражения. Часть мордвы-эрзи бросилась даже на Н.-Новгород; отбитая отсюда, она стала грозить уездным городам. В 1608 г. эрзя соединилась с мокшею, под предводительством князей Шугурова, Еникеева и др. Образовалось целое инородческое войско, разорявшее край; оно было разбито правительственными войсками недалеко от Казани, успев, очевидно, опустошить не одну губернию.

Тем не менее, Смутное время лишь отчасти задержало развитие русской колонизации, но отнюдь не остановило ее. Отчасти в то же Смутное время, а главным образом после него, с развитием в Московском государстве крепостного права, на линию, т. е. в южные уезды Нижегородской губ. и в центральные уезды Симбирской губернии, бегут крепостные крестьяне: одни селятся среди инородцев в их же селениях или в новых починках, другие бродят по краю и даже разбойничают. Уже в первой четверти XVII в. русское население снова и прочно заняло все те места, какие оно занимало непосредственно перед Смутным временем, т. е. подошло с севера к Саранскому и Инсарскому у.у. Пензенской губ. и стало вливаться в них, а с востока, по Симбирской губ., подошло к тому же Саранскому и, далее, к Городищенскому у.у. Но еще в составленной (точнее—возобновленной) в 1627 г. „Книге Большому Чертежу" по всей восточной части Пензенской губ. не было ни одного

укрепленного пункта, ни одного городка и даже ни одного крупного поселения. В губернии могли быть только села и деревни, вроде Лады, только мелкие починки русских.

Несравненно успешнее шло дело русской колонизации в XVI и первой четверти XVII в. в области мордвы-мокши, т. е. в Тамбовской губ., в уездах Темниковском, Спасском, Шацком и Моршанском, и в Пензенской губ., в у. у. Краснослободском и Наровчатском. Основание Шацка на Цне (1552 г.) отбросило мордву далее к югу и юго-востоку, а основание Темникова и, почти одновременно, Красной Слободы (1535 и 1536 г. г.) не только приблизило русскую колонизацию к границам Пензенской губ., но и дало возможность перешагнуть эти границы. Можно думать, что основание Краснослободска, как несомненно передового, укрепленного поста русской государственности, было в известной степени подготовлено русской колонизацией не только в восточных частях Темниковского и Спасского уездов Тамбовской губ., но и в западной части нынешнего Краснослободского у. Ряд селений, которые перечислены ниже, мы встречаем в конце XVI и начале XVII в.в., но возникли они, несомненно, ранее. Поэтому, нет ничего удивительного в том, что за много лет до взятия Казани, русский отряд проходил свободно через эту мордовскую территорию,—отряд князя Курбского шел от Темникова через Краснослободский уезд в Симбирскую губернию. Темниковские мордва и татары настолько уже были подвластны русской власти, что приняли участие в этом походе в качестве вспомогательных отрядов. Нужно признать, впрочем, что в рассказе Курбского нет никаких указаний на какие бы то ни было русские селения, которыми бы он проходил здесь.

Вторая половина XVI в., ознаменованная резким „оскудением" великорусского центра, вследствие социальной борьбы, земельной реформы Грозного и др. причин, и совпавшая с приобретением огромных земельных пространств по Волге, явилась моментом несомненного проникновения русской колонизации в Пензенский край с северо-запада и запада. В это время Красная Слобода, несомненно, уже существует, являясь

административным центром („присуд") целого ряда дворцовых вотчин, с особым воеводой и приказной избой. В конце XVI в., несомненно, существует уже слобода Пурдошки (ныне Б. Пурдошки, Краснослободского у.), при которой в 1589 или 1590 г. возник известный в истории местного края Пурдошский монастырь. Если потребовалось основание монастыря в новом крае, то, очевидно, русское население здесь было уже довольно значительно. В первой четверти XVII в. в северо-западном углу Пензенской губернии уже существовал ряд чисто русских и смешанных русско-татарских и русско-мордовских селений. Таковы, кроме *Красной Слободы и Пурдошек* с монастырем, *Каменный брод* (в 1614 г. село с 8 дворами помещиков и 6 дворами крестьян), *Девичий Рукав* (в 1617 г. торговое село, вотчина А. и В. Нащих и кн. Катырева—Ростовского, с двумя храмами, с населением в 90 дворов), *Арей* (в 1614 г. деревня, д. *М. Пурдошки* русско-мордовская, до 1585 г.), *[illegible]* (в 1608 г. значительно населенный пункт, вотчина Б. Салтыкова), *Аракчеево* (в 1614 г. деревня с населением в 18 дворов), *[illegible]* (в 1614 г., деревня с причтом, населением в 35 дворов), *[illegible]* ([illegible], село в 1614 г., 31 двор населения), *[illegible]* (в 1614 г. село с церковью, но без причта, с населением в 7 дворов), *Веденяпино* (в 1617 г. с церковью, но без причта: 7 дворов помещиков Веденяпиных, владеющих „отца их поместьем", 4 двора населения и [illegible]), *Шайгово* (в 1617 г. значится деревнею Шайгалан, Шайгуна тож, и место Лопатина с 13 дворами населения), *[illegible]* (1614 г. деревня с 15 двор. насел.), *[illegible]* (в 1614 г. деревня с 11 двор. населения), *Ворона* (в начале XVII в. дер. Дракино, Ворона тож), с.с. *Шейнино*, *Кочелаево*, *Дмитриево*, а также *[illegible] Городище* и, может быть, *Троицкое*[1]).

Следует прежде всего обратить внимание на географическое размещение перечисленных селений в пределах трех уездов

---

1) Подробности см. В. и Г. Холмогоровы „Материалы для истории, статистики и археологии г. Темникова и его уезда в XVII и XVIII ст. Темниковская десятина". Тамбов. 1890 г.

—Краснослободского, Наровчатского и Инсарского. Большинство перечисленных селений стоят на реках или близь рек — Урея, Савини и, главным образом, Мокши. Это ясно показывает, какими путями вливалась русская колонизация в Пензенский край: как всегда и в других местах, русская колонизация шла по рекам, выбирая свободные места, раздвигая инородцев или селясь вместе с ними. Местные инородцы или, оставаясь в покое, начинали жить бок о-бок с русскими, или, не вынося нового соседства из-за земельных недоразумений, отодвигались большею частью к востоку. Затем следует отметить, что большинство перечисленных селений являлись поместьями и вотчинами помещиков татар, и только часть их принадлежала русским помещикам, в том числе таким, как Нагие и Салтыковы, т. е. родственникам угасшей династии Московских Даниловичей или новой династии Романовых. Принимая во внимание, что Красная Слобода и, немного позднее, Троицкое являлись административными центрами дворцовых сел, нетрудно понять, кто начал или кто способствовал колонизации этой части Пензенского края. Это был дворец и его ближайшие родственники, взявшие в свои руки далекие и богатые окраинные земли. Наконец, следует заметить, что появление рядовых помещиков и самая раздача поместий в этом крае русским (напр. Веденяпиным) говорит за то, что русская колонизация в этот край проникала благодаря раздаче поместий, а это последнее свидетельствует о том, что край считался прочно занятым и безопасным.

Проникновение русской колонизации около половины XVI в. принимает массовый характер в соседней Тамбовской губернии, а потому становится заметным и в Пензенской. Берега Цнера и Цны около этого времени уже сплошь колонизованы русскими. Мордовское население Тамбовской губ., заключенное среди русских селений, сильно русеет, а частью отливает на восток к Мокше и далее за Мокшу. Мордовское население Керенского уезда, жившее между двух трудно проходимых лесов,— Тамбовского на западе, Мокшанского на востоке,—на севере соприкасавшееся с мордовским и русским населением Наровчат

ского и Темниковского у. у. а. на юге—с дикою степью, также начинает отливать большею частью на восток, а частью на северо-восток (Рожков. „Сельское хозяйство в Московской Руси XVI в". „Архив кн. Баюшева." т. 1). Этому выселению мордвы, помимо напора русской колонизации, сильно развившейся в степной окраине Московского государства с половины XVI в., способствуют больше всего нападения ордынцев, ногайцев и др. кочевников с юга на Темниковские, Шацкие, Кадомские и иные места—благодаря указанным выше особенностям в расположении лесов и степи на территории нынешней Пензенской губернии.

Это последнее обстоятельство указано в окружной царской грамоте в Пермь Великую. „В прошлых годех,—говорится здесь,—в Ряские и в Резанские и в Шацкие и в иные в Мещерские места крымские и ногайские и озовские люди прихаживали взгоном и те все места воевали, людей побивали и в полон служилых и уездных людей всяких, мужского и женского полу и младенцов, имали, и села и деревни многие пожгли и до конца разорили, и от тое татарския великия войны в тех во всех местех многие селы и деревни и подгородныя слободы запустели, а служивые люди от такия великия войны оскудели и учинились безлюдны и безлошадны и безоружейны, а православные крестияне, которые в тех местех, в полон поиманы, и ныне в полону и в росхищенье и во всяком в полонном мучении." („Акты Арх. Эксп." т. III, № 268, стр 409).

Мордва, таким образом, очутилась между двух огней: с севера и северо-запада в западную часть Пензенской губернии вливалась русская колонизация, особенно усилившаяся после Смутного времени, и занимала у нее земли, оттесняя мордву от рек в глухие леса; с юга постоянно налетали хищники-кочевники, уничтожая все на своем пути.

Но если эти оба обстоятельства были невыгодны для мордвы, заставляя ее покидать насиженные места, то последнее обстоятельство,—набеги кочевников,—было невыгодно и для людей русской колонизации, подрывая в корне все ее успехи. В этих трудных обстоятельствах русской колонизации и мордве прши-

ло на помощь русское правительство, решившее создать для защиты края не летучие только цепи охранных отрядов, а постоянную цепь укреплений.

II.

Защита Пензенского края правительством. Устройство укрепленных черт. Колонизация края правительством, помещиками и вольными людьми.

Для русского правительства это было не новое дело. Еще в Киевской Руси, при Владимире и Ярославе, русские границы со степью были ограждены системою полевых и лесных укреплений. Позднее Московское княжество начало ограждать себя с юга точно таким же образом. И теперь решились применить эту излюбленную и испытанную систему. „Царь Михаил Федорович,—читаем мы в выписке 1681 г. в „Розряде о построении новых городов и черты" (М. А. М. Ю.),—указал для защищения святых божиих церквей и целости и покою християнского от бусурманских татарских безвестных приходов на поле построить черту... от реки Пела к реке Дону до Воронежа на 377 верст, а от Воронежа... вверх по реке Воронежу к Козлову и Тамбову на 205 верст, а от Тамбова до реки Волги на 371 версты, всего на 956 верст, и по черте построить городы, а промеж городов по полям земляной вал и рвы, и остроги, и надолбы, а в лесах засеки и всякие крепости, чтоб на его, государевы, украйны теми местами татарскаго приходу не было".

В рассматриваемой местности (Тамбовская и Пензенская губернии) постройка городов, острогов, валов и засек началась в 1635 или 1636 г. г. В 1636 г. были основаны города Козлов и Тамбов. От Козлова, от р. Польного Воронежа до р. Челнавы „учинен земляной вал с тремя земляными городками, с башнями и с подлазами". От реки Челнавой к Тамбову и далее, к Кузьминой гати, „учинены надолбы". Эти ук-

репления примкнули к другим, старейшим укреплениям, шедшим отсюда к Воронежу. Между Цною и Тамбовом был проведен вал. Тамбовская линия укреплений на западе опиралась на р. Польный Воронеж с его топями, а на востоке на р. Цну и р. Тамбов; „от тех же крепостей пришел большой заповедной лес до Шаморских ворот, а от тех ворот пошел заповедной лес до Шацкого и до иных украинных городов“ (Нарцов. „Тамбовская и Козловская черта“. стр. 12). Таким образом, местность от Тамбова до границ Пензенской губернии была непроходимым лесом, который представлял собою крайне серьезное препятствие к проникновению конных кочевников на север в места, занятые русским и инородческим населением. Новые укрепления от Шацка могли итти на юго-восток, по р. р. Выше и Ваду, к линии и по линии сторожевых разъездов XVI в. Так оно и было в действительности. Можно думать, что после Красной Слободы вторым, по времени, укрепленным пунктом губернии явился г. Керенск, пока в виде острожка, на краю степи. Это было в 1635 или 1636 г. В том же 1636 году основан был „новый верхний город на р. Ломовой“, а 28 января 1636 г. Шацкому воеводе Юшкову велено было „набрать по городам вольных гулящих людей, которые были бы собою добры и молоды и из пищалей стрелять горазды и отослать их всех в новопостроенный город к (осадному) голове Богдану Соковнину“. Для набора в Шацк был послан И. Сытин. Набранных людей ему велено было отсылать в Темниковский уезд „в верхний новый город“ к Б. Соковнину. Набранным людям следовало давать поденного жалованья женатым по алтыну, холостым по 4 деньги, путевое довольствие дать по числу дней пути (по 1 алтыну и по 4 деньги), дать и подводы: семейным — каждому, женатым, но не семейным — на двоих одну, на холостых — одну на четверых. („Акты Моск. Государства“. т. II, № 40).

1 Февраля 1636 г. из приказа Казанского дворца послана память окольничему кн. А. Масальскому-Литвинову, где сказано, что „в нынешнем во 144 году (1636 г.) указал государь (т.) в Темниковском уезде в степи. На реке на Ломове поста-

вить острог путному ключнику Федору Глазово, а (?) указал государь в тот новый с... острог прислать с Москвы четыре пищали медених, ядро по две гривенки и по полутретьей гривенке, да пятьдесят пуд свинцу, пятьдесят пуд зелья, да к тем же пищалем ядра смотря по зелью" („Акты Арх. Эксп." т. III. № 260, стр. 397). Из изложенных документов видно, что в 1636 г. одновременно были „построены и оборудованы людьми и снаряжением „новый верхний город" и „острог" на р. Ломове в степи—очевидно, Верхний и Нижний Ломовы. Что это так, видно из окружной царской грамоты в Пермь Великую, где сказано, что „в прошлом во 144 году (1636) за Шацким от поля на реке на Ломове поставлены два города Ломовы: Верхней да Нижней" („Акты А. Э." т. III, № 268, стр. 410).

Постройка укрепленных линий для борьбы со степью на юго-восточной окраине России сейчас же сказалась, если вполне доверяться официальным документам, очень благоприятными последствиями. Из той же грамоты мы узнаем, что „в прошлом во 144 и в нынешнем во 145 году к Козлову и Тамбову приходили воинские люди и не по одиножды, и для войны, всякого крестьянского разоренья, хотели пройтить в Ряские и в Резанские и в Шацкие места; и из Тамбова и из Козлова воеводы... татар на войну не пропустили и поиск над татары учинили, татар побили и языки поймали; и теми новыми городами и крепостьми и в Ряских, и в Резанских и в Шацких во всех местех татарская война от приходов укреплена; и в тех во всех местех православные крестьяне живут в покое, безо всякого страхованья" (Там же, стр. 410). О тех же благоприятных результатах укрепления степной окраины мы знаем и из „Актов Моск. Государства" (т. II, № 72).

Можно, однако, думать, что результаты были не одинаковы для Тамбовского и Пензенского края. Дело в том, что население Тамбовской окраины было защищено двумя крепостями, линией валов, засек и надолб, тогда как западная окраина Пензенской губернии была защищена одним городом,—крепостью, Верх. Ломовом и двумя острожками, причем эти укрепленные

пункты не были связаны между собою линией укреплений; центральная и восточная части Пензенской губ. не были ограждены решительно ничем. Поэтому, было вполне естественно, что если не в годы построения крепостей и черты и ближайшие к ним, то в последующие годы степные хищники бросятся сюда, на более слабое место. Так оно действительно и было. Степняки шли или на Темниковский уезд (ныне у. у. Спасский, Краснослободский, Наровчатский, частью Керенский и Н. Ломовский) или долиною р. Суры далеко на север, в Нижегородскую губ. Напр., в 1645 г. темниковский воевода Г. Водоранкий доносил: „приходили в темниковский уезд крымские и нагайские люди и повоевали Темниковский уезд до села Троицкаго присуду (теперешний гор. Троицк) многия деревни и полон многой поимали и хотят де те татаровя приходить к городам и острожкам, которые по засекам, и прошед засеки, воевать Темниковский и Кадомский уезды" („Акты Моск. Госуд." т. II. № 238). Правительство боролось с этими набегами разнообразными мерами,—высылало в степь станицы и дозоры, а в некоторых укрепленных пунктах сосредоточивало значительные военные силы. Так, в ответ на набеги татар на Темниковский уезд велено было воеводе Христофору Рыльскому быть в Темниковских и Кадомских местах воеводою и стоять с мурзами и татарами в Керенском остроге. Меры, очевидно, были маладейственны: степные хищники становились смелее и начали нападать и на вполне укрепленные места. Необходимо было их набегам противопоставить сплошную линию укреплений и, в частности, для ограждения населения всей северной половины Симбирской губ., северной окраины Пензенской, южной части Нижегородской ряд валов, засек, крепостей и острожков протянуть через всю Пензенскую и Симбирскую губернии.

Эту мысль, выраженную еще в 1636 г. в общем плане укрепленных линий, и начинают частично осуществлять в конце 30-х и начале 40-х г. г. XVII в. в восточной половине северной части Пензенской губ., особенно в том месте, где лежал главный путь кочевников, нападавших на русское население,—долина р. Суры или, как она называется в разных документах, Сур-

ская или Ногайская дорога. Здесь были выстроены город-крепость Атемар, тотчас ставший административным центром особого уезда и особой церковной десятины (до 1642 г.) и остроги, —Саранск (около 1641 г.), и Шешкеев (1644 г.). Одновременно были укреплены Паровчатское Городище, село Троицкое, и, должно быть, возобновлены укрепления в Красной Слободе.

Эти факты говорят ясно, что правительство в данный момент отдавало свою главную заботу обороне более западных мест: в Тамбовской губ., в осуществление мысли правительственного плана обороны 1636 г., были быстро поставлены города, проведены валы, надолбы, засеки; в Пензенской губ. отдельными, разрозненными мероприятиями едва намечают выполнение мысли указанного плана. Очевидно, Тамбовская губерния была населена русскими достаточно густо, тогда как в Пензенской русское население ютилось пока на окраинах,—западной и северной.

Но разбросанные на далеком расстоянии друг от друга острожки и городки Пензенской губернии едва ли были в состоянии не только остановить, но и задержать хотя бы на короткое время степных хищников, по прежнему налетавших со степи. В 1645 г. хищники в количестве 3000 ч. обрушились на южные части Темниковского у., разорили здесь селения, перебили много народа, а еще большее количество увели в плен. В конце царствования Михаила и, особенно, в начале царствования его преемника решено было полностью осуществить постройку непрерывной линии укреплений от Цела до берегов Волги и, в частности, через Пензенскую и Симбирскую губернии. „А со 153 (1645) г.,—говорится в розрядной памяти 1681 г.,—царь Алексей Михайлович указал по черте устроить приоавочные городы и населить большим многолюдством и земляной вал устроить больше прежняго..... также надолбы большия и стоячие острожки частые, и лесные завалы у иных многих крепостей, каких доведется" (документ М. А. М. Ю. 1631 г.).

В силу этого распоряжения для мещерян-помещиков, а тем более их крестьян наступило очень тяжелое время. В 1644-

1645 г. г. крестьяне помещиков-мещерян (Пензенско-Тамбовского края) „делали на Шацкой засеке, на Пачковской прорехе, вал и рвы копали и всякия засеки и крепости делали". („Акты М. Г." т. II, № 402) В 1646 г. они же, с 5 дворов по 1 человеку, „делали город Керенской (т. е. на месте острожка делали крепость и строили слободы для служилых людей), вал валили и рвы копали, всякия степныя крепости делали с весны до зимы" (там-же. № 382). В 1647 году на Тамбовской степи „рвы копали, вал вели, степныя крепости делали" (там-же. № 402). В 1648 году им пришлось работать уже в другом месте. Что касается самих помещиков,—главным образом темниковских мурз и татар, то в 1645 году им пришлось быть с воеводою Христофором Рыльским в остроге Керенске, очевидно для обеерегания окраины и, особенно, для защиты начатого „валового" и „засечного" дела. В 1646 г. были в новом городе Тамбове с воеводою Р. Боборыкиным—„в сотнях, на под'ездах, станицах, на стороже и в степные походы ходили" (там же, № 238 и 382).

Из последнего процитованного документа довольно ясно видно, что первая укрепленная линия, в виде рва, вала, крепостей на валу и, нужно думать, засек по лесам, возникла в Пензенском краю в Керенском уезде, и, очевидно, эта линия примыкала к линии засек Тамбовской губ., подходила к Керенску, а от него шла по направлению к В. Ломову. Правда, в документе не сказано прямо, что вал и крепости крестьяне мещеряи делали именно у Керенска, но о существовании вала, рва и крепостей именно здесь и устроенных именно в этот момент мы узнаем из другого документа, где вал этот называется прямо Керенским валом (челобитная кн. Кугушева 1744 г., в архиве Тамбовской Учен. Комиссии, № 2393). [1]

---

[1]) Остатки этого вала дошли до настоящего времени. Вал, как указано выше, шел от границ Тамбовской губ.—по р. Ваду, по его правому нагорному берегу к Керенску, а отсюда к В. Ломову. По нагорному берегу сохранились следы земляных городков, в виде небольших четыреугольных площадок окопанных глубокими рвом. Следы вала у с. Б. Луки, по гребню горы к д. Исеевой, у Керенска близь слободы Красовки, у с. Ягановки, против с. Козлейки (Петерсон. „Исторический очерк Керенского Края", стр. 5—6 и прим).

Вся эта линия укреплений, состоящая из вала, городков, башен и засек, получила название Керенской черты. В цитированных документах не говорится, в каких именно пунктах, кто и в каком количестве был поселен по черте. Но из других документов узнаем некоторые подробности и об этом. Так, в Чиуш-Каменке в 1655 г. жили засечные сторожа, а в 1677 г.—казаки, с. Рахманка основана на месте бывших конных казаков; Воборное принадлежало стрелецкому выборному полку; Киты были колонией этого полка (Петерсон, „Историч. очерк Керенского края". стр. 13-14). Узнаем также, что татары селений мимо которых прошла черта, были поверстаны в службу по черте.

В следующих 1647-1648 г. г. те же крестьяне мещеряи, как это указано выше, делали так называемые Ломовскую и Инсарскую черты: „вал и рвы копали и всякия засеки и крепости делали" („Акты М. Г". т. II. № 382, 402). Судя по времени основания г. Инсара (1648 г.) можно с уверенностью думать, что линия валов и засек начата была у В. Ломова, шла к Н. Ломову по р. Ломову до впадения этой реки в Мокшу; это—Ломовская черта. От Мокши к реке Инсарке шел ряд засек и отчасти валов, а также по Инсарке до впадения ее в Иссу. От Мокши до Иссы—Инсарская черта. В 1647-1648 г. г. при впадении Инсарки в Иссу заложена была крепость Инсар и несколько отдельно от нее посад, воеводою Гр. Борняковым. От Инсара черта, состоящая, кажется, исключительно из засек, направлялась на вновь устроенный Потижский острог (это—Потижская черта), далее—на Корголеевский острог к выстроенному ранее Шешкееву. От Шешкеева засека шла к ранее (1641 г.) выстроенному Саранску, тогда—небольшому острогу. На другом берегу р. Инсара, против Саранска, был выстроен вновь Инзерский острог (ныне с. Посоп Саран. у.) От Инзерского острога к Атемару шел вал с надолбами, а от Атемара тот же вал уходил в Симбирскую губернию, на ю.-в., и упирался в берег Суры, где смыкался с линией укреплений Симбирской губернии. Черта укреплений от Суры чрез Атемар и Саранск к Шешке-

ему носила название сначала Атемарской, а позднее — Саранской черты.

В то же время, как проводилась эта черта, арзамасцы и нижегородцы, по особому царскому указу, должны были „нести службу с воеводою и окольничьим Б. М. Хитрово на Алатыре — с весны до прихода воинских людей, на стене города поставить и всякия крепости устроить". („Акты Моск. Гос." т. II № 308). Позднее ту же службу нести иных городов люди. В промежуток времени с 1648 по 1654 год линия валов, засек, острожков (так называемая Симбирская черта) от берега Волги, от основанного в 1648 году Симбирска, протянулась на запад через городки Юшанск, Уржум, Тагай и Урень до Корсуня (основан тоже в 1648 г.). От Корсуня чрез Малый Корсунь, Танеск, Аргаш, черта доходила до Сурского острога (Корсунская черта), где линия входила в связь с Саранскою чертою. Что представляли собою эти укрепленные линии, можно отчасти судить по сохранившимся остаткам их, частью же по архивным документам. В нескольких верстах от Инсара, мимо Старой Верхней Вязеры, к Пензе идет вал, длиною версты 1½. Ширина вала (по верху) 3 арш., ширина рва — до 2 саж. От Н. Ломова до Мокши идет вал, длиною до 12 вер.; ширина его в подошве 4 саж., по верху 1½ саж., ширина рва — 3½ сажени. На протяжении этого вала — остатки оснований башен; основание круглое, в диаметре 10 саж. Близ Атемара — городище, длиною 109, шириною 80 саж.; ширина валов и рвов — до 10 саж. У Саранска — земляной вал, по верху 1½-2 арш., в основании до 3 саж.; тут же земляное основание круглое для башни, диаметром 6-8 саж., в основании до 12-15 саж.

Из обзора сохранившихся остатков валов и рвов постройки 1648 года видно, что сооружения эти были весьма значительны, особенно в угрожаемых местах. Копался ров до 2, до 3 и более сажен шириною; земля выкидывалась внутрь, на „русскую сторону" и получался вал, шириною в подошве до 3-4 или более сажен, по верху 1-2 саж. На известных пунктах или же на известных промежутках делались круглые, с кру-

тыми откосами, основания для башен, шириною [illegible]. Там, где в линию укреплений включались города и значительные остроги, земляные укрепления принимали еще более значительные размеры, как это видно из остатков Атемарского городища. Вдоль вала, по его гребню, врывались стоймя толстые бревна, скрепленные между собою; башни обычно делались из дубовых бревен в клетку, с шатровой крышей, с приспособлениями для обороны. В наиболее угрожаемых местах по краю рва или по его дну вбивался сплошной ряд толстых бревен (надолбы). Такой вид имели укрепления на открытых местах. Когда же линия укреплений шла по сплошному лесу, она имела особый вид. Здесь копать рвы и возводить валы было или затруднительно или даже совершенно бесполезно: самый лес служил значительным препятствием для конного степного хищника. Здесь устраивались „засеки“. Лес просекался полосою в 20—30 саж; срубленные деревья складывались широким валом вершинами к неприятелю; саженях в 25 или „как пригоже по рассмотрению“ шла узкая дорожка („стежка“), так что по ней можно было проехать лишь одному конному сторожу („засечному“); по стежке никто более не имел права проезда. От стежки было видно, в каком состоянии находится вал срублен[illegible].

Легко можно представить себе, в чем состояла работа тех „деловцев“, которые сгонялись правительством нередко из очень далеких мест в степь к „валовому“ или засечному делу“. В степь далеко вперед по направлению к неприятелю, высылались [illegible], которые осматривали степь, подмечали следы, по следам определяли [illegible] прошедших всадников, ловили языков и давали об [illegible] знать ближайшим сторожам или станицам, которые на определенных местах раз‘езжали взад и вперед, тоже зорко следя за степью и о малейшей опасности давая знать военным отрядам, стоявшим на самом месте работ для защиты деловцев. Отряды сейчас же могли выступить в степь или приготовиться к обороне, а деловцы или хватались за оружие или укрывались [illegible] отрядами. [illegible]

тные и пешие. Одни из них рубили леса и изготовляли бревна для укреплений, другие возили его на места, третьи устанавливали бревна по валу или в виде надолб, четвертые рубили башни или „стоялые остроги“, пятые копали рвы или приносили со стороны землю для валов и т. д. На громадном протяжении с с весны до зимы кипела работа сменяющихся очередей деловцев и возникали эти своеобразные „китайские“ стены укреплений, назначенных для защиты русского населения от степи. Менее сложная, но не менее тяжелая работа шла по лесам, где срубались деревья и укладывались в известном порядке и направлении.

Таким образом, правительственный план защиты степной юго-восточной окраины Московского государства системою городов, острогов, валов и засек, задуманный несколько ранее 1636 года, был осуществлен через 18 лет. Теперь кочевники-хищники на всем пространстве от Волги и до Тамбова могли встретить или надлежащий отпор или, по крайней мере, такое препятствие, которое трудно было устранить при посредстве имевшегося у них оружия. Но проведение валов, засек, устройство городов и острожков было лишь половиною дела. Следовало еще заселить черты укреплений служилыми людьми, а города по ним „многолюдством“. Это и делало прежде всего правительство. Заселение последним черт Тамбовско-Пензенско-Симбирского края шло параллельно их устройству. Васточные черты (Симбирская и Карсунская) были заселены с прежней окраинной черты Арзамасско-Алатырской и отчасти из некоторых понизовых городов. Новым поселенцам велено было выбирать места под поселение у рек и лесов, правительство выдавало им по пищали и по 5 руб. на человека на обзаведение. Это были правительственные поселения в собственном смысле слова. Жившие по черте уже ранее, обычно беглецы из центральной России, принуждались брать тягло и наделялись землей, лугами, лесом.

Первые поселенцы с старой черты несли там ранее разнообразную службу — были засечными сторожами, вратниками,

пахотными солдатами и т. д. Те же обязанности они должны были выполнять и на новом месте. Часть уже бывшего здесь русского населения тоже делалась служилыми людьми, а часть, как указано выше, несла тягло. Затем с старой черты переселялись специально военские люди—солдаты, казаки, драгуны, рейтары, жившие там слободами и одновременно занимавшиеся хлебопашеством. То же самое они должны были делать и здесь.

Черты Пензенского края—Саранская, Инсарская, Ломовская и Керенская,—заселены были по распоряжению правительства „мещерянами" т. е. жителями тогдашних уездов Темниковского, Кадомского и частью Шацкого. Заселение началось в 1636 году и продолжалось до окончания постройки черт. В числе переселенцев были как русские, так и в особенности татары, мордва, „черемисы". Большинство было переведено на черты на службу прямо с тягла и потому долго не могло привыкнуть к новым военным обязанностям. Выше уже было указано, что в новый верхний город на р. Ломовой были набраны вольные гулящие люди из Темникова, Кадома и Шацка и здесь, очевидно, поверстаны в службу и поселены на посаде. В 1647 году в Инсар на посад было переведено из Темникова 300 служб. В 1646 году таким же способом и оттуда же был заселен Керенск. По документам в числе посадских Саранска находим „темниковских переведенцев". Очевидно, подобным же способом и оттуда же были заселены Н. Ломов, и Шешкеев; Атемар и отчасти Саранск были, кажется, заселены переведенцами из Нижегородской губернии. Точно таким же путем были заселены и самые черты. В Керенском уезде по валу были поселены слободы служилых людей, большею частью татар из Темниковского уезда. По Ломовскому валу были поселены мордва и русские оттуда же. По Инсарской черте, по р. Лухме была поселена мордва из Темниковского уезда в селениях Верхняя и Нижняя Лухма. По Потижской черте основаны вновь и заселены из того же Темниковского уезда Потижская слобода, Засечная, Адашево, Алеменно, и Аксел. Тогда же выстроены и таким же путем заселены Корткеевский, Сумеченский и Тумчевский

остроги. Всего на Инсарскую черту было переведено из Темниковского уезда до 300 служб. По Атемарской или Саранской черте, как это видно из Атемарских десятен („Истор. библиотека". т. XVII), частью были поселены вновь из разных мест, частью лишь „поверстаны" в службу местные жители нескольких селений к северу от вала—татары, мордва и русские. Таковы селения: Аксеново, Тавла, Рейтарская (татары здесь были поверстаны в рейтары), д. Княжая (мордва поверстана в рейтары), д. Уда, с. Нов. Пятина (русские поверстаны в рейтары, казаки и солдаты).

Из только что приведенных сведений видно, что не только переводились на черты переведенцы из ближних и дальних уездов, но и версталась на службу не только местные русские жители, как это указано для Симбирской, Карсунской и Атемарской черт, но и местные инородцы, оказавшиеся на черте или даже вне черты, на степной, „ногайской" или „татарской" стороне. Так известно, что по Потижской черте и в Инсар набраны в служилые люди мордва селений, существовавших здесь ранее—Челмодеевский Майдан (Челмодеево), Шадым, Верх-Исы, Новляй. По речке Коргляю поселены многие переведенцы, набранные в службу из мордовских окрестных селений. В Туляевском остроге и в засечных крепостях по Туляевской дороге служила мордва, переведенная сюда из-за валу со степи или с „Крымской стороны", как выражаются документы. В Керенском уезде были поверстаны в службу по острожкам татары ранее существовавших здесь селений, вблизи проведенного вала—Лаки, Лундана, Чиуш и др.

Такова была правительственная колонизация черт Пензенского края. Она передвигала на новые места поселения тысячи народа,—и русских, и татар, и мордву,—нередко за десятки и сотни верст, на месте уничтожала одни селения и основывала или заставляла основывать другие. Тысячи народа ставились при этом в новые условия жизни, принуждались к новым, нередко чуждым им занятиям, что, конечно, вносило разруху в их обиход и хозяйственную жизнь. В новом краю было

все новое; только что заведенные и новые порядки нередко прививались туго или даже не прививались совсем, и вся жизнь новым поселенцам казалась новой, часто ненастоящей жизнью.

Но не одно правительство заселяло новый край. К новым городам и уездам приписывались, иногда очень охотно, порою даже самовольно, в службу (в десятни) служилые люди—дворяне, дети боярские,—которые за свою службу получали в поместье земли по 50 четвертей и выше и денежное жалованье (не всегда). Состоя на службе в городе, в станицах и в походах, помещики нового края, очевидно, должны были сами озаботиться тем, чтоб земля их „не лежала в пусте", а обрабатывалась. Для этого они переводили из своих прежних поместий, обычно из ближайших (впрочем, иногда и из отдаленных) уездов своих крепостных крестьян, дворовых и „бобылей", селили на вновь полученных поместных землях и тем полагали начало поселкам, и до сих пор носящим имя—фамилии своих прежних владельцев и основателей. Нередко эти поселки увеличивались через приток беглых крепостных людей из центральной России, которых местные помещики, чрезвычайно нуждавшиеся в рабочих руках, принимали очень охотно, несмотря на все указы и угрозы в них со стороны правительства.

Источником для получения сведений о колонизации только что укрепленного чертами края благодаря раздаче поместий и переводу в эти поместья крепостных из других ближних и дальних уездов России являются десятни Пензенского края—две Атемарских 1669—1670 и 1679—1681 г. г., Верхоломовская 1681—1696 г.г. и Керенская 1692 г. Из первой Атемарской десятни видно, что раздача поместий в Атемарском (позднее Саранском), уезде началась одновременно или почти одновременно с основанием Атемара. В списке значится 54 фамилии служилых людей, поверстанных в службу по Атемару „в 150 году", т. е. в 1642 г. Тогда же им розданы и поместья. Следующими моментами наиболее интенсивного верстанья помещиков по уезду являются 1649 г. (тотчас за проведением Атемарской или

Саранской черты), 1650 и 1651 г. г. Другие поверстаны в службу в разные годы, вплоть до 1670 г. Большинство поверстанных, русских, татар и мордвы, поверстаны вновь. Но из той же десятни узнаем, что часть помещиков переписалась на службу из других уездов, а некоторые позднее переписались по Пензе и по Симбирску. Из второй десятни узнаем, что у целого ряда помещиков на их землях имеются крепостные крестьяне или дворовые люди, или бобыли Таковы: Аникиев, Милохов, Аленин, Чуфаров, Симбугин, Ульянин, Беликов, Своитинов, Дмитриев, Карачурин, Чарыков, Лехотников, Романов, Тарканов, Михалчуков, Лазарев, Щукин, Зазеркин, Алашеев, Пилюгин, Апраксин, Маслов, Оленин, Демьянов, Скрябин, Юматов, Хардин, Юрасов, Загарин, Мартынов. В списке селений тогдашнего Атемарского—Саранского у., обнимавшего части уездов Инсарского, Мокшанского, Городищенского и весь Саранский, встречаем селения: Чуфарово, Симбухово (Симбугино), Дмитриевка, Романовка, Щукино, Алашеевка, Масловка, Скрябино и Юматовка.

Просматривая ту же десятню, находим фамилии Внукова и Нечаева, а в числе селений Саранского у.—Внуковку и Нечаевку, бывших в XVIII в. во владении тех же фамилий. Далее, в той же десятне видим фамилии Анненкова, Ермолова, Пенкова, Степанова, Сумарокова, Жулебина, Ларионова, Сыропятова, Аристова, Смолькова, Кадышова, а в числе селений в прежнем Саранском и, большею частью, в нынешнем Саранском у.—Анненково, Ермоловку, Пеньковку, Степановку, Сумароково, Жулебино, Сыропятовку, Аристовку, Смольково и Кадышевку. Во всяком случае, совпадение фамилий и названий не случайное. Если в 1642 г., когда были поверстаны по Атемару все только, что перечисленные помещики, у них не было крепостных, поместья у них не были заселены, то это легко могло случиться во второй половине XVII в., потому что без крепостных помещики в данный момент обойтись не могли.

Итак, из рассмотрения Атемарских десятен становится с несомненностью очевидным, что значительному количеству се-

лений Саранского у. положено начало в XVII в. помещиками, верстаными или переписанными по Атемару. Крепостных и некоторых многие из этих помещиков легко могли перевести из уездов Арзамасского (главным образом), Алатырского, Курмышского, Шацкого и—более далеких—Муромского, Переяславль-Рязанского: эти именно уезды указаны в „сказках" помещиков, поданных ими в Атемаре.

Беглое рассмотрение десятен Верхоломовского и Керенского у. у. приводит к темже заключениям. Состав верстаных по уездам—русские, татары, и очень много мордвы. Фамилии служилых людей и названия селений безусловно сходятся, напр. по Керенскому у: Скуратов, Дураков, Кашаев, Дьячков—Скуратовка, Дураково, Кашаевка, Дьячевка; по В.-Ломовскому у. (захватывавшему тогда Н-Ломовский и часть На овчатского): Мещеринов, Веденяпин, Невежкин, Чирков, Пополутов, Стяжков-Гребенщиков— Мещерино, Веденяпино, Пополутово, Стяжкино, Гребенщиково (Наровчатского(уез.), Веденяпино, Чирково (Нижне-Ломов. у.), Невежкино, Чембарск. у).

Таким образом, если принудительную колонизацию Пензенского края, практиковавшуюся правительством и тотчас после проведения черт, можно назвать правительственной то колонизацию края, производимую помещиками вскоре после верстания их по уездам края, можно назвать принудительной дворянской. Но помимо правительственной и дворянской колонизации, в обоих случаях принудительной, была колонизация и вольная. Из центральной России, где после 1649 г все сильнее стали развиваться самые грубые формы крепостного права, бежали в вольные степи и леса новой государственной земли крестьяне от своих помещиков, преступники, спасавшиеся от жестокого Московского правосудия, и вольные „гулящие" люди. Всех их новая сторона, нуждавшаяся в людях и особенно в ... людях, принимала очень охотно. Они селились в городах и делались посадскими, селились в новых починках-поместьях, ... в мордовских деревнях и вольно в новых починках, по многочисленным рекам и речкам края, оседая на землю и занимаясь

хлебопашеством, селились по лесам, занимаясь охотой, а иногда и разбойничая. Первые вольные русские поселения в пределах Саранского и Инсарского уездов появились по р. р. Инсаре и Рудне и в лесах северной части Инсарского у.

Из изложенного выше видно, что в Пензенский край и прежде всего в ту часть его, которая оказалась защищенной новыми чертами, во второй и третьей четвертях XVII в хлынул поток русских, сначала в виде воинских отрядов, оберегавших край, потом в виде огромного количества деловцев, строивших укрепленные черты края, затем в виде правительственных, помещичьих и вольных колонизационных отрядов. Этот поток русской колонизации должен был определенным образом задеть интересы живших уже в крае инородцев, особенно мордвы. Земельному и, особенно, лесному простору было положено начало конца: началось утеснение инородцев, захват правительством и частными лицами мордовских угодий, а главное, началось верстание инородцев в военную сторожевую службу и обложение их ясаком в очень значительном, как увидим, размере. Назначение инородцев на военную службу, как это указано выше, сопровождалось иногда переселением их с одного места на другое. Все это ставило перед инородцами вопрос о том, как им следует отнестись к явившейся в край русской власти и, особенно, как отнестись к русской колонизации. Решение этого вопроса было дано уже предшествовавшей практикой: часть мордвы, менее организованная, менее энергичная, оставалась на месте, начинала „русеть" и сливаться с русскими; другая, более организованная, более энергичная, не желавшая поступиться организованными формами хозяйства, находила другой исход—бежать от тягостей службы и обложения, бежать от соседства русских. Путь или направление для колонизации мордвы был один: на юг, в степи Саратовского края, выселение было затруднительно, иногда прямо невозможно,—это значило подвергать себя постоянным ударам степных хищников; путь на север, запад и восток был закрыт русской колонизацией, вливавшейся в Пензенский край именно с этих сторон. Оставалось одно направ-

ление—на юго-восток, в огромные леса Городищенского у., куда мордва ходила и ранее, в свои „ухожеи“, куда она начала переселяться в XVI и, может быть, еще в XV в. в. Теперь, в XVII в., весь Городищенский уезд постепенно был заполнен мордвою, сливавшеюся сюда из разных уездов края,—Саранского, Инсарского, Краснослободского, Наровчатского и Керенского. Оттого, несомненно, в этом уезде и встречается до сих пор такое большое количество чисто мордовских селений: после Краснослободского Городищенский уезд занимает второе место по числу мордовских селений; третье место принадлежит Инсарскому у.; четвертое—Саранскому, а далее следуют: Наровчатский, Чембарский и Н.-Ломовский у. у. В Мокшанском и Пензенском у. у. мордовских селений нет: через первый у. мордва лишь проходила, во второй, как степной, сливавшийся с Саратовскими степями, мордва не шла совсем.

III.

Постройка Пензы, крепости и посада. Первоначальное население города. Линия военных поселений в долине р. Суры.

Постройка укрепленных черт от Керенска до Атемара и, далее, до Суры в Симбирской губернии разделила территорию Пензенской губернии на две неравных половины: северо-западная меньшая часть, в валу и засеках, стала называться „Русской стороной"; около $^{3}/_{4}$ ее было заполнено лесами. Юго-восточная большая часть, за валом и засеками, получила название „Степной" или „Крымской стороны". Действительно, как это указано выше, значительная часть ее была или „диким полем ковыла" или была лесо-степью От линии Саранск-Сурский острог к югу тянулось, сначала неширокой, потом расширявшейся и снова, к югу от р. Шукши (в Мокшанском у.), узкой полосой вплоть до местности, занятой ныне Пензой, дикое поле ковыля. В Пензенском у. это дикое поле расширялось, охватывая всю территорию уезда и сливаясь с Саратовскою степью и почти весь Чембарский у., большая часть Керенского южная часть Наровчатского были также диким полем ковыля. Н.-Ломовский у., по Атмису, был лесостепью. Весь Городищенский у., окруженный Сурою, был покрыт огромным Сурским лесом; значительная часть Мокшанского уез. к западу от Суры, также была покрыта лесом. Таким образом, в юго-восточной или Крымской стороне Пензенского края довольно правильно чередовались полосы леса и степи: леса Городищенского у. узкая полоса степи Мокшанского у., леса по Мокше, лесостепь по Атмису и дикое поле Керенского у., Такие особенности растительного покрова юго-восточной части Пензенского края, разобщавшие части населения друг от друга были очень невыгодны для русского населения и очень выгодны для хищников-степняков. Последние

по полосам степи быстро и удобно могли достигать линии валов и засеки, нападать здесь на новые русские поселения, а русским они препятствовали переброситься через линию валов и засек на привольные, плодородные степи и заставляли ютиться в лесах северо-западной части края лишь на полянах и на росчистях из-под лесов.

Несомненно, как это указано выше, еще во время постройки городов, валов и засек (1636-1648 г. г.) правительство должно было выкидывать вперед, в степь, вооруженные отряды, которые могли бы предупредить работающих о налетающей со степи опасности; несомненно и позднее, когда укрепленные линии были отстроены, приходилось высылать в степь, помимо раз'ездов по черте, не только раз'езды-дозоры, но и целые станицы, т. е. отряды. Эти станицы или сторожи из новопостроенных городов, как сторожи станицы 1571 года, конечно, избирали определенные линии раз'ездов и здесь, возможно, строили небольшие острожки или вообще помещения для временного проживания в степи.

На одной из таких линий раз'ездов, месте удобном для наблюдений и защищенном естественными условиями, на р. Пензе, при впадении ее в Суру, возник, после 1648 года, Черкасский острог. Черкасы, или казаки-малороссы, утесняемые поляками во время неудач восстания Хмельницкого, перешли, после 1646 года, с разрешения Московского правительства, на территорию тогдашней России и правительством, как это видно из розрядной памяти 1681 г. (М. А. М. Ю.) были расселены в городках и десятках острожков по течению рек Хопра, Медведицы, Воронежа и др. Новой острожек, позднее г. Пенза, оказался степным сторожем, возникшим на одном из главных путей кочевников (по Самарскому шляху и по Ногайской дороге). Может быть, этот острожек и не мог удовлетворительно выполнить своего назначения, но его выгодное стратегическое положение, с одной стороны, необходимость так или иначе преградить для кочевников доступ через широкую Сурскую долину на север, а равно необходимость обезопасить русское, мордовское и татар-

ское население, начавшее неудержимо приливать в эту долину[1],) с другой,—все это побудило правительство обратить серьезное внимание на новый острожек и решиться превратить его в серьезную крепость. Это было в начале 60-х г. г. XVII в.[2]). Тогда же, очевидно, было решено не оставлять ее одинокой на краю степей, а связать ее линией военных поселений с укрепленными чертами, проведенными по Пензенскому краю в 1646-1648 г. г.

Можно думать, что, как это было в обычае, место для будущей крепости было осмотрено особой комиссией (2-3 чел., путный ключник и под'ячий), был составлен план, а затем постройка крепости, как значительной, поручена была иноземцам, под руководством Осипа Ивановича Зумеровского[3]), который, как видно из документа М. А. М. Ю., получил за труды по построению крепости в 1663-1664 г.г. немного более 300 рублей. Когда крепость была построена, она была вручена новому воеводе Елисею Протасьевичу Лачинову, с поручением построить при крепости посад и слободы, провести линию военных поселений от новой крепости к Саранску, наделить служилых и посадских людей города, а равно и военных поселений по долине р. Суры землею, обозначив точные грани этих земель. Лачинов, приняв крепость и „старых“ черкас от Юрия Катрацкого, т. е. приняв в свое ведение и Черкасский острог, выполнил все, ему предписанное. Подробный обстоятельный отчет о сделанном им и представляет собою „Строельная книга г. Пензы“

---

[1]) В Сурской долине еще перед основанием г. Пензы находим следующие поселения: д. Шелдаис (татары), д. Усть-Шукша (мордва), Анзибейская и Кутлинская слободы (русские) далее на север, уже в Саранском уезде—д. Авьяс (мордва).

[2]) Год основания Пензы неизвестен: не найдено ни специальных царских указов по этому предмету; нет в Строельной книге г. Пензы и первого листа, где, несомненно, находилась ссылка на указ, может быть, как это было обычно с обозначением года. Известно лишь, что крепость строилась в 1663-1664 г.г., а посад и слободы заселены с 1664 до 1666 г.г. (Свечин). Возможно, что большая крепость стала строиться и ранее 1663 г.

[3]) Осип Иванович Зумеровский, выкрест-немец, сначала Самарский, а потом Додиловский воевода.

(издана Борисовым в „Чтениях Московского О-ва Истории и Древностей“ и отдельно в 1898 г). Таким образом, город Пенза имеет двух основателей-строителей: Осипа Ивановича Зумеровского и Елисея Протасьевича Лачинова, первого воеводу г. Пензы.

Что же построили Зумеровский и Лачинов, иначе говоря то представляла собою Пенза в 1663—1665 г.г.? Крепость-город был расположен не на венце горы, а на выпуклом скате ее, к востоку, почти над обрывом ее к р. Пензе. Это был довольно правильный квадрат, в 413 саж. 1 арш окружностью, немного более 100 саж. каждая сторона[1]). Прежде чем приступить к устройству крепости, часть горы, нужную для построек, очистили от векового леса[2]). Затем вырыли очень широкий (до 5 саж.) и довольно глубокий (до 2 саж.) ров; вынутую землю наложили широким и высоким валом внутрь образованного рвом квадрата По валу выстроили бревенчатую стену из толстых дубовых стволов, добытых на месте (бревна были положены, а не врыты в вал стоймя). Углы крепости и трое выездных ворот (к югу, востоку и северу) были увенчаны дубовыми башнями, устроенными, по обыкновению того времени, в клетку, с шатровыми крышами и разными приспособлениями для обороны. Недалеко от центра крепости, ближе к юго-западу, был устроен деревянный дубовый собор, „во имя Всемилостиваго Спаса с приделом Сергия Чудотворца“, а при нем дворы двух священников, дьякона, двух причетников и просвирни[3]). Недалеко от собора, к северу-западу, находился воеводский дом, при нем

---

[1]) Цифровой материал и описание внешнего вида крепости можно читать у Свечина (копия этого документа находилась в архиве Пенз. Учен Архив. Комиссии).

[2]) Шипин бор, или как читают другие Шилим-бор. Повидимому, второе чтение более правильно.

[3]) В. и Г. Холмогоровы. „Пензенская десятина“, рукопись по документам М. А. М. Ю.

приказная изба[1]), помещение для склада и хранения казенного имущества и, особенно, военных припасов, дома-сторожки воротников и помещения для караульных частей гарнизона (но гарнизон жил в слободах).

Западною стороною крепость примыкала к лесу (сохранившемуся до сих пор) на венце горы. Пологий склон горы от крепости к югу был очищен от леса. Ближе к лесу, расположенному на вершине горы, шли от крепости к югу слободы пеших казаков[2]). Всех дворов в слободах пеших казаков насчитывалось свыше 110. Восточнее этих слобод, по тому же склону горы и в том же южном направлении тянулись слободы шацких переведенцев из дворцовых государевых сел. На прежней своей службе по Шацку они состояли драгунами, а в Пензе были поверстаны в конные казаки, но охотно сохраняли за собою свое прежнее служебное название[3]).

Всех дворов здесь насчитывалось 86. У юго-восточного угла крепости, по крутому скату к реке Пензе, были расбросаны дворы немногочисленных пушкарей—11 (позднее Пушкарская улица). К северо-востоку от крепости, сейчас же за ее стенами, по пологому скату горы протягивался небольшой посад, где жили мелкие чиновники воеводского управления и невольные поселенцы („переведенцы“), по указу царя сосланные „на вечное житье“ в далекий и глухой степной город. Всех дворов в посаде набиралось около пяти десятков И, однако, посад состоял вовсе не из одной улицы. Более длинная из них, ближе к реке, стала называться Большой (позднее Троицкая). Она была расположена очень неудачно. В самом начале, почти под стенами крепости, ее перерезывал ручей, вытекавший из болота под горой и стекавший в новое болото близь берега реки. Ради удобств проезда по улице в этом месте была устрое-

---

1) На месте б. Архиерейского дома и Духовной Консистории (ныне Губернский Военный Комиссариат).

2) Бывшие улицы Верхне-Пешая (переименованная сначала в Суворовскую, а потом в улицу Троцкого) и Средне-Пешая (ныне просто Пешая)

3) Местность у Покровской церкви носит название „Старых драгун“.

на гать, а через болотный ручей перекинут мост[1]). Под горой[2]) Большая улица сливалась с слободами конных казаков. От конца этой улицы их слободы тянулись частью к реке, а большею частью прямо к северу, постепенно отступая от реки[3]), потому что место между их слободами и берегом Пензы до самого ее устья уже было занято слободами ранее и позднее поселенных черкас и вновь поселенных драгун (одновременно с конными казаками)[4]). У устья Пензы стоял ранее построенный Черкасский острожек с деревянной церковью.

Таким образом, новопостроенный город (крепость, посад и слободы) узкой лентой вытянулся с севера к югу, прижался к берегу реки, а над ним с вершины горы навис вековой лес— Шилим-бор. Широкое место под горой, к западу от нижних слобод конных казаков и черкас[5]), было тоже покрыто лесом, частью заболочено, и потому мало пригодно для жилья.

Новый город, построенный с целью защиты русских поселений, лежащих довольно далеко к северу от него, сам нуждался в защите от набегов кочевников. Крепость еще могла постоять сама за себя, но посад и слободы, занявшие довольно большое пространство, необходимо было защитить, особенно с южной стороны, от Саратовской степи. Некоторой защитой города с запада и юго-запада мог служить и, действительно, служил Шилим-бор, тянувшийся на 15—20 г. по направлению к нынешнему Мокшану, но все-таки он был проходим. Чтобы подступы к крепости и посаду сделать с этой стороны более

---

[1]) Из документов Троицкого женского монастыря. Остатки болота видны по Троицкой ул., слева, против монастыря.

[2]) Приблизительно по линии нынешней Рождественской ул.

[3]) Этими слободами была занята нынешняя Базарная площадь. Позднее все слободы перенесены на новое место (Конная слобода за вокзалом С. В. ж. д.).

[4]) „Новые драгуны" у Сенной площади.

[5]) Ныне занято улицами Кочетовками, Федоровками и т. д.

затруднительными, в лесу, параллельно городу, была устроена засека[1]. А затем принялись за укрепление других сторон[2]).

Слободы к югу от крепости были защищены валом и надолбами. Вал от засеки шел к ю.-ю.-в., от места позади Советской больницы к бывш. Архиерейскому саду и вниз, к нынешней Тамбовской заставе[3]). Здесь вал поворачивал к востоку, сменялся надолбами, а под горой—засекой, устроенной в лесу, расположенном к югу и юго-востоку от драгунских слобод; засека упиралась в берег р. Пензы[4]). За южной частью вала и надолбами шел крутой обрыв горы[5]), а внизу долина была изрезана речкой Пензяткой, целой сетью протоков и озер, и частью заболочена. С востока посад и слободы были защищены линией р. Пензы; через нее был устроен лишь один деревянный мост, через который жители ездили по лугу,—заросшему сначала кустами, и кое-где небольшими рощами, а далее к востоку и большим лесом,—за Суру, за дровяным и строевым лесом. С севера посад и слободы были защищены надолбами. Эта линия надолб начиналась у берега р. Суры, верстах в 4 к югу от Пензяцкой слободы (Бессоновка), и шла к юго-востоку, к Шилим-бору. Между надолбами по местам были устроены проезжие ворота с башнями над ними. Есть основание думать, что в нижней части—от Суры и до подножия горы, на которой рос Шилим-бор,—был проведен ров и насыпан вал[6]).

---

1) Отчего и самый лес до сих пор носит у горожан название засеки.

2) Кто устраивал укрепления вокруг города, установить пока нельзя. [illegible] устраивать Зумер[illegible], заявивший, что крепость вокруг будет заселена; [illegible] устраивать в первую очередь Е. Лачинов: иначе население слобод, не огражденных, было рискованным.

3) Часть вала видна и теперь позади Советской больницы и по югу [illegible] б. Архиерейского саде; его [illegible] как раз у Тамбовской заставы—двух столбов.

4) У нынешнего мужского монастыря.

5) Вдоль нынешней Тамбовской улицы.

6) На плане, второй половины XVIII в. (упоминаются экономические крестьяне с. Терновки) имеющемся в быв. Московском межевом архиве ров этот проведен [illegible] соответствующей надписью.

Население нового города распадалось на две неравных части — посадских (меньшая часть), и служилых (большая часть). Все это были переведенцы из разных мест и, прежде всего, военные люди, которых судьба бросала с одного пункта степной окраины в другой, все дальше на юг, куда медленно и до некоторой степени систематично продвигалась русская колонизация. О составе населения „Строельная книга" г. Пензы, дает достаточное предсатвление. Здесь, прежде всего, перечислены поименно посадские. Их немного—всего 38 дворов, 38 домохозяев, а при них детей, братьев, внучат и племянников—35 человек. Как попали в Пензу первые 7 домохозяев, из документа не видно: его первый лист утрачен. Четырнадцать домохозяев „присланы с Москвы за воровское денежное дело в ссылку"; три домохозяина присланы в ссылку из Красной слободы за то же преступление; два домохозяина „присланы от Артемья Огибалова за воровство в ссылку"; 8 домохозяев „присланы с Алатыря... за воровское денежное дело в ссылку"; двое по тому же дел и так же присланы „из Сюздаля" и только один „по указу великого государя отпущен из Шечкеевскаго острогу с отпускною памятью на Пензу на вечное житье". Можно думать, что и первые 7 домохозяев, биография которых неизвестна случайно, присланы в Пензу не по доброй воле, а тоже в ссылку и тоже или просто „за воровство" (т. е. преступления или „за воровское денежное дело"[1]). Таким образом, первоначальный Пензенский посад—„воровской" посад, посад фальшивомонетчиков.

Служилые люди присланы партиями из разных мест „по указу великого государя" 17 домохозяев (а при них 49 чел. детей, братьев и др. родственников) присланы из Темниковско-

[1]) Напомним, что Московское правительство выпустило около 1662 г. „медные креденки", ценностью равные серебряным. Это была, своего рода, спекуляция. Правительству в выпуске таких денег стали (безнаказанно) подражать многие „сильные люди", а затем рядовые обыватели, которых, однако, наказывали очень жестоко.

го у., из „села Троицкаго острогу", белопоместные казаки, а в Пензе поверстаны в конные казаки. „К Троицким переведенцам" причислены и поверстаны в конные казаки два фальшивомонетчика из Москвы, два—из Красной Слободы и один из Алатыря (при них родственников 5 чел.)

Из „села Красной Слободы" прислано 21 чел. (при них 40 чел. родственников) белопоместных казаков и поверстаны по Пензе в конные казаки. Из Н.-Ломова и его уезда переведено в Пензу (повидимому, из ранее неслуживших) и здесь поверстаны в конные казаки 72 домохозяина (при них родственников 189 чел). Из Шацка переведено 62 домохозяина (при них 46 чел. родственников), служивших в Шацке драгунами, а в Пензе они поверстаны в конные казаки. Неизвестно, переведены ли откуда-либо или жили ранее в Черкасском остроге, но в конные же казаки поверстаны „черкасы Микиты Буд-Зюзина" в числе 37 челов. (при них родственников 35 челов.) Далее воеводою Лачиновым приняты от Юрия Котрацкаго „старые черкасы", гарнизон Черкасского острога,—в числе 44 чел. (при них родственников 35 чел.) и все поверстаны тоже в конные казаки. Наконец, из Шацкого уезда, из разных дворцовых сел, переведены на службу в Пензу драгуны и поверстаны в конные казаки; этих переведенцев—88 чел. (при них сродственников 70 чел.). Таким образом, первый отряд военнослужащих г Пензы составился из конных казаков в числе 358 чел. (при них родственников,--детей, внуков, братьев и племянников,--468 ч.).

Второй военный отряд составляли пешие казаки. Одна часть их, в числе 89 чел. (при них родственников 163 челов.), были ломовские переведенцы „первой высылки"; к ним присоединены „шацкие ссыльные люди, которые сосланы за денежное воровское дело", 16 чел. (при них родственников 13 чел.), а также ссылочные Бельскаго уезда 7 чел. (при них родственников 5 челов.). Поверстаны в пешие казаки „старые черкасы" Ю. Катрацкого 84 чел. (при них родственников 51 чел.) и черкасы Н. Буд-Зюзина в числе 32 чел. (при них родственников

32 челов.). Всего в Пензе пеших казаков оказалось 232 чел. (при них родственников 264 человека).

В пушкари поверстаны: ссыльные за воровское денежное дело из Алатыря 3 чел. (родственников 3 чел.), один фальшивомонетчик из Красной Слободы, оттуда же 2 переведенца (1 родственник), из Шешкеевского острога 3 чел. (5 родственников), из Ломова 4 чел. (5 родственников) и неизвестно откуда—1 (с сыном и племянником), всего 14 чел. (16 родственников). В сторожи с'езжей избы было поверстано 2 чел (один ссыльный из Москвы; при них 7 человек родственников); в воротники—2 чел. (один фальшивомонетчик из Алатыря; при них детей 2 чел.).

Всего служилых людей разного рода оружия по подсчету „Строельной книги" в Пензе оказалось вместе с посадскими 642 чел., при них родственников 700 чел., итого 1342 человека. Принимая число женщин за 50% мужчин, и причисляя сюда же семейства служилых людей, получим для Пензы число первоначальных жителей 2700—2800 чел.[1])

Если принять во внимание, что домохозяев в новом городе было всего 642 чел., а родственников мужчин при них около 800 чел., то можно признать, что по численному составу семей каждое домохозяйство было не особенно значительным, около 4—5 душ обоего пола. Почти половина переведенцев были ранее горожанами, прочие—сельскими жителями. Но так как тогдашние горожане в большинстве случаев занимались земледелием, а в „Строельной книге" не указаны прежние профессии переведенцев, то можно думать, что большинство их и ранее занималось земледелием. Далее, около половины переведенцев ранее

[1]) Подсчет служащих людей по Пензе как в отдельных категориях, так и в общем итоге произведен не совсем правильно в „Строельной книге"—ошибка в несколько десятков человек. Но так как эта ошибка не изменяет существа дела, то подсчет оставлен тот самый, который произведен в книге. Достойно отмечания, что в число служилых людей включены ссыльные из разных мест и, главным образом, „за воровское денежное дело" в числе 34 чел. Таким образом Пенза оказывалась на первых порах ссыльным пунктом и, особенно, для фальшивомонетчиков

несли охранную службу на окраинах. Поэтому было естественно наделить новых переведенцев землей на новом месте службы. Конным казакам было отведено „по 12 четей в поле, а в дву потомуж“; пешим казакам, сторожам, воротникам и пушкарям „по 6 четвертей в поле а в дву потомуж“; сенокосов первым—по 100 копен, вторым—по 50 копен. Таким образом, переведенцам, как и в других местах по укрепленным чертам, приходилось одной рукой держаться за соху, а в другой держать оружие для охраны государственных окраин. Положение, несомненно, было тяжелое, но гораздо тяжелее было положение посадских, тех „воровских людей“, которые согнаны были в далекий город на краю степей на вечное житье: этим правительство не дало и земли, а отвело сенокосов по 100 копен на человека, предоставляя им кормиться, как знают и как умеют. Несомненно, большинству из них пришлось взяться за ремесло и за мелкую торговлю.

Если в деле прокормления правительство позаботилось об обеспечении служилого элемента и очень немногое сделало для посадских, то в деле удовлетворения духовных потребностей не было ничего сделано. Не видно, чтоб иноземцы или воевода Лачинов выстроили для слобожан церкви,—устроен был лишь собор, да старые черкасы уже имели свой храм. Но оба храма были не в состоянии вместить всего населения города, да собор позднее прямо назван бесприходным. О храмах позаботились сами жители. Через несколько лет в документах М. А. М. Ю. встречается указание, что в городе имелось уже несколько церквей, очевидно, построенных раньше,—должно быть, тотчас по заселении города в 1664-1665 г. г. Каждая слобода, каждый особый военный отряд молились в своих храмах: пешие казаки—в храме Михаила Архангела, драгуны—у Покрова, конные казаки—в Рождественском храме, новые драгуны—тоже у Михаила Архангела, что стоял у берега Пензы (часовня на его месте у Красного моста), старые черкасы—очевидно, в своем храме, хотя причт его и был переведен в собор. Не видно только, где молились посадские: особого храма они не выстроили

и должны были пользоваться или крепостным собором или ближайшею к ним церковью Рождества.

Словом, город был заселен, организован и начал жить обычною жизнью глухих степных городков-крепостей.

Постройка Пензы и заселение ее были только частью того дела, которое задумано было правительством и поручено выполнением Зумеровскому и Лачинову. Нужно было еще устроить линию военных поселений от Пензы к прежней чэрте. Из „Строельной книги г. Пензы“ мы знаем, что и эта часть дела была выполнена Лачиновым. Были устроены вновь и заселены переведенцами, частью же обращены в военные поселения уже существовавшие селения:

1) Пензяцкая слобода (с. Бессоновка) была заселена ломовскими переведенцами, конными казаками и московскими солдатами, поверстанными в конные казаки, всего в числе сорока двух человек (при них родственников 79 чел.); „земли им было отведено по 12 четей в поле а в дву потомуж, сенных покосов—по 100 копен человеку;

2) дер. Шелдаис (Шелтайс „Строельн. Книги“), татарская, существовала и ранее; ее 17 домохозяев (при них 39 чел. родственников) были поверстаны в конные казаки с таким же наделом земли и лугов (из „дикого поля ковыла“), что и бессоновским переведенцам;

3) Колоярская слобода (ранее существовавшая, ныне д. Б. Колояр, Пенз. у.), ее домохозяева в числе 22 чел (при них 27 родственников) поверстаны в рейтары с наделом по 15 четей в каждом из трех полей и сенных покосов по 100 копен человеку; в той же слободе (деревне) жили „начальные люди“,—поручик драгунского строя и прапорщик рейтарского строя, а также трое детей боярских; отведено им земли: поручику по 50 четей в поле и лугов на 100 копен, прапорщику—по 45 четей и сена на 80 копен, детям боярским—по 30 четей в поле, а сена—по 300 копен человеку;

4) Анзыбейская слобода (Ванзыбейская „Стр. Кн.“, ныне с-цо Анзыбей) —„вольные великого государя люди“, пришли из раз-

ных городов, поверстаны в охотники лосиной ловли (12 челов., при них родственников 13 чел.), с наделом по 12 четей в поле, сенных покосов по 100 копен человеку; в той же слободе отведено поместье Пензенскому под'ячему М. Русинову—50 четей в поле;

5) Вазерская слобода, заселена конными казаками, переведенцами из Н. Ломова, из Саранского у. „из-за Андрея Синбухина", из В. Ломова и из других разных мест, всего 51 чел., при них родственников 133 чел.; земли им отведено по 12 четей в каждом из трех полей;

6) д. Усть-Вазерки (существовала ранее), ее домохозяева, 6 чел. (при них родственников 17 чел.), поверстаны в лебедчики, с наделом по 12 четей в поле и сена по 100 копен на человека;

7) Ныркинская слобода, ее жители, 19 чел. (при них родственников 35 чел.), поверстаны в конные казаки, с обычным наделом по 12 четей и по 100 копен сена на человека;

8) д. Синорово, сюда переведены из Ломовского у. татары 52 домохозяина (при них родственников 133 чел.) и поверстаны в конные казаки с наделом по 12 четей в поле и сеном без определенной меры;

9) д. Усть-Шукша, скорее мордовский починок с тремя дворами, из них один—новокрещен; не указан их надел, а служить они должны были взносом посошного хлеба (12 четей ржи и столько же овса) и денежным оброком в 3 р. 20 алтын (очевидно, со всех троих); недалеко от этой деревни, за р. Шукшей, отведено поместье поручику О. Лунину—50 четей в каждом из трех полей, 100 копен сена, рыбная ловля и всякие угодья (очевидно, основатель с. Лунина); за Сурой, на Серняевской поляне, Ванырс (Иванырс) тож, отведено по 15 четей в поле 100 и копен сена отставному сокольнику М. Жинину (село Иванырс Город. у.); рядом с поместьем Лунина отведены поместья подполковнику М. Милевскому и пензенцам А. Телегину и В. Мантурову; там же—поместье капитану Р. Сильверстову;

10) д. Сандерки, конные казаки лебединой ловли, 5 домохозяев, при них родственников 9 чел; в той же деревне— пензенский „степной вож" Руснов с 3 родственниками; Руснову отведено по 25 четей и сена на 100 копен, лебедчикам— по 12 четей и сена по 100 копен каждому;

11) Кутлинская слобода, заселена и ранее сходцами из государевых дворцовых сел, с посадов разных городов, вольными людьми; сюда же сведены переведенцы с Ломова и из волостей (без указания—каких), всего домохозяев 59 чел., родственников при них 119 чел., все поверстаны в конные казаки с обычным наделом;

12) Пелетьминская слобода, заселена ранее; ее домохозяева, 21 чел. (при них родственников 27 чел.), поверстаны в конные казаки с обычным наделом землей и лугами;

13) д. Авъяс (Вьяс Саранск. у.), мордовская, в 17 дворов, должна была поставлять посопный хлеб „из 12 четей ржи, овса тож, да из денежного оброку—с четверти по 5 алтын", с наделом пашней и лугами, но без определенного обозначения той и других.

Присматриваясь к расположению перечисленных выше селений, легко заметим, что они длинной лентой вытянулись от Пензы к северу по той Ногайской дороге, по которой обычно ходили далеко на север степные хищники, по узкой полосе „дикого поля ковыла", которая лежала между двух лесов, Сурского и Мокшанского. Очевидно, цель правительства была та, чтоб крепостью Пензой запереть вход в долину Суры, а дальнейшими военными поселениями воспрепятствовать продвижению кочевников по этой долине; оно было уверено в целесообразности своих мероприятий настолько, что стало раздавать в той же долине поместья служилым людям; может быть, оно даже полагало, что теперь русскому населению представляется возможность занять всю долину р. Суры, перешагнуть за Суру в богатые леса Городищенского у. и разлиться по степи южной части Пензенского уезда. Но правительство кое в чем ошиблось. Пенза не закрыла движения на север степных хищников: в 1668 г. пр

нительственным отрядам пришлось выдержать бой с башкирами на Мокшанских вершинах; русская колонизация не разлилась свободно по новому краю,—этому прежде всего помешало движение Разина.

IV.

Разиновщина в Пензенском крае и причины, ее здесь вызвавшие.

В „царской памяти“ дьякам о награждении вотчиной победителя Разина, кн. Ю. Долгорукова отмечено: „по воровским и изменническим присылкам („С. Разина с единомышленники своими, с такими ж ворами, как и сам“) в Понизовых и в Украинных, и по Симбирской, и по Саранской черте и в Мещерских городех учинились шатости и кровопролитие многое“ („Доп. к Актам Истор.“ т. VI, № 12, стр. 65). Действительно, сам Разин не ходил далее Симбирска, но им были посланы агитаторы по укрепленным чертам Симбирского края и далее волновать народ и звать его к восстанию против существующего порядка. Один из таких агитаторов, атаман М. Харитонов отделился, с небольшой кучкой казаков, от Разина из-под Симбирска и двинулся по черте на запад, разгромил острожки и города по черте,—Корсун, Ялрин, Сурск,—и здесь ворвался в пределы Пензенской губ. По Симбирской и Корсунской чертам „по селам и по деревням помещиков и жен их и детей побивали и домы их разоряли“ (показание стрельца Саввы Өедорова в донесении воеводы Я. Хитрово царю от 22 окт. 1671 г.). К Харитонову по чертам пристали служилые люди, крестьяне и инородцы. Тоже повторилось и в пределах Пензенской губ.: население и гарнизоны крепостей и острожков охотно присоединялись к Харитонову. 17 сентября он подошел к Атемару. Атемарский воевода, получив из Саранска на помощь небольшой отряд, хотел защищаться, но в ночь на 18 сент. гарнизон взбунтовался, открыл воро-

та крепости и впустил Харитонова. Воевода был убит, казна разграблена. 19 сент. Харитонову без боя сдался Инзерский острог. В тот же день, повидимому, Харитонов подступил к Саранску, который сначала оказал упорное сопротивление. Весь день 20 сент. происходил бой под стенами крепости, но затем, благодаря измене, Харитонов ворвался в Саранск. И здесь воевода с приказными людьми были убиты, дома их разграблены. От Саранска Харитонов быстро двинулся по черте же к Инсару, который тоже был взят, а воевода его убит (показание стрельца Саввы Өедорова, донесение Керенского воеводы А. Безобразова). От Инсара Харитонов не пошел по черте далее на запад к Ломову,—очевидно, путь по засекам через Мокшанский лес не представлялся удобным быстро передвигавшимся по краю конным казакам,—он поворотил на Пензу. Пенза была взята 24 или 25. Были убиты пушкарь, под'ячий и основатель посада и слобод при крепости, первый Пензенский воевода Елисей Лачинов. По преданию, он был повешен на воротах крепости, которая сдалась, очевидно, так же, как сдались Саранская и Инсарская крепости В Пензе Харитонов оставался тоже не долго. Здесь к нему присоединился пришедший из Саратова казацкий атаман В. Өедоров, присоединились пензенцы, городские и уездные люди. Образовался отряд в 600-900 челов. (показание атамана В. Өедорова), состоявший из донских казаков, саратовских, черкас, Саранской и Инсарской черты служилых людей, пензенцев и иных многих городов (челобитная верхнеломовцев царю, поданная через кн. Щербатова). Из Пензы вся эта партия отправилась в Н.-Ломов. Жители Н.-Ломова „город ворам сдали, воеводу и под'ячих убили" (показание В. Ушакова). Это было 2 октября. Быстрое взятие значительной крепости Н. Ломова об'ясняется просто тем, что жители и гарнизон еще до прихода разиновцев засадили воеводу А. Пекина в тюрьму и отрядили послов к казакам с приглашением прибыть в Ломов. Те и явились из Пензы и из Наровчата, куда, очевидно, пришла партия из Инсара (донесение А. Безобразова царю чрез воевод Строева и Астафьева). В Н.-Ломове разиновцы основались довольно прочно. Отсюда

был отправлен отряд к В.-Ломову. Воевода Корсаков из В-Ломова выслал навстречу часть крепостного гарнизона. Эти последние вступили в переговоры с казаками и, под влиянием угроз последних, отступили к своей крепости и впустили казаков в город. Собрался здесь казачій круг, который и об'явил жителям, что они присланы от Разина „для оберегания", а затем началась расправа. Воеводу арестовали, его дом разграбили, „в государевом амбаре грамоты и всякия дела изодрали", убили свящ. Өедора Семенова, пограбили дома и других горожан. Воевода Корсаков был отвезен в Н.-Ломов и здесь заключен в тюрьму. Однако, по просьбе верхоломовцев был выпущен и возвращен в В.-Ломов. Этим остались недовольны донские казаки и саратовцы, явились в В.-Ломов и убили здесь Корсакова. Из Ломова отряд Харитонова направился к Керенску. О движении казаков на Керенск там стало заранее известно. Горожане взяли воеводу Безобразова под караул, чтоб не ушел, и об'явили ему, что „им биться с казаками не в мочь" и „его де ворам отдадут" (донесение Безобразова через воевод Астафьева и Хрущова). Керенск Харитоновым был взят. Отсюда он направился к Шацку.

В то время, как отрядом Харитонова брались г. г. Пенза, Ломовы и Керенск, другой отряд разиновцев, повидимому от Инсара, проник в северо-западный угол губернии. Здесь „жильцы Наровчатскаго городища город тем воровским казакам сдали, а приказнаго человека с сыном его, ограбя до нага, посадили в тюрьму" (показание Өедора Колюбакина). Вполне охотно казакам был сдан Троицкий острог и менее охотно Красная Слобода. Таким образом, в очень короткий срок разиновцы завладели всеми городами Пензенской губернии, а это случилось потому, что везде гарнизоны с полной готовностью отворяли им крепостные ворота. Расправа разиновцев в городах шла над воеводами, приказными людьми, редко над духовными лицами и лицами других состояний. Воеводы и приказные избивались, их имущество подвергалось грабежу. Более жестокая расправа шла в селах и деревнях. Здесь разиновцев ждали и встречали с радостью. Об уездных людях Безобразов, напр., доносит, что они

разиновцам „давно предались“. Здесь расправа шла над помещиками и другими неугодными народу людьми. Крепостной человек убитого в Пензе воеводы Е. Лачинова передавал, что донские казаки в селе Усть-Парцы „и в иных селех многое разорение чинят, людей до смерти бьют и рубят, и животы остатки емлют“; крестьяне Лачинова „с теми ворами сложились за один..., в селе Жукове церковь Божию сожгли и мордвина до смерти убили“ (показание церковного дьячка Патрикеева). Сын боярский ломовец С. Невежин сообщил на расспросе, что казаки и помещиковы крестьяне в деревне их Невежине были и брата его Трофима с зятем Федором взяли, отвели в село Никольское и здесь, продержав под караулом сутки, убили и их и еще помещикова сына Мещеринова да крестьянина Оску, первых трех схоронили в одной могиле; дом Невежина и иных многих людей разграбили и жену его пытали. „А они же, воровские казаки, были в селе Жукове и Матвея Жукова дом разграбили... и сожгли. А ездя по уездам рубят помещиков и вотчинников, за которыми крестьяне, а черных людей, крестьян и боярских людей и казаков и иных чинов служилых людей никого не рубят и не грабят“ (показание С. Невежина). Другой свидетель, Филька Шелудяк, упомянув о событиях в селе Жукове, сообщил, что в Керенском уезде в дер. Тимашове „воровские казаки побили помещиков трех человек и домы их разграбили и пожгли и жен их и детей побили до смерти“. Воевода С. Хрущов отписывал царю, что, „весь Шацкий уезд приложился в воровским казакам и во многих селех и в деревнях домы дворянские и мурз поместных и вотчинных людей разграбили, а самих и жон их и детей недорослей побили до смерти“. Керенский мордвин передает, что отца его убили за то, что возил в Москву жену воеводы Безобразова, и что атаман Чирок многие помещичьи дома разорил.

Таким образом, из свидетельских показаний вырисовывается одна и таже везде картина народного движения в глуши уездов, нападают, избивают, жгут и грабят помещиков и вотчин-

ников,—тех, за кем есть крестьяне,—избивают людей, близких к помещикам, но других никого не трогают.

Но как быстро развернулось разиновское движение в Пензенском крае, так же быстро оно пошло и на убыль после поражения Разина под Симбирском. Местные власти оказались не на высоте своего положения (напр. Еропкин); усмирителями народного волнения явились Барятинский, Долгорукий и Хитрово.

Атаман Харитонов потерпел страшное поражение под Шацком от Хитрово. Он и его товарищи-атаманы прибежали в Ломов и отсюда хотели направиться к Разину под Симбирск. Ломовцы, однако, удержали атаманов и принудили их снова итти под Шацк. С ломовцами и керенцами Харитонов дошел лишь до Ракова и отступил отсюда, когда подошли сюда царские войска; от Ракова он отошел к Зарубкину, занял большой лес и укрепился в нем (засеками); с ним было до 5000 ломовцев и керенцев, служилых людей и крестьянства. Сюда направился Я. Хитрово. 11 декабря в лесу произошел бой. „Ратные люди Московского списку и шляхта (Смоленского, Бельского и Рославльского у.у. под начальством полковника Швыйковского) к тем воровским засекам приступали жестокими приступами, бились явственно, нещадя голов своих, и у тех засек воровских людей побивали и знамена и зелье и свинец у воровских людей отбивали". Вслед за отступившими разиновцами Хитрово двинулся к Керенску и остановился в д. Селищах. Отсюда он выслал ротмистра Пасока на разведку. У д. Ачадова разведочный отряд столкнулся с значительными силами разиновцев и обратился за помощью к Хитрово; тот поспешил со всеми войсками, но первым на место битвы явился Швыйковский. Последний разбил разиновцев перед д. Ачадово и заставил их замкнуться в обозе, а затем стал штурмовать обоз. „И на том бою от шляхецких жестоких приступов на воровских людей напал великий страх..., воровские люди сдались, свои вины принесли, и из обозу распущены, и пришли многие в домы свои в г. Керенск и про шляхецкие про жестокие напуски и

про приступы своей братье Керенским всяких чинов людям рассказывали". Поэтому, когда к Керенску двинулся впереди всех войск Хитрово Швыйковский, „всяких чинов люди... ужаснулись большою ужастью и, вышед навстречу. били челом... и вины свои приносили и ему, Станиславу, город с нарядом и ключи отдали", а когда к городу подошел Хитрово, керенцы „убоялись и сретили воеводу с образы и били челом и вины свои принесли и от прелести обратились на истинный путь". Это было 14 декабря. В тот же день воеводою в Керенске был поставлен Соймонов, жители приведены к присяге, „христиане к вере, а татары и мордва к шерти", и произведена опись всего казенного имущества.

Дальнейшая судьба атамана Харитонова неизвестна. Его сподвижник, избранный керенцами атаманом, В. Федоров по приглашению керенцев отправился к Троицкому острогу, но здесь столкнулся с главными царскими силами под начальством Ю. Долгорукова (показание В. Федорова). Этот победитель Разина сначала усмирял Нижегородский край, в Арзамасе казнил тысячи разиновцев, а затем двинулся в Пензенский край. 3 декабря он уже был в Красной Слободе. Краснослободцы и ранее неохотно сдались разиновцам, а Харитонову отказали в помощи, когда он обратился сюда за нею после поражения под Шацком. Теперь краснослободцы во главе с священниками и монахами Спасского монастыря встретили царские войска и просили, чтоб царь „оборонил их от изменников воров". Этих воров, в числе 56 чел., они словили и передали Долгорукову. Последний казнил выданных разиновцев, привел краснослободцев к присяге, „а мордвов к шерти, чтоб им служить и к воровству не приставать" (донесение царю Ю. Долгорукого), назначил воеводой полковника Воронина, велел описать все царское имущество (Красная Слобода—дворцовая) и направил отряд под начальством кн. Щербатова к Троицку, Наровчату и далее в глубь губернии. У Троицка Щербатова встретили разиновцы, во главе с атаманом В. Федоровым, вступили в бой и были разбиты. Троицк сдался 12 декабря. 13-го сдался Наровчат, а

14-го Щербатов без боя занял Н. Ломов. Ломовцы вышли навстречу царским войскам с крестами и иконами и подали челобитную о помиловании. Щербатов остановился в Н. Ломове и отсюда отрядил войско сначала в В.-Ломов. Как и в Н.-Ломове, царские войска были встречены здесь торжественно, „сущие воры“ захвачены и выданы победителю, жители подали челобитную о помиловании и были приведены к присяге. То же произошло и в Пензе, куда был также направлен отряд Щербатовым.

В „царской памяти“ дьякам, царь, говоря о действиях отрядов Долгорукого, свидетельствует, что „боярин и князь Юрий Алексеевич, будучи в тех городех (мещерских и украинных) над воровскими многими людьми промыслы и поиски чинил во многих местех, и по его, боярина и воеводы, посылкам товарищи его и его полку ратные люди воровских донских казаков и изменников, которые к их воровству пристали,... побили на голову и многия знамена и наряд, и зелье, и свинец, и иные пушечные запасы, и языков многих, и городы, которые были в измене, поймали и очистили, и службою его, боярина и воеводы, и радением в тех городех воровство искоренилось; а которых городов и уездов, по прелестям вора и изменника С. Разина и его единомышленников, таких же воров, жилецкие и уездные всякие люди, русские и иноземцы, были в шатости, и ворам городы сдавали и против его, великого государя, ратных людей бились, и тех городов всякие градские и уездные люди, видя над собою его, боярина и воеводы, и товарищев его и его государевых ратных людей промысл и утеснение, от измены обратились и от воровства отстали и в винах своих ему великому государю, добили челом, и русские к вере, а татаровя, и мордва, и чуваши, и черемиса к шерти приведены и учали жить в домех своих по прежнему...; во всех городех, где была шатость, воровство искоренилось и шатость везде престала“ („Доп. к Акт. Ист.“ т. VI, № 12, стр 65—66).

В то время, как Ю. Долгорукий с Хитрово усмиряли западную и отчасти южную часть Пензенского края, Ю. Барятин-

ский усмирял восточную. Из-под Симбирска он двинулся на запад, усмирил Корсунский у. и перешел в Алатырский. Здесь на р. Кондаратке сошлись разиновцы из Алатыря, Корсуня, Арзамаса, Саранска, Саратова и Самары, в числе до 15000 чел. Барятинский разбил и рассеял их. Второй бой произошел у Алатыря и также кончился полной победой царских войск. Жители по Суре и из окрестностей Алатыря стали являться к князю с повинною и были приводимы к присяге. Между тем разиновцы стали собираться у Саранска, туда же направился и Барятинский с отрядом Панина, присланным от Долгорукого. Во всех селениях, которыми проходили царские войска, жители встречали их с иконами и приносили челобитные.

Атемарцы поступили точно также. Послав туда воеводою Чиркова, Барятинский двинулся к Саранску и был встречен здесь жителями с повинной, а разиновцы разбежались. Князь остановился в Саранске и рассылал отсюда мелкие отряды для усмирения и приведения жителей к присяге. Результат был вполне определенный. „У Саранска по черте до Симбирска, где я проходил,—доносит Барятинский царю от 20 декабря,—везде смирно и свободный проезд, воров нигде нет, а которые живы, живут в домах своих".

Таким образом, к 1671 году Пензенский край был совершенно усмирен—„воровство искоренилось и шатость везде престала." Однако, если пристальнее всмотреться в изложенные выше подробности разиновского движения в Пензенском крае, то правительственное уверение, что „воровство искоренилось и шатость везде престала", покажется не совсем правдоподобным. Пензенский край был затронут разиновским движением широко и глубоко. Об этом говорит целый ряд обстоятельств. Крошечная кучка разиновцев появляется в крае (в Корсун Харитонов пришел всего с 4 казаками, под Троицком было всего 10 донских казаков и т. п.),—и край приходит в движение. Эти кучки агитируют не среди сельского населения—оно и без того на их стороне („а уездные люди давно предались Разину", доносит А. Безобразов о керенцах),—эти кучки смело двигаются

по укрепленным чертам к крепостям и острогам,—и крепости и остроги сдаются без боя, а служилые люди увеличивают собою кадры разиновцев. Большая крепость Пенза сдаласьа нескольким стам человек, а в свою защиту она могла выст вить сколо 1000, если считать ближайшие гарнизоны Пензяцкой и Колоярской слобод. Ни одна из соседних губерний не потребовала от правительства таких усилий при усмирении, как Пензенская: Симбирскую усмирял Барятинский, Тамбовскую—Хитрово и местные воеводы, Нижегородскую—Долгорукий, Пензенский же край усмиряли и Хитрово и Барятинский и сам главнокомандующий Долгорукий. Усмиряли все, очевидно, потому, что волновался весь край и прежде всего та военная сила, на которую прежде всего и больше всего правительство могло рассчитывать опереться. На это был ряд причин.

„Воровала“ и „шаталась“ прежде всего и больше всего военная сила. И это не удивительно. Слишком много лежало на ней обязанностей и слишком слабо она обезпечивалась правительством. Служащие по чертам и в гарнизонах крепостей должны были нести очередную караульную службу, должны были ездить в степь в станицах, сторожах и дозорах по сакмам и шляхам, должны были ездить по чертам и засекам и осматривать состояние этих укреплений и принимать немедленные меры к устранению дефектов. Вот что читаем в наказе Инсарскому воеводе, составленном шаблонно и похожем на наказы всяким другим воеводам по черте: „городовых и засечных крепостей осматривать по часту, да буде которыя крепости попортятся и те крепости поделывать инсарскими и инсарской засеки служилыми людьми и уездными всяких чинов людьми, чтоб на Инсаре и по Инсарской засеке во всяких крепостях отнюдь худых старых (и) вновь попорченных мест не было. А как, даст Бог, учнет приспевать вешнее время, велеть по Инсарской засеке с земляных валов и торосов снег сгребать тутошним людям служилым, чтоб снежною водою крепостных валов не размыло и никакия либо порухи над засечными крепостями не учинилось“. Значит, работа, и работа тяжелая, у служилых людей по чертам начиналась с ран-

ней весны и тянулась до глубокой осени. Ради этой работы приходилось, очевидно, забрасывать и откладывать всякие свои дела, а это наносило непоправимый вред хозяйству. И, кроме того, работа была соединена с опасностью получить увечье, попасть в плен и быть проданным в рабство или даже быть убитым. А правительство наказывало воеводам: „смотреть беспрестанно, чтоб служилые люди, как приспеет вешнее время, указныя свои земли пахали и хлеб сеяли, чтоб им впредь без хлебных запасов не быть". Это значило—гнаться сразу за двумя целями с риском не достигнуть ни одной. И это было. Инсарский воевода Вышеславцев, наказ которому цитирован выше, доносил: „и по Инсарской и по Потижской черте казачьи службы татар и мордвы ныне впусте и пашни залегли. ., а те де татаровя и мордва померли на службе, а детей после их не осталось, а иныя татаровя и мордва и их дети, покиня службы, бежали в Пензенский, Саранский и Ломовский уезды; да тех же острогов татаровя и мордва казачьи свои службы сдали русским людям в прошлых годех, а те их с'емщики померли на службе, а иные с'емщики, покиня службы, бежали". Тягость службы приводила к вымиранию, средством избавиться от тяготы службы было—бежать, но беглецов ловили и водворяли на старые места А здесь ждали наказания и злоупотребления воевод и под'ячих, которые нередко заставляли рядовых служилых людей работать и на себя. Потому-то так радушно и встречены были разиновцы служилыми людьми: последние видели в этом движении средство избавиться от тягостей службы. А если припомним, что значительная часть служилых рядовых людей комплектовалась из инородцев, особенно мордвы, а последним эта служба была совершенно чуждой, новой, то вполне становится понятным, почему усмирителям приходилось так часто приводить мордву и татар „к шерти". Здесь, в этом тяжелом положении служилых людей и особенно служилых инородцев, лежит одна из причин полного успеха разиновского движения в Пензенском крае.

Что касается деревенского населения, то его толкал к

движению ряд причин преимущественно экономического характера, о которых речь будет ниже. Особенно это касается инородцев. Русское население побуждалось к восстанию крепостным правом, злоупотреблениями властей и общей тяжестью жизни на степной окраине. И по старой черте и за чертою к югу, на Крымской стороне, правительство раздавало поместья. Помещики переводили сюда своих крепостных из прежних своих поместий. Необходимость порвать со старым укладом жизни, с близкими и соседями, тревожность жизни в новом краю, неналаженность этой жизни в новом месте,—все это не только нервировало, но нередко и озлобляло русское население. Злоупотребления властей, обычные в то время в „старой", центральной России, здесь, на новой окраине, вдали от правительственного надзора, были еще сильнее, не даром же озлобление восставших прежде всего выражалось в убийстве воевод и подьячих Наконец, приходилось жить в постоянной тревоге, опасаясь либо за свою свободу, либо за самую жизнь: степные хищники являлись внезапно, нападали на мирное население, избивали, разоряли его и толпами уводили в плен. Что касается инородческого населения, то здесь прежде всего имели значение частые столкновения из-за земли и угодий частью с правительством, частью с русским населением. Инородцам приходилось либо терять земельный простор, либо лишаться угодий, либо совсем отказываться от земли и выселяться в более глухие места края.

Словом, собралось очень много причин для недовольства всего местного населения сложившимися условиями жизни, и это недовольство вылилось в разиновском движении. Движение было быстро подавлено, потому что не было организовано, было стихийно и не выработало вполне определенных и практически достижимых целей, но и подавленное, оно должно было отозваться на жизни края определенными последствиями. Общая разруха в крае и, особенно, разруха среди служилых людей в военных поселениях по укрепленным чертам сделала край более беззащитным, чем он был ранее, более открыла его напа-

дениям степных хищников. Эта же разруха мешала дальнейшему испомещению служилых людей на новой окраине, а это, в свою очередь, вело к тому, что край становился более уязвимым для тех же хищников. Читая, напр. Атемарскую десятню, легко замечаем, что верстание по Атемару было совершенно незначительно в 70-х г.г. XVII в. Незначительность верстания вела в дальнейшем к тому, что колонизация края, колонизация прежде всего через перевод крепостных из ближних и дальних уездов, должна была сократиться и остановиться. Мы увидим ниже, что правительство занялось раздачей поместий в крае, раздачей в значительных размерах, спустя сравнительно долгое время после движения,—с 1683 и в последующие годы. Наконец, и вольная колонизация „сходцев“ из центральной России должна была тоже замедлиться: край еще продолжал жить тревогами пережитого восстания, тревогами общей необеспеченности жизни, тревогами обостренного отношения инородцев к русскому населению,—отношения, которое ярко выразилось в пережитое разиновское время.

V.

Постройка Пензенской укрепленной черты от Пензы к Инсару и Сызрани (1676-1694 г г.). Ногайский погром. Раздача поместий в крае. Первые поселения Пензенского уезда.

Перед правительством после усмирения Разиновского движения в Пензенском крае стояла прежде всего задача обезопасить край от нападений степных хищников, которые, пользуясь внутренними неурядицами в крае, „приезжают в Пензенский и Саранский уезды почасту и чинят разоренье большое“ („Доп. к Актам Истор.“ т. VII, № 37, п. 2, стр. 203) Это были „вгровские калмыки“, а немного позднее—кубанцы. Врываясь в край, они одинаково разоряли русское и инородческое население. И врывались, повидимому, совершенно свободно потому еще, что предшествующая защитная мера правительства,—построение г. Пензы и линии военных поселений в долине р. Суры, вдоль Ногайской дороги,—оказалась мало удачной. Выше уже отмечено, что местным войскам еще в 1668 г. пришлось выдержать бой с башкирами на Мокшанских вершинах. Это значит, что наиболее серьезное препятствие набегам хищников можно было легко обойти. Пензенская крепость загораживала путь на север только в долине р. Суры; лес, с завалами или засеками, от Пензы к северо-западу тянулся лишь на 15—20 верст; между этим лесом и Мокшанским лесом (на Мокшанских вершинах) лежал участок „дикого поля ковыла“, который к северу сливался с диким полем долины р. Суры. Это был путь для обхода Пензенской крепости. Хищникам, раз они пошли этим об-

ходным путем, не могли быть страшны военные поселения в долине Суры: эти военные поселения были незначительны и могли быть разорены одно за другим, так как обращены были к степи, т.-е. к неприятелю, флангом, а не фронтом. Если бы правительство и выполнитель его воли воевода Е. Лачинов разных переведенцев поселили не в долине Суры, а на участке дикого поля от Пензенского до Мокшанского леса, долина Суры и путь на север были бы значительно более обезпечены от нападений кочевников. А теперь кочевники „почасту врывались“ не только в Пензенский, но и в Саранский уезды. И вот правительство спустя десять лет после проведения линии военных поселений пришло к тому, к чему должно было притти с самого начала, т. е. к необходимости провести военную черту от Пензы к северо-западу и сомкнуть ее где-нибудь со старою чертою. На участках степи до Мокшанского леса нужно было копать рвы и возводить валы с башнями и острогами, а в лесу делать линию засок. Выполнение плана, составленного, повидимому, в 1675 г., было поручено кн. Пр. Долгорукому. Но у Долгорукого дело пошло, повидимому, плохо, и в 1676 году оно было поручено Саранскому воеводе Павлу Языкову. „Деловцами“ велено быть ядринцам, с посаду, с пяти дворов по человеку, „а у всякаго человека было бы по топору, по заступу, по лопате, да у дву человек по кирке, да у трех человек по лошади с телегою, да по ужищу“ (Там же, п. 1). Царский указ был послан в Ядрин 13 апреля 1677 г. Немного позднее другой царский указ предписывает выслать из Ядрина служилых людей и недорослей в полк к Языкову, очевидно, для оберегания деловцев Пензенского валового дела (указ 7 июля 1677 г. Там же, п .2). Однако результат обоих этих указов был вполне плачевный. 14 августа Языков доносил в Москву, что из ядринских деловцев явилось к нему всего 4 человека; что же касается служилых людей и недорослей из Ядрина, то хотя Языков об этом в Ядрин „писал и высыльщиков посылал многажды, и дожидался тех ядринцов в Саранску многое время и вышод из Саранска за вал стоял на первом стану обозом и

дожидался неделю, и тех Ядринцов августа по 1 число не бывал ни един человек" (Там же, п. 3). Велено было к ослушникам ядринцам применить суровые меры,—у служилых людей отнимать поместья и вотчины, а деловцев подвергать наказанию. Но и это, повидимому, не помогло: дело встало, и на ядринцев пришлось, как говорится, махнуть рукой. Пензенское валовое дело, начатое в 1676 г., на весь 1677 г. фактически приостановилось. В 1678 г. деловцами быть велено инсарцам с посада и из уезда, а равно и из других городов, кажется, между прочим, из Курмыша. Дело наладилось и, как доносил Языков, к 1679 г. „сделано того валового дела вполы и больше". Но это уверение, очевидно, страдало преувеличением: устроение черты силами инсарцев и курмышан продолжалось весь 1679 г., а затем последовал царский указ к Языкову, „велено ему Пензенское дело на весне доделать и служилых людей и слободы, из которых указано, переводить и строить" (Там же, п. п. 4 и 5). Дело, однако, затянулось еще на целый ряд лет: слободы еще достраивались в 1685 г. (в этом году только отведена была земля переведенцам Юловской Слободы.—„Отказная книга по Казани" XIV л. 250, 256).

Медленность в постройке линии, помимо отсутствия деловцев и постоянных нападений кочевников (указ 7 июля 1677 г. „Акт. Ист". VI, № 37, п. 2), об'ясняется и трудностью дела и его размерами. С 1676 г. линия велась на северо-запад, а с 1680-1681 г.г. на восток от Пензы. Первую половину линии на северо-запад, от Пензы до нынешнего Мокшана, приходилось делать главным образом в виде рва и вала с надолбами, с башнями и острожками; вторую же половину линии от верховьев Мокши к старой черте приходилось делать в виде засек. Вся линия была длиною около 100 верст. Приблизительно на половине линии, на верховьях Мокши, в том месте, где по темным и спутанным преданиям стоял город Мурунза[1]), был устроен

[1]) Существование Мурунзы или Мурумзы (Пенза, Инза) на Мокшанских вершинах является правдоподобным в связи с данными о земле буртасов.

городок-крепость (в 1679 или 1680 г.) Мокшан и заселен служилыми людьми, преимущественно казаками и стрельцами. На половине расстояния между Пензою и Мокшаном был выстроен еще меньший городок, острог Рамзай, и также заселен служилыми людьми.

От Мокшана линия к северо-западу, к старой черте, шла сначала параллельно р. Мокше и состояла из засек; около Лухменского Майдана, в 5 вер. от бывшей Медоевской слободы, что стояла на речке Медоевке, новая черта укреплений примыкала к Инсарской черте (Докум. Пенз. Уч. Арх. Ком.). Из слобод, устроенных по этой черте, известны всего лишь три: Засечная, Юловская[1]) и Медоевская. Заселены были эти слободы частью конными казаками, частью засечными сторожами. Из этих слобод две сохранились до сих пор, а Медоевская целиком выселена незадолго до 1700 г. Это—на части линии от Мокшана к Инсару. Совершенно неизвестно ни одной слободы, которые были устроены от Мокшана к Пензе, и,—главное,—неизвестно, откуда, кем и в каком количестве заселены эти новые слободы. Можно лишь предполагать, основываясь на данных по заселению Сурской долины, что переведенцы были взяты с старых черт Пензенского края,—с Саранской, Инсарской и Ломовской.

Что касается линии укреплений к востоку от Пензы, то устройство ее было вызвано следующими обстоятельствами. С половины XVII в.,—а с 70-х г. г. этого века несомненно,—русское население стало вливаться в пределы нынешнего Городищенского у., частью из Саранского уезда, по Суре, Инзе и ее притокам (с. Столыпино, существует с 1673 г.), частью из соседней Симбирской губернии, заселенной в своих центральных частях ранее Пензенской (Дворянская Кеньша, с 1674 г., заселена из Симбирской губ). Кроме того, Городищенский уезд постепенно был заполнен многочисленным мордовским населением.

[1]) В Юловской слободе было поселено 2 пятидесятника, 7 десятников и рядовых казаков 91 человек.

Русская власть проникла в пределы этого уезда и обложила мордву ясаком. Вследствие обоих указанных обстоятельств правительству было необходимо принять неотложные меры к защите русского и мордовского населения уезда, так как и туда, хотя и с большим трудом, но могли проникать хищники.

Укрепленная линия в пределах Городищенского уезда, тогда почти сплошь покрытого лесом, состояла из засек и направлялась, повидимому, по р. Вяде, по верховьям рек Юлова, Катмиса и др., прямо к востоку, к Сызрани, основанной в 1683 году. Во всяком случае, уже в 1688 году узнаем о существовании засечных сторожей в Юловской слободе (Юлово—Богоявленское Городищ. у.) и в Юловском Городище (ныне г. Городище). Оба поселения основаны, очевидно, ранее, так как жители их в 1688 году уже подают просьбу о постройке у них храмов (рукопись В. и Г. Холмогоровых „Пензенская десятина"). Может быть, одновременно, а, может быть, и несколько ранее этих двух слобод возникли в Городищенском у. селения: Русский Ишим (1682 г.) на месте мордовской деревни, переселившейся к югу; несколько севернее Ишима, по р. Айве, Верхний Шкафт и Сыромяс (в 1684 г. Там же).

Как далеко на восток шла линия засек по Городищенскому у., неизвестно. Возможно, что она терялась в глуши лесов восточной части уезда; по крайней мере, не видно, чтобы правительство в данный момент предпринимало какие-либо меры к проведению укрепленной линии далее на восток, к берегам Волги.

С проведением Пензенской укрепленной черты часть Пензенского уезда, лежавшая за валом к северу, получила название Шукшинского стана (по р. Шукше), а часть уезда от вала к югу, территория нынешняго Пензенскаго уезда (почти целиком),—Завального стана; часть уезда, лежащая за Сурой к востоку от Шукшинского и Завального станов, получила название Засурского стана. Это—территория нынешнего Городищенского уезда, за исключением его северной части, входившей в состав Саранского уезда. Естественно было ожидать, что с по-

строением Пензенской черты Шукшинский стан быстро будет заполнен русским населением, которое отсюда выльется и за вал, на степную сторону. И это могло случиться тем более, что рядом с вольной колонизацией шла прежде всего правительственная колонизация. Выше было указано, что одновременно с устройством посада и слобод Пензы и селений в долине Суры правительство стало раздавать в Шукшинском стане поместья пензенским служилым людям, напр. Мелевскому, Сильверстову, Лунину и др. Немного позднее, еще до устройства укрепленной Пензенской черты, в том же стане получили поместья: в 1673 г.—Грабов (с. Грабовка), Гольцов (с. Гольцовка); в 1674 г.—пензенский воевода Вышеславцев, Кирилл Яковлев (с. Кирилловка), Бибиков (с. Бибиково); в 1676 г.—Кологривов (с. Кологривовка); в 1677 г.—Кадышов (с. Липяги) и др. Кроме того, вскоре после устройства военных поселений в долине Суры, в том же Шукшинском стане возникли слободы Ломовская и Посошная Пелетьма (В. Г. Холмогоровы, „Пензенская десятина,“ рукоп).

Однако, надежды правительства на заселение Завального стана в 70 и 80-е г. г. XVII в. далеко не оправдались. Путешественник Авриль, посетивший Пензу в 1687 г., пишет: „Мы употребили первые три дня на проезд (от Саратова до Пензы) более 40 лье по *пустыне*, не встретив ни деревьев, ни жилищ, ни хижин, и это было, по правде говоря, самое трудное из всего нашего пути... Но ничего подобного нам не пришлось уже испытывать после того, как мы достигли Пензы, маленького городка, находящегося в нескольких лье от этой большой невозделанной равнины, которую нам необходимо было проехать. Затем мы останавливались каждый день уже в поселках, чтоб провести ночь под кровлей, если только нам не приходилось забираться в некоторые из тех ужасных лесов, которые нельзя было проехать в течение дня“. Итак, от Саратова до Пензы в 1687 г. лежала пустыня, безлесная равнина, без признаков человеческого жилья. Если бы здесь, т. е. в Завальном стане, были в то время какие-либо селения, они, несомненно

лежали бы ближе к Пензе, и путешественнику они так или иначе бросились бы в глаза. Ясно, что Завальный стан в то время еще не был заселен, и не был заселен еще долго[1]). Путешественник де-Бруин (1707 г.) отмечает, что между Пензою, которую он называет очень большим городом, и Петровском, основанным в последние годы XVII в., он встретил всего два—три селения. Шукеинский же стан, как это видно из показаний Аврийя, был заселен уже в 80-е г. г.

Причина незаселенности Завального стана лежит прежде всего в частых набегах кочевников на данную местность, — набегах, о которых говорят документы по постройке Пензенского вала. Самый страшный по своим последствиям набег был произведен в конце июня или начале июля 1680 г. азовцами, ногайцами, калмыками и башкирцами. Главный удар обрушился на г. Пензу. Пензенский воевода Ѳ. Солнцев так описывает этот удар: „К городу Пензе те воинские люди весь день приступали с лучным и огненным боем и с знаменами и на посаде церкви Божии разорили и милосердию Божию поругались, иконы все перекололи и Пензен... и приказной избы подьячих и конных казаков и драгунов и стрельцов и пушкарей и посацких людей триста пятьдесят дворов со всеми животы и с хлебом со всяким сожгли; и те воинские люди от города Пензы отошли в степь на Крымскую сторону, а чаю к городу Пензе тех воинских людей приступом быть большим; и ныне я с Пензенскими людьми сижу в городе в осаде („Допол. к Акт. Истор.“ т. VIII, № 77, стр. 283). Припомним, что всех дворов посадских и служилых людей в Пензе к 1666 г. было 642; следовательно, сожжена была большая часть посада и слобод. Из рукописи Холмогоровых мы знаем, что сожжены были все храмы города исключая тех, которые находились в стенах крепости и в острожке (Черкасском). Но и прочие дома, очевидно, были все разграблены. А главное, очень значительное число жителей, вме-

---

[1]) Из документов видно, что в 80-х г г. к югу от Пензы было селение Тухачевщина-Воскресенское (с 1680 г.) и починки по Ардыму.

сте со скотом и пожитками, было уведено в степь. Часть этого полона калмыков на Камышенке видели яицкие казаки. Немногим удалось убежать с пути.

И такой погром постиг Пензу в то время, когда ее воинские силы были значительно увеличены. Из документов, приведенных в цитиров. издании, мы знаем, что помимо конных казаков, драгун и пушкарей в Пензе были солдаты Пензенского выборного полка и стрельцы, т. е. гарнизон был увеличен сравнительно с 1665—1666 г г., тогда как число нападавших на Пензу было не так велико: разные свидетели, бывшие в степи, определяли количество нападавших „с тысячу человек и больши".

Удачное нападение на Пензу подняло дух кочевников. Как передал вырвавшийся из плена солдат Артемьев, кочевники решили отвести пленников и снова напасть на Пензу, Мокшан, В. и Н. Ломовы, почему воевода Солнцев и засел в крепости, приведя ее в осадное положение. Правда, второго набега в том же году не случилось, но и первый показал, что в степи за валом селиться было пока невозможно.

Набеги кочевников с одной стороны, недостаточность укреплений в виде засек, защищавших мордовское и русское население нынешнего Городищенского уезда (тогда—Засурского стана Пензенского уезда), с другой,—все это поставило вновь перед правительством вопрос о том, как лучше обезопасить русскую колонизацию края, как отвоевать для нее новые участки „дикого поля ковыла". Вопрос был решен правительством в обычном, излюбленном направлении,—в смысле устройства новой укрепленной черты. Такая черта теперь, очевидно, должна была пролегать за пределами края, чтобы включить в себя весь край. Правительство решило вести укрепленную линию от устроенной в 1683 г. Сызрани на запад по территории сначала Симбирской, а потом по степи и перелескам Саратовской губ. и подвести эту черту, как к конечному пункту, к Пензе. Задача поставлена была грандиозная,—линию приходилось вести на сотни верст и работать под опасением постоянных ударов кочевников. Было очевидно, что если сравнительно небольшая

линия от Пензы к Инсару затянулась постройкой на 5 лет, а с засеками Городищенского уезда более, чем на 10 лет, то новая линия потребует еще большого времени, в особенности при той неохоте к работам, которую высказали „деловцы" в 1676—1680 г.г.

Нет прямых и положительных указаний на то, чтобы новая черта от Пензы до Сызрани была проведена полностью. Ее строили в 90-х г. г. XVII в. Ту часть черты, состоящую из рва и вала, которая пролегала в пределах Пензенского уезда, делали, как и в 1678—1680 г. г., инсарцы—дворяне, дети боярские, новокрещены, мурзы и татары, конещики, рейтары, солдаты, посопные люди, ясачные, по 1 человеку с лошадью от 15 дворов („Акты" Калачева, т. II, № 212). Очевидно, здесь указаны как деловцы, так и та вооруженная сила, которая должна была охранять их. Некоторые следы этой линии сохранились в пределах Кузнецкого уезда, по Суре. Вполне возможно, что линия осталась недостроенной. Был ряд обстоятельств, в силу которых постройка этой черты оказывалась излишней: начинались крымские и азовские походы. Степным хищникам приходилось думать теперь не о нападении на русские окраины, а о защите своих мест. Это с одной стороны. С другой стороны, русская колонизация настолько далеко продвинулась на юг, что правительству представилось более целесообразным вынести защитные линии на самый юг Саратовской губ., включив разом всю эту губернию в укрепленные черты. Взятие Азова в 1696 г. положило на целый ряд лет предел нападениям хищников юга на русские окраины. Хищники заволжские,—калмыки и башкиры,—были страшны не сами по себе, а по той связи, которую они имели с азовскими, крымскими и ногайскими хищниками. Поэтому, с половины 80-х г. г, XVII в. и вплоть до 1711 г., когда Азов, в силу несчастного прутского похода, был уступлен обратно Турции, нападения степных хищников или сделались редкими и менее опасными или прекратились совсем. Благодаря этому русская колонизация Пензенского края в его южных частях в 90-х г. г. XVII в., а в Засурской части еще с

80-х г.г. делает значительные успехи. В 1682 г. появляются Качим (мордовская дер.), Чемодановка (1685 г., пензенский воевода Чемоданов), Серман (около 1686 г.), Можаровка (как русское поселение ок. 1697 г.), Каменка, Борисовка, Алферьевка (около 1700 г.), Куракино (1700-1702 г.г.), Ишим (1701 г.) и др. (В и Г. Холмогоровы, „Пензенская десятина", рукопись)

Таким образом, к исходу XVII в. вся территория Пензенского края была фактически занята русским правительством и сделалась доступной для русской колонизации.

VI

Характер колонизации Пензенского края в XVIII в. Колонизация помещиками.

Колонизация Пензенского края в XVII в. прямо или косвенно носила правительственный характер: правительство строило укрепленные черты и селило по ним десятки селений из русских, мордвы и татар, правительство строило города и остроги и населяло их „многолюдством", правительство раздавало поместья служилым людям и заботилось о том, чтобы эти поместья не лежали „впусте", а служилые люди были обеспечены хлебом, а это должно было вызывать правительство на мероприятия, благоприятствовавшие выселению на окраины помещичьих крестьян. Колонизация Пензенского края в XVIII и XIX в.в. носит иной характер. Здесь правительство лишь раздает в поместья „порозжия земли", а помещики уже сами заботятся о том, чтобы эти земли были разработаны. Сами помещики приобретают земли в этом краю покупкою, обменом, чрез браки и заселяют их, как ценные черноземные земли, своими и купленными для этой цели крепостными. Колонизация края, таким образом, в рассматриваемый период носит частный, помещичий, дворянский характер. Это – дворянская колонизация края, превратившая край в одно из „дворянских гнезд".

Поместья, розданные дворянам в XVII в. в Пензенском краю, были обыкновенно не велики по своим размерам. Напр. из Пензенских десятен видно, что большинство помещиков получало по 350—500 четей, редкие получали от 500 до 1000 четей, больше—никто, меньше (до 60, 50 четей) получали мно-

гие. Естественно, что колонизация края, заселение данных правительством клочков земли было не под силу тем помещикам, которые получили по 25-50-100 четей, что за такую колонизацию брались только „крупные“ помещики, по тогдашнему масштабу, обладавшие 250—500 четями, да и их колонизация носила, можно сказать, микроскопический характер. В Атемарской десятне 1679—1680 г.г. находим указания: „а крестьянской один двор, да задворный человек, да деловой человек“ (у Лехотникова); „по переписным книгам 186 г. бобыльской один двор, да двор задворнаго человека“ (у Тарханова); „да по переписным книгам за ним двор бобыльской“ (у Лазарева); „а бобыльских за ним два двора“ (Зазеркин) и редко: „крестьянских и задворных и бобыльских шесть дворов“ (Ананьин); „на Саранской земле два двора бобыльских, два двора задворных людей“ (Карачурин), причем не редкость встретить пометку: „все разбежались“. Совсем другую картину мы наблюдаем в XVIII в. Некоторые из дворян получали теперь уже не клочки земель, не поместья, а „маетности“ в тысячи и даже десятки тысяч десятин. Как на пример, следует указать на владения Головиных: Сергиевское-Атмис, д.д. Пановка, Варежка, Блиновка, Растовка, Каменка, с. Сергиевское. На карте Н.-Ломовского уезда видно, какое огромное пространство занимали эти владения. Ясно, что в эти огромные владения помещики переводили массами своих крепостных из других своих владений в центральной России. Перевод крестьян в Пензенский край в XVIII в. массами,—это вторая характерная черта помещичьей колонизации XVIII в.

Итак, колонизация края в XVIII в. носит на себе две черты,—имеет дворянский, помещичий, и массовый характер.

К сожалению, основных источников для исследования колонизации края,—переписных и ревизских книг,—не опубликовано. Опубликованный материал имеет отрывочный характер, он очень неполон. Тем же менее, картина колонизации XVIII в. на основании и того материала, какой имеется под руками, представляется довольно ясной для некоторых уездов и, особенно, для Пензенского, который в то время обнимал собою

весь настоящий Пензенский уезд, почти весь Городищенский, значительную часть Мокшанского, часть Нижнеломовского и значительную часть Саратовской губ. Для изучения колонизации Пензенского уезда имеется определенный источник—переписные книги 1709-10 и 1717-1718 г.г., извлеченные из М. А. М. Ю. и опубликованные В. и Г. Холмогоровыми.

Раздача земель по Пензенскому уезду в массовых размерах была начата с 1683 г., когда были переписаны все порозжия земли, и безостановочно продолжалась в 90-е г.г. XVII в. и в первые десятилетия XVIII в. В Пензенских десятнях находится множество указаний на то, когда тот или другой помещик записан по Пензе. Встречаются годы 1681, 1685, 1687, 1690 1696, 1699, 1701, 1703, 1705, 1707-11. Берем на удачу несколько данных. „201 году (1693) велено арзамасцу В. Нетесову служба служить по Пензе"... „В Юматов грамоту великих госуд рей подал в нынешнем 204 году" (1696), И. Дурасов в 206 г., Соймонов в 207 г., Нечаев в 1701 г. и т. д. Десятни дают огромный ряд имен помещиков в несколько сот человек и ряд цифр,—годы верстания в службу, годы земельных „придач", количество четей земли и проч., но эти десятни ничего не говорят о том, есть ли у помещика крепостные и в каком количестве (исключение — одна из Атемарских десятен). Переписные книги, исчисляя селения, указывают их владельцев, число крестьян, дворовых и задворных людей и нередко отмечают, когда основано селение и откуда сюда переведены крестьяне, а равно, куда выведены все или частью. Напр., в Завальном стане в переписных книгах отмечено: село Богородское, вотчина Н. Салтыковой,—„построено оное сельцо после 1710 г." (и до 1717 г.); д. Юровка,—„построена та деревня после 1710 г.; с. Синцовка—„построено вновь после 1710 г."; д. Блиновка—построена после 1710 г.; д. Гавриловка—построена вновь после 1710 г.; та же пометка о д. Никифоровке, д. Березовке, д. Краснополье, д. Оболдуевке. О Синцовке отмечено, что крестьяне переведены из Курмышского у., в с. Новотроицком—из Кинешемского у., в д. Маровке (Шукшинский стан, вновь поселена после 1710 г.) крестьяне переве-

дены из Арзамасского у., в д. Блиновке—из Переяславского у., или отмечено неопределенно—„из разных уездов“. О д. Чарыковке отмечено, что крестьяне отсюда выселены в Ясашное село Торуев; о с. Кутле—„умерло и выведено в другие уезды 620 чел.“ Но гораздо поучительнее всмотреться в фамилии владельцев и в названия селений.

Из числа владельцев селений тогдашнего Пензенского у. необходимо отметить: граф. Гавр. Ив. Головкин (Вазерская слобода, крестьян 340 чел.; Сандерки-Никольское, 35 душ обоего пола; Вьясская слобода—1858 д.; Знаменское—415 д.; Воскресенское—386 д.; Рождественское—218 д.; Соколовка—92 д.; Ильмино (Алемино-Богоявленское)—237 д; Ермоловка—72 д.; Бреховка—7 д.; д. Давыдовка—пуста) [1]); Кн. Голицины Д. и М. и И. (Пыркинская слобода—317 д., Архангельское—338 д.); Салтыковы В. Ѳ. и Н. М-на (Бессоновская слоб.—410 д.; с-цо Богородское, [4]) основан. после 1710 г.,—421 д.,) [2]); Трубецкой И. Ю. (Проказна—160 д., Спасское—320 д.,) [3]); Щербатов Ю. О. (Новокутлинская слоб.—60 д.); Бутурлин А. Б. (Новокутлинская слобода—117 д.); Шереметев Б. П. (с. Кутля—394 д.) [2]); Головины Н. и А. Ѳ-чи (Ломовская слоб.—1289 д); Головин Авт. М. (Сергиевское-Атмис—116 д., д. Поповка—85 д., д. Варежка—38 д., с. Сергиевское—49 д., Ростовка—74 д., Каменка—52 д. об.) [5]); Ромодановский М. Г. (Шукша—194 д., тут же владения ген. писаря Суворова, Юловская слобода—522 д., Знаменское—449 д., Андреевское—39 д., д. Плес—71 д., д. Свинуха—32 д.,

---

[1] Головкин получил б. д. Авьяс—Б. Вьяс Саранского у., Лесной и Нап. Вьясы, Б. Ключ, Соколовку, д. Давыдовку Саранского у., Ильмино—Городищенского у., Брюховку и Ермоловку—Мокшанского у.,—огромная площадь земель по Суре. В линии военных поселений от Пензы к Саранску числились д. Авьяс, мордовская.

[2]) Бессоновка и Кутлинская слобода—в линии военных поселений 1666 г.

[3]) Спасское или Трубетчина Мокшанского у.

[4]) Богородское или Селядьба Мокш. у.

[5]) Все селения Н.-Ломовского у. с теми же названиями, за исключением не существующей Поповки.

Михайловское—381 д.) [1]; Апраксин П. М. (Куракино—48 д., Петровское-Скачки—328 д., Синцовка—178 д., Черноземье—667 д., Черноземье-Поле—147 д., Муромка—51 д.) [2]; Долгорукий В. В., Голицин Н., Матвеев А. Артам., касимовский царевич Иван Васильевич и др.

Перечислены „громкие“ аристократические фамилии и притом фамилии, известные каждому школьнику. Это—либо „птенцы гнезда Петрова“, либо люди близкие к ним, либо близкие к царской фамилии (Лопухины, Матвеев). Большинство из них выдвинулось либо с началом Петровских преобразований, либо с началом Великой Северной войны, т.е. с 1698-1700 г. Следовательно, те села и деревни, которые перечислены, как их вотчины, реже—как поместья, возникли между 1700-1710 г.г. Есть и другая хронологическая дата, которая показывает, когда эти помещики и вотчинники появились в Пензенском крае. В их руки попали: Вьяс, Вазерская слобода, Сандерки, Кутлинская, Бессоновская слободы, Юловская слобода, т. е. селения либо основанные Лачиновым, либо по Пензенско-Мокшанской укрепленной линии между 1676-1685 г. г. и заселенные ранее служилыми людьми. Из документов известно, что служилые люди отсюда (напр. из Кутли, Вазерок, Анзыбейской, Бессоновской, Юловской и др слобод) выселены в 1696-1699 г г. в Азов и в новопостроенные города по Хопру и Медведице. Остались в тех слободах лишь бобыли. Значит, перечисленные выше и уже знакомые селения заселены вновь, после увода из них служилых людей, между 1697 и 1700 г.г. И заселены вновь или вторично не так, как заселяли рядовые помещики Атемарской десятни,—по 1-2 5 дворов крестьян или дворовых людей,—а засе-

---

[1] Шукша, Юловская слобода, Знаменское, Илес, Свинуха—Мокшанского у с теми же названиями; Михайловское - Наумовщина, Андреевское - или с-цо Андреевское или Фатуевка Мокшанского уезда.

[2] Все- селения Мокшанского у. с теми же названиями.

лены сразу сотнями крестьян, выведенных из других „мастностей российского вельможества“[1]).

Наличность тех же или таких же аристократических фамилий можно наблюдать и в других уездах Пензенского края. Напр. в Ломовском у. вновь поселены после 1710 г. (и до переписи 1717-18 г. г.) следующие селения: 1) с-цо Знаменское—823 д. об. п. 2) с. Никольское-Поим—1685 д., 3) с-цо Дмитриевское—30 д., д. Ключи 26 д. 4) с-цо Покровское, Б. Чембар тож,—1813 д.; в Керенском у.: 5) с. Архангельское-Оржевка—14 д., 6) с. Никольское-Пачелма—30 д., 7) д. Дубровки (Ушенка)—23 д., 8) д. Артамасово—46 д., 9) с-цо Знаменское-Ключищи—6 д., 10) с-цо Сергиевское-Свищево—10 д; в Шацком у. (ныне в Чембарском у.): 11) с. Архангельское Ершово—350 д, 12) с. Никольское-Машта—496 д., 15) Богоявленская (Шиняпино или Сентяпино)—174 д., 14) д. Сюревка Чернышево—72 д. Владельцами 1, 11—14 состояли Ар. и Ив. Львов. Нарышкины, 2—кн. А. М. Черкасский, 4—кн Барятинский, 5—кн. Прозоровский и кн. Козловский. И селения эти, почти все, сразу заполнены массами крестьян, очевидно выведенных вельможами из других своих вотчин.

В Саранском уезде из тех же аристократических фамилий находим: Нарышкиных (с. Воротники), Голициных (Блохино, Богородское, Архангельское-Голицино, Вертелим, Ингенер-Пятина, Полянки), Головиных (Языково, Ильинское), Бутурлиных (с. Лопатино), Ромодановского (с. Скрябино), кн. Хованского (Блохино), Апраксина (с. Лада), кн. Солнцева-Засекина (с. Вьяс), кн. Шаховского (Борисовка). Следует, однако, заметить, что колонизационная роль аристократии в Саранском уезде имела более второстепенное значение. Как видно из списка селений,

---

[1]) Перед этнографами и филологами благодарная задача отметить особенности народных говоров Пензенской губ. Несомненно, при переселениях массами из центральных областей России тамошние говоры переносились в новый край и легко могли удерживаться на очень долгое время. По говорам и их особенностям можно догадаться, откуда были переселены крестьяне в Пензенский край.

не все они основаны аристократами,—в большинстве случаев разными путями они получали уже существующие, и, может быть, только переселяли сюда часть своих крестьян. Напр., Воротники (на Атемарской укрепленной черте), Блохино, Вертелим, Ингенер-Пятина, Языково, Лопатино существовали уже ранее. Это во-первых. Во-вторых, момент появления аристократии в Саранском у. следует отнести к 1683 г., к раздаче поместий в краю московского списка или чина людям.

Во всяком случае из беглого обозрения данных по нескольким уездам края выясняется, что в колонизации его с конца XVII и в XVIII в.в. значительное участие принимала дворянская аристократия. Но, несомненно, большее значение имело рядовое, особенно среднее, дворянство. Им образован в Пензенском крае огромный ряд селений. Это видно ясно из сопоставления фамилий и имен владельцев с названиями селений. В Шукшинском стане, т. е. в Мокшанском и отчасти Пензенском уездах, совпадают: Палеологово—Палеологов, Крабов—Грабово, д. Нетесова—Г. Нетесов, д. Левино—И. Левин, д. Романовка—Роман Серг. Сильверстов, Чертково-Петровское—Я. Чертков, д. Смагино—В. Смагин, д. Кропотово—В. Кропотов, с. Кологривово—Кологривовы, Першино-Архангельское—Е. Першин, д. Шахмаметевка—Шахмаметевы, Беликово-Дмитриевское—Беликовы, д. Плотцово—Плотцовы, Дубровки-Порецкое—С. Порецкий, Кадышово—Кадышевы, д. Чарыково—А. Чарыков, Таузаково—В. и А. Таузаковы, Таузаково, Никольское—В. Таузаков, Скрябино-Никольское—Н. Скрябин, д. Хоненевка—Хоненевы Ѳ. и А., Бибиково-Архангельское—И. Бибиков, Назарьевка-Петровское—Ѳ. Назарьев, д, Мерлинка—И. Мерлин. д. Киселевка—Д. Киселев, с. Степановка—С. Степанов, д. Тепловка—Теплов, д. Кадышовка—Кадышев, Чирково-Ивановское—Чирковы, д. Булановка—Буланов, д Мартыновка—Мартынов, Гольцовка-Никольское—Гольцовы, д. Ульяновка—Г. Ульянов. В Завальном стане: д. Юровка—Ил. Юров, Петровское-Скачки—Петр Апраксин, Долгоруково-Новотроицкое—кн. Долгоруков, Архангельское-Голицино,—кн. И. Голицин, Андреевка—Андрей Арт. Матвеев, Владыкино-Сергиевское—С. Владыкин,

д. Оболдуевка—И. Оболдуев, д. Пестровка—В. и К Пестровы, Кошкарово—Кошкаровы, д. Щепотево—И. Щепотев, д. Гавриловка—Гавриил Ст. Аникеев, д. Ананьино—Ананий Немцев, д. Никифоровка—Никифоров, Лебедевка—И. Лебедев, Дубасовка—Г Дубасов, д. Дубенская—М. Дубенский, Загоскино—Н. Загоскин, Любятино—Любятины, Саловка—А. Салов, д Извековка—Извековы, д. Тоузаково (Толузаково)—И. Тоузаков, Фатуевка (Андреевка)—О. Фатуев, д. Дубасовка — Ѳ. Дубасов, Симбухино — Симбухин.

Из Пензенской десятни мы узнаем, что Л. и А. Крабовы получили поместье до 1678 г., Палеологов, потомок византийских Палеологов, с 1679 г., Нетесовы—с 1693 г., Левины—с 1683 г., Сильверстов—с 1665-1666 г. г., со времени проведения черты военных поселений; Кологривов—до 1685 г., Першины—с 1689 г. (один из братьев.), Шехмаметевы—до 1685 г., Беликов—с 1669-1670 г.г., Плотцовы—с 1677 г; Кадышевы: Гордей—с 1694 г., Василий—с 1677 г., Родион—с 1696 г.; Чарыков—не ранее 1680 г., Тоузаков—до 1677 г., Н. Скрябин—с 1695 г., Бибиков—не позднее 1677 г., Степанов—с 1696 г, Тепловы—до 1677 г., Буланов не позднее 1677 г., Мартынов И.—не позднее 1693 г., его отец в Пензенских десятнях не значится; Гольцовы—в Пензенском краю до 1677 г., Г. Ульянов или Ульянин—с 1677 г. О появлении в крае аристократических фамилий вроде П. Апраксина, Долгорукова, Голицына, гр. Матвеева было указано выше. Аникиев служил ранее (1679-80 г.г,) по Саранску и там имел населенное поместье, а по Пензе, очевидно, не ранее 1681 г; Дубасов Гавриил был пензенским воеводою в 1704 г., и к этому времени можно отнести наделение его поместьем в Пензенском крае; А. Симбухин—не позднее 1677 г.

Ряда фамилий владельцев селений по переписным книгам 1710-1717 г. г. нет в Пензенских десятнях, напр. Черткова, Смагина, Кропотова, Порецкого, В. Тоузакова, Хоненева, Назарьева, Мерлина, Киселева, Чиркова, Юрова, Владыкина, Оболдуева, Пестрова, Кошкарова, Щепотьева, Никифорова, Дубенского, Заго-

скина, Любятина, Салова, Извекова, Фатуева [1]). Ввиду того, что Пензенские десятни составлены в 1677 и 1696 г. г. (хотя и пополнялись каждая позднее года составления), приходится предположить, что отсутствующие в Пензенской десятне помещики появились в крае позднее, т.е. между 1696 и 1710 г.г. Это, однако, не исключает возможности получения помещиками, в десятне не проставленными, земли в Пензенском крае и ранее 1696 г., если они значились, напр., по московскому списку.

Есть еще документ, который дает некоторое представление о колонизации дворянами Пензенского уезда. Это—списки дворян, владевших поместьями здесь в 1785 г. В этом списке встречаются многие из тех фамилий, которые встречались и в Пензенских десятнях или в переписных книгах 1710-1717 г. г. И как в последних, так и здесь встречается полное тожество между названиями сел и деревень, с одной стороны, и фамилиями владельцев, с другой. Многие же из прежних фамилий, основавших селения, переместились в другие, очевидно через браки, покупки и т. п. Напр., можем указать на следующие совпадения: Алферьев—Никольское-Алферьевка, Оленин или Аленин—Оленевка, Бекетов—с. Бекетовка, Валяев— Богородское (Валяевка тож), Дубенские—д. д Дубенская и Гавриловка (*Гаврил* Дубенский), Дмитриев—д. Дмитриевка, Золотарев—с. Золотаревка, Левашов—д. Левашовка-Жадовка, Мазырин—д. Мазырина, Потулов—д. Потуловка (Ахлебинино тож), Тухачевский—с. Тухачевщина (Воскресенское тож), Ферлюдин—д. Ферлюдинка, Черицов—Ченцовка. Если сравним этот список с ранее приведенным, то заметим, что селения здесь другие, другие и фамилии, не упоминавшиеся в переписных книгах 1710-1717 г. г. Единственное предположение, какое можно отсюда сде-

---

[1]) Фатуев выменял поместье у Симбугина в 1707 и Аничкова в 1708 г.г заселял между 1708 1712 г г, в 1712 г здесь уже устроена церковь. Дер Щепотьево Чомбарского уезда к 1727 г. представляется очень населенной --95 дворов крестьян. В дер. Черткове в 1714 г. освящается церковь, населения в 1717 г. 20 дворов крестьян,—очевидно деревня возникла ранее 1714-1717 г. г.

лать, это то, что все перечисленные только что селения основаны и заселены вновь между 1717 и 1785 г. г. Из этого предположения следует сделать исключение лишь по отношении к Валяевке, Тухачевщине, Оленевке, и Алферьевке. Тухачевщина получила, очевидно, свое имя от Тухачевского, быв. воеводой в Пензе в 1698 г., и существует с 1686 г.; Валяевка основана пензенской приказной избы подьячим П. Валяевым между 1700 и сент. 1704 г. В этом месяце в поместье Валяева уже было 5 дворов крестьян, церковь и новый поселок назван Ольшанским (по речке), но за ним потом утвердилось название Валяевки, по фамилии владельца. Оленевка заселена перед 1707 г., Алферьевка—между 1701-1709 г. г.

По Саранскому уезду имеется список сел и деревень 1720 г. [1]), Атемарские десятни и список помещиков, владевших землей по уезду в 1785 г. Из списка 1720 г. видно, что в уезде было 76 сел и 48 деревень. Однако, нужно заметить, что тогдашний Саранский уезд занимал большую, чем теперь территорию:в нее входили весь нынешний Саранский у., значительная часть Инсарского, небольшие части Лукояновского (Нижегор. губ.), Алатырского (Симбир. губ.), Городищенского и Мокшанского. По списку 1720 г. селений в собственно Саранском уезде было—34 села и 20 деревень, всего 54 (а в 1894 г. числилось по уезду 182 селения, следовательно между 1720 и 1894 г.г. вновь возникло значительное число селений, еслиб даже принять во внимание мордовские и татарские селения уезда в 1720 г.

Из списка ясно видно, что значительная часть селений была основана помещиками или их предками и родственниками, давшими им название от своих фамилий и имен, и находилась в их руках. Таковы: с. Макаровка—помещик Ив. Макарович Полянский сын дьяка поместного приказа (село, очевидно, носит имя этого дьяка); с. Чирково—Ив. Сем. Чирков; Адамирово или Ждамирово—кап. Ждамиров; Алферьево Гавр. Вас.

[1]) Документ из архива Саранского, смешанного.

Алферьев; Симбугино—Тим. Анд. Симбугин; Евлашево—А. Петр. Евлашев; Саловка—А. М. Салов; с. Протасьево—Дм. Петр. Протасьев; Архангельское-Голицино—П. М. Голицин; Варыпаево—Аф. Варыпаев; Жмакино—Илл. Жмакин; Еремеевка—Еремей Нечаев; Семеновка—Ег. Семенович Расстрыгин; Плотцово—Ив. Ив. Плотцов; дер. Протасьевка—М. А. Протасьев; Чекаевка—кн. А. И. Чекаев; Кашкарово—Гр. Вас. Кашкаров; Нечаевка—Нат. Дм. Нечаева; Хоненевка—Ив. и Өед. Хоненевы; дер. Репьевка—Ив. Ао. Репьев; дер. Дурасовка—Д. Дурасов.

Но и другие селения, не имеющие помещиков-эпонимов, несомненно, в свое время были основаны помещиками-эпонимами. Таковы: Скрябино, Чуфарово, Пушкино, Блохино, Лопатино, Смольково, Трофимовщина, Лыковщина, Борисовка, Пестровка, Дмитриевское, д. д. Журловка, Берсеневка, Грибоедовка, Константиновка, Мерлина, Анучино, Берсеневка, Репьевка, Маматовка, Киселевка. Из Атемарских десятен видим следующее: из Алферьевых некоторые появились в крае до 1669 г., другие в 1670, 1674-5, 1677 г. г., Анненковы—в 1642-1657 г. г., Евлашев—не позднее 1669 г.; Симбугины, крупные помещики Саран. уез.,—с 1642 г., когда переписались по Атемару; Ворыпаевы—с 1652 г., Нечаев—с 1647 г. (в 1679 г.—2 двора крестьян в поместье), Расстригины, крупные помещики,—с 1642 и с 1664 г.г., Дурасовы—с 1664 г., Скрябин—с 1649 (в 1679 г. в поместье 1 двор), Чуфаров—с 1650 г., (в 1679 г. 2 двора бобылей в поместье), Лопатины—не позднее 1669 г., Смольков—с 1642 г., Трофимовы—с 1659 г., (в 1679 г. крестьян не имели), Дмитриев—с 1649 г. (в 1679 г., 7 дворов крест.), Журлов—с 1663 г. (в 1679 г. поместье не населено), Берсенев—не позднее 1669 г., Маматовы—с 1649-1664 г., (в 1679 г. поместье не населено), Киселев—с 1692 г.

Ряд фамилий не встречается в Атемарских десятнях, очевидно потому, как и в Пензенском уезде, что помещики, основатели селений, значились или по московскому списку или выменяли эти поместья у местных служивых людей. Зато в Атемарской десятне есть данные, прямо указывающие, какие помещики заселили свои поместныя земли. Таковы: Аникиев Ст. И.

3 двора, Милохов Н. С.—2 дв., Аникиев И. И.—5 дв. (вероятно, вместе с братом), Аленин И. А.—4 дв., Чуфаров Нф. Аѳ.—2 дв., Синбугин Сем. Иг.—1 дв., Ульянин Сила Сем.—4 дв, Своитинов Ѳ. Вас.—2 дв., Дмитриев Коз. Лук.—7 дв., его брат —1 дв., Карачурин Гр. Пр.—4 дв., Чарыков Ив. Гр.—7 дв., Ананьин Ст. Н.—было 6, разбежалось 5, Лехотников—6 чел., Романов П. Я—1 дв, Ульянин П. П.—1 дв., Тарханов Гр. Ив.—2 дв., Михалчуков Ѳ. С.—1 дв., Лазарев Нкф. Тр.—1 дв, Зазеркин Гав. Ан.—2 дв., Тарханов М. И.—1 дв. (с братом), Скрябин Ив.—2 дв., Лехотников Анд. Дан.—1 дв., Алашеев Род Гав.—1 дв., Лехотников Влас Игн—2 дв., Сумароков Ѳ.—2 дв, Дмитриев Ден. Лук.—2 дв., Новиков Кон. Влас.—2 дв., Исаев Тим. Макс.—4 дв., Сыропятов Макс.—4 дв., Апраксин Анд Арт.—2 дв., Маслов П. Я.—1 дв., Аленин—3 дв. (в бегах), Степанов Ос. Сав.—1 дв., Скрябин И.—задв люди, Курунтяев Ем.—1 дв., Юматов Мокий—2 дв. Хардин Тим.—2 дв., Юрасов Ив.—2 дв., Ананьин Як. Сем.—2 дв, Загарин Ѳед.—4 дв., Мартынов П.—1 дв., Тенютин Ѳ.—1 дв., Демьянов Як. П.—4 дв., Мартынов Елис.—1 дв., Алферьев Гр.—15 дв.

То обстоятельство, что у ряда помещиков прежнего Саранского у. оказались крестьяне, дает право думать, что многие (но, конечно, не все) из этих поместий превратились в населенные пункты нынешних у.у. Саранского, Инсарского, Мокшанского, Городищенского, Лукояновского и Ардатовского, с названиями по фамилиям или именам владельцев.

Дворянский список 1785 г. по Саранскому у. имеет те же особенности, которые отмечены выше касательно Пензенского списка того же года. Совпадение фамилий помещиков и названий селений замечается в следующих случаях для нынешнего Саранского у: Внуковы—д. Внуковка и Н. Внуковка, Грибоедов—с. Грибоедово, Жмакин—в д. Жмакиной, Нечаев—с. Нечаевка, Полянский—с. Макаровка, Пансырев—д. Пансыревка (Городищ. у.), Сыропятова—в д. Сыропятовке, Танеев—М. Танеевка, Чуфаров—с. Чуфарово. Очевидно, выводы из этого сопоставле-

ния имен приходится делать те же, какие сделаны по отношению к Пензенскому уезду.

Данные о колонизации других уездов Пензенского края отчасти можно указать по Краснослободскому, Инсарскому и Наровчатскому у. у.—по „Темниковской десятине“ В. и Г. Холмогоровых. Оттуда можно, извлечь следующие данные. Значительная часть русских селений уезда, существовавших в XVII в.,—дворцовые, поселенные в конце XVI и в начале XVII в.в.; во времена царя Михаила перешли к Салтыковым, приближенным инокини Марѳы. Другие селения—частновладельческие. Таковы: Пушкино Инсарск. у., вотчина Матв. Пушкина, в 1691 г. числилось 20 дворов и построена церковь,—основано, след., перед 1691 г.; Лашма Наровчат. у. была ранее татарской деревней, частью запустела, „порозжие“ и „покидные“ земли отданы выкресту кн. Кашаеву в 1703 г., тогда и построена церковь,—след., заселено русскими в то же время; Богданов Усад—Краснополье Наровч. у., поместье здесь дано из „дикого поля“ в 1676 г. Вышеславцеву, церковь основана в 1697 –1702 г.г.,—значит село возникло между 1676 и 1697 г. г; Богородское, позднее д. Козловка; основана дьяком Козловым перед 1685 г.; Покровское-Перевесье Краснослоб у, земля дана в 1650 г. из порозжих земель С. Хитрово, в 1678 г. было здесь 180 дв. переведенцев из разных уездов и построена церковь,—значит село возникло между 1650-1678 г.г.; Семивражки Наровч. у.—земля дана в поместье Волынскому в 1650 г., в 1678 г. уже заселено было 48 дв. крестьян; Козьмодемьянское Краснослоб у и Шуструй Н. Ломовского у.—оба селения выборных солдат, церковь и там и тут основывается в 1695-1698 г.г., значит и селения возникли перед этими годами в связи с испомещением выборных полков; с. Никольское—в вотчине Ромодановского, что было „диким полем“, церковь в 1694 г.,—можно думать, что вотчина была не позднее 1683 г.; Акшино и Спасское Инсарск. у.—обе вотчины дьяка Перекосова с 1640 г., тогда же основана церковь и, следовательно, тогда же заселено.

Выше приведен целый ряд данных касательно колонизации Пензенского у. (и частей смежных уездов), Саранского (и частей смежных уездов), частей уездов Ломовского, Керенского, Краснослобоодского, Наровчатского и Инсарского. Из этих данных с несомненностью выясняется огромная роль дворянской колонизации края. В Пензенском у. она имела место с последней четверти XVII в., в Саранском—с половины того же века в Ломовском (и Чембарском)—с конца XVII и в XVIII в., в северо-западном углу края—в течении всего XVII в. Эта колонизация края дворянами продолжалась в течении всего XVIII в. и закончилась в XIX в. В большинстве случаев в более позднее время из состава уже существовавших селений выделялись части в особые поселки с характерными названиями—Сноховки, Варваровки, Владимировки, Сафьиной и т. д Возникали такие поселки постепенно, по нескольку в год. Позднее после освобождения крестьян, поселки строились крестьянами, особенно на покупных землях. Последнего рода колонизация, крестьянская на особых землях, имела широкое распространение в XX в., после издания законы об „отрубах" (Столыпинского). Списки населенных мест Пензенской губ., изданные земством, дают указания на возникновение огромного количества таких поселков уже до 1911 года.

VII.

Кубанский погром 1717 г. Пугачевщина в Пензенском крае.

Колонизация Пензенского края дворянами-помещиками в XVIII в. шла, вообще говоря, без становочно, несмотря на то, что краю пришлось в том же веке вынести два тяжелых испытания. Это были—Кубанский погром 1717 г и Пугачевское движение 1773-4 г.г.

Кубанцы—сборное имя для жителей предгорий Кавказа, окрестностей Азова и частью жителей Калмыцких степей. Кубанский погром разразился в 1717 г., т. е. спустя несколько лет после передачи обратно туркам Азова, взятого русскими в 1696 г. С этого года и вплоть до 1711 русские степные окраины на юго-востоке, в общем, никто не безпокоил, и тем более, что укрепленные линии были вынесены, как указывалось выше, далеко на юг, в южные части Саратовской губ. Погром, следовательно, был в известной мере неожиданным, почему и оказался самым страшным из погромов, каким когда либо подвергалась Пензенская губ. Кубанцы явились сюда в начале августа через Узинский стан Пензенского уезда, т. е. через прилегающие к Пензенской губ. части Саратовской губ.,—у.у. Кузнецкий, Петровский и Сердобский. Главная их масса обрушилась на Пензу, части же, небольшие сравнительно отряды, „партии" рассеялись по Пензенскому уезду, по степи, направляясь к Мокшану и Ломовам. У Пензы они были, 3 августа, но, как и в погром 1680 г., крепости взять не могли. Вал и засеки не остановили кубанцев, и они после Пензы ворвались в Шукшинский стан. Здесь нападению и опустошению падверглись Грабово (Мал.

Колояр), Вазерки, Проказна, Шукшинская слобода, Лунино, Трубетчина, Новокутлинская слобода, д. Ширшовка, Смагино, Кологривово, Болотниково, Шукша, Першино, Шахмаметевка, Уварово, Куракино, Бекетовка, Засечное, Скрябино, Хоненевка, Бибиково, Назарьевка, Гольцовка, Левино, Царевщина. Если проследить по карте расположение этих селений, то видно, что масса кубанцев от Пензы двинулась к северу и шла долиной Суры по наиболее людным селениям вплоть до Новокутлинской слободы, а отсюда направилась к Саранску. В пределах Саранского у. эта масса опустошила Трескино, Бутурлино, Иссу и Анучино (позднее селения Мокшанского и Инсарского у.у.). В то же время отдельные партии стали отделяться от массы влево, ближе к Мокшану, сжигая селения, избивая жителей или уводя их в плен. Чем далее к северу, тем более движение кубанцев развертывалось веером и наконец заполнило довольно широкое пространство от Новокутлинской слободы до Уварова, Куракина, Царевщины, и Засечной слободы, т. е. верст 30 ширины. Это—степное пространство между Сурою на востоке Мокшанским лесом на западе. Правда, на этом пространстве были опустошены не все селения: нередко опустошалось одно-два, а соседние оставались нетронутыми. Движение не докатилось до Саранска верст на 30, Саранск уже видел далекое зарево горящих сел и деревень, но Кубанская волна повернула обратно в свои степи. В Шукшинском стане было убито 83 чел. и взято в плен 876 душ обоего пола.

В Засурский стан кубанцы почти не заглядывали. Здесь оказался убитым 1 и взято в плен 39 чел.

Более значительно пострадал Завальный стан. Здесь кубанцами были опустошены селения: Андреевское, Архангельское, Скачки, Чернозерье, Муромка, Архангельское-Голицино, Андреевское, Атмис, Поповка, Варешка, Блиновка, Сергиевское, Ростовка, Каменка, Владыкино, Кошкарово, Щепотево, Архангельское-Чанбар, Мансуровка-Кочетовка, Дубасовка, Дубенская, Ермоловка, Вязовка, Саловка, Извековка, Тоузаковка, Озерки, Успенское-Смагино, Фатуевка, Дубасово. Если рассмотреть на

карте положение перечисленных селений, то окажется, что они занимают огромную территорию—южную половину Мокшанского у., восточную и южную половины Н. Ломовского уезда, восточную половину Чембарского и весь Пензенский уезд. Ясно, что это огромное пространство было опустошаемо не сплошною массою нахлынувших хищников, а отдельными партиями, рассыпавшимися по стану и, вследствие невозможности для населения организованного отпора, опустошавшими все на своем пути.

Значительное количество селений было выжжено, жители отчасти перибиты, а,—главное,— массами уведены в плен. Завальный стан, как менее защищенный, пострадал в этом отношении более других: взято в плен 2287 челов., убито 90 чел. Пострадали в Завальном стане два пригорода—Мокшан и Рамзай. Последний оказал хищникам отчаянное сопротивление и был взят приступом; население большею частью перебито и частью уведено в плен. Для всей губернии Кубанский погром обошелся очень дорого: убито 174 чел., взято в плен 3402 чел. Но нужно думать, что статистика эта недостаточно точна,—не подсчитаны все потери в уездах, а главное, переписные книги не исчисляют потерь по городам Пензе и Мокшану и пригороду Рамзаю.

Как любопытную особенность в этом набеге, приходится отметить то обстоятельство, это хищники имели проводников из местных жителей татар. Документы Саранского архива отмечают ряд селений в губернии, откуда жители-татары ушли „в кубанцы“. Такие селения—татарские.

И тем не менее Кубанский погром, не смотря на свои огромные размеры,—была опустошена половина губернии,—не сыграл большой роли в деле колонизации губернии: колонизация продолжалась все таким же ускоренным темпом, каким шла ранее. В переписных книгах 1717-1718 г. г. просто отмечается, что крестьяне после погрома строятся дворами вновь, очевидно, в надежде, что в будущем подобного погрома не повторится. И эта надежа не оказалась тщетной,—Кубанский погром

был последним из числа подобных явлений, и с этого момента губерния могла жить жизнью далекой и глухой степной окраины государства.

О Пугачевском движении в Пензенском крае известно очень мало, значительно менее, чем о Разиновском движении. И это потому, конечно, что документы, касающиеся этого движения считались долгое время совершенно секретными, а частью даже и отбирались из местных архивов. Манифестом Екатерины II от 17 марта 1775 г. все дело о движении в крае и о виновных велено было предать „вечному забвению и глубокому молчанию“.

Тем не менее из разных документов выясняется, что Пугачевское движение захватил весь Пензенский край. И это потому, конечно, что, с одной стороны, сам Пугачев прошел губернией из конца в конец,—от Казани через Саранск и Пензу к Саратову,—а с другой и главным образом потому, что почва для этого движения в Пензенском крае была достаточно подходящей. Край, как это указывалось выше, колонизовался главным образом дворянством, переселявшим сюда из разных мест крепостных крестьян, дворовых и задворных людей. В глухих степных селах и деревнях помещики, несомненно, чувствовали себя вполне господами и обращались с крестьянами, как хотели, не заботясь о том, что власть, в случае злоупотреблений, вмешается и потребует виновных к ответу В глухом, степном „дворянском гнезде“ власть из того же дворянства была вполне на стороне дворянства и, конечно, ни во что не вмешивалась, что бы ни творилось в поместьях. Следовательно, в закрепощенном крестьянстве, естественно, копилось раздражение и ненависть и против помещиков и против властей. Ненависть и раздражение крестьянства и вылились в Пугачевском движении.

Когда Пугачев вошел в пределы Пензенской губ., народное волнение разразилось с чрезвычайной силой. Помещики или вступали в ряды правительственной армии, или бежали под защиту крепостей или же совсем бежали из края по направлению к Москве. Пугачев подошел к Саранску; здесь искало

убежища много дворян. Самозванца встретили торжественно, с крестами и иконами, во главе с престарелым архимандритом местного мужского монастыря (рапорт П. Потемкина Екатерине II от 24 авг. 1774 г.). Укрывшиеся в городе дворяне и часть представителей местной власти были убиты. В Саранске Пугачев не задержался, а быстро направился к Пензе. Почти везде по селам его встречали торжественно, с колокольным звоном, с крестами и иконами, напр. в Б. Танеевке, Бекетовке, Вазерках и Колояре. Духовенство частью по принуждению, а частью добровольно становилось на сторону самозванца и на эктениях поминало его императором. В Пензе Пугачева ожидала такая же торжественная встреча со стороны населения и почти всего городского духовенства. И здесь Пугачев не задержался, а взяв довольно порядочную добычу („Материалы" Грота, № 54), направился к Саратову. И по мере того, как самозванец двигался по губернии, везде вспыхивало народное волнение, собирались партии частью во главе с пришлыми, частью с местными вожаками, бросались на поместья и города. И это происходило не только вслед за проходом Пугачева по краю, но и после, когда, гонясь за ним, прошли губернией правительственные войска. Началось усмирение восставших. По всей губернии были разосланы правительственные отряды. Во главе их стояли часто местные помещики-офицеры, напр. подп. Неклюдов, шеф Пензенского дворянства уланского корпуса Чемесов, майор Голуб, подп. Бедряга, кн. Голицын, майор Харин, подпор. Кабанов, ротмистр Веденяпин, кап. Лунин, кап. Карташев и др. „В окрестностях Саранска чернь, выступя из должнаго повиновения, возмущаясь, скопляется" („Материалы" Грота, № 6). Для усмирения их были направлены подп. Неклюдов и майор Голуб. Неклюдов направился в восточную часть уезда и отсюда прошел в Корсун, где разбил партию (№ 34), Голуб направился на север и здесь у с. Березников „разбил злодейское скопище" (№ 36). В том же уезде занимался усмирением майор Харин. Последний у села Сучкина разбил толпу в 200 чел. под начальством пугачевского полковника, донского казака А. Суходольского. Убито было 150,

взято в плен 50. В Пензенском уезде усмирял Чемесов. Недалеко от Пензы он разбил партии в 300 чел. и в 3000 чел., под начальством пугачевского подполковника, местного крестьянина Иванова, отнял 7 пушек, 2 мортиры (№ 51, п. 8). Там же действовал сначала Бедряга с казаками и уланами, а потом направился в Н. Ломовский уезд, где „разбил и загнал в леса великое злодеев множество“ (№ 51, п. 22). Здесь же кап. Гезелевский разбил партию в 500 чел., взял 30 пушек В Краснослободском у. усмиряли подпр Кабанов (у д Акашевой), подп. Архаров (в г. Троицке) и прап. Кулунчаков (вместе с Кабановым).

В Городищенском уезде усмирял Карташев, а в Керенском ротмистр Веденяпин, который добил толпу, отраженную от Керенска местным дворянством во главе с воеводским товарищем Перским.

К концу 1774 г. народное волнение, вызванное в крае Пугачевым, было совершенно подавлено, и начались суд и расправа над виновными. Волнение, как и замечено выше, не отразилось ни на колонизации края дворянами (список дворянства 1785 г. ясно свидетельствует о противном), ни повело к смягчению крепостного права,—жалованная грамота 1785 г. еще более усилила власть помещиков над крестьянами.

VIII.

Выселение из края русских. Правительственная и помещичья деятельность по выселению служилых людей и крепостных.

Одновременно с заселением Пензенского края происходило и выселение из него русских и иностранцев. Как колонизация края велась дворянством, правительством, а также была и вольной, так и эмиграция из края совершалась по воле правительства и по желанию дворянства, но была и вольной, особенно среди инородцев.

Не успело правительство достроить последнюю черту, оберегающую Пензенский край от набегов кочевников (1688-1694 г.г.), как уже через два года после взятия Азова (1696 г.) признало ненадобность всех укрепленных черт края и начало выселять из него служилых людей, из тех слобод, которые были расположены по этим чертам. На последние черты Пензенского края (от Инсара через Мокшан на Пензу, а отсюда к Кузнецку и от Пензы к Саранску), как указывалось выше, выселялись служилые люди с Ломовской и других черт,—так и теперь на новые места службы в Азов и на Царицинскую линию выселялись служилые люди с Пензенской черты. Никите Чирикову велено было привести в Азов на вечное житье Симбирской черты г. Уренска от'езжих слобод казаков, Налуевской слободы и Торуевского городища станичных и засечных сторожей с женами и детьми, с братьями и племянниками. Чириков составил, согласно указу правительства, особые списки переведенцев. Из этих списков узнаем, что из Юловской слободы (Юлово-Богояв-

ленское) было переведено 97 дворов, из Городищенской Слободы, Юлово тоже, (Городище Город. у.)—83 двора.

Одновременно Никите Анненкову велено было сделать то же самое с служилыми людьми Пензенской и Саранской черт. И этих последних велено было со всеми семьями и со всеми родственниками перевести в Азов на вечное житье. Анненков составил так же, как и Чириков, особые книги. Из них узнаем, что из Атемарскогоо строга было назначено к выводу 90 дворов., из Шешкеевского острога—96 двор., Инзерского острога—90 двор., из Черкасской слободы г. Саранска—44 дв., из с. Ингенияр-Пятины —18 дв., Пелетьминской слободы (Посопная или, вернее, Казачья Пелетьма)—49 дв., Анзыбеевской слободы—50 дв., Сандерской слободы—10 дв., Пензенской слободы (с. Бессоновка) —10 дв., Медоевской слободы—20 дв., Саранской слободы (Засечное Мокш. уез.)—47 дв., Юловской слободы (Мокш. уез.)—102 дв. Точное число переведенцев известно по Пензенской и Саранской чертам. Переведено 887 семей; в них—настоящих (служилых) 987 чел., родственников—632 чел. уже служащих; годных в службу—299 чел., малолетних—1528 чел., жен—1429 чел., девок—1506 чел. Итого 3356 человек мужского пола и 2935 женского пола. Неизвестно точное число переведенцев из Юлова и Городища, но если каждый двор, в среднем, по только что перечисленным пунктам дает по 10 чел., то 190 дв. из Юлова и Городища дадут не менее 1900 чел. Получается очень солидная цифра переведенцев—до 8200 душ обоего пола. Если принять во внимание, что во всем Шукшинском стане было в 1710 г. 14000 чел., а в Завальном около 5300 чел., то станет ясным, что увод 8200 чел. из Пензенского края является массовым,—он равняется почти половине населения (русского) всего уезда [1]).

[1]) Изложенные выше сведения сообщены Пензенскому Стат. Комитету А. Полторацкой, а ею заимствованы из подлинных архивных документов, хранившихся (в конце XIX в.) в Саранске, — повидимому, в архиве Губер. Правления.

Из документов В. и Г. Холмогоровых „Пензенская десятина", (рукоп.) узнаем некоторые новые черты и подробности касательно тех же переведенцев. Из Колоярской слободы по указу 1697 г. солдаты переведены на житье на речку Калмыгу Пенз. уез., а их земли отданы в поместье Ст. Ловчикову. Из Пензяцкой слободы (Бессоновка) 31 чел. с женами и детьми (10 двор., см. выше) переведены в Азов, а третчики и половинщики переведены на вечное житье на Хопер и на Медведицу, а их земли отданы Салтыковым.

Аизибейская слобода выведена не вся осталось 16 чел. или дворов. Из Вазерской слободы и д. Усть-Вазерок переведено 104 чел. (а с семьями и родственниками значительнее) и, очевидно, не в Азов, а на р. Медведицу в новопостроенный г. Петровский и в Астрахань. Туда же, в новопостороенный г. Петровский, переведены в 1698 г. 29 дворов солдат выборного полка из Новокутлинской слободы. Из Кутлинской слободы (Старая Кутля), как видно из челобитной Головиных, „жители" тоже переведены на вечное житье в Азов; но так как в официальном списке азовских переведенцев этой слободы не указано, то ясно, что отсюда конные казаки переведены на Хопер или на Медведицу или в Астрахань, а земля их отдана Головиным. Из Казачьей Пелетьмы казаки выведены не все, осталось 40 дворов; покидная земля отдана кн. Голицину. Из Пыркинской слободы солдаты в количестве 100 дворов выселены также, очевидно, на Хопер, Медведицу или в Астрахань, а их земли отданы Голицыным (1697 г.). В Сандерках за переводом 15 дворов (выше 10 дв.-осталось казаков 14 чел. дв., покидная земля отдана Сумарокову. Из Юловской слободы 100 дворов переведено в Азов, а третчики и половинщики (18 дв., у них родственников 107 чел.) переведены на Медведицу и на Хопер, покидные земли отданы кн. Ромодановскому с сыном.

Таким образом, из документов В. и Г. Холмогоровых узнаем, что правительственное переселение в 1697 г. служилых людей в Азов сопровождалось одновременным переселением части жителей указанных к переводу в Азов селений в ин..е

места, а кроме того одновременным переселением служилых людей из слобод Колоярской, Вазерской, д. Усть-Вазерки, Пыркинской, Новокутлинской и Старой Кутли. Переселено из этих новых пунктов, по вышеприведенному среднему рассчету двора, до 3000 человек обоего пола. Следовательно, из тогдашнего Пензенского у. выселено одновременно до 12000 человек.

О случайных переселениях в Тамбовскую и Калужскую губ. тех же служилых людей в небольшом количестве узнаем из других документов. Таким образом, правительственная эмиграция из Пензенской губернии в самом конце XVII в. носила массовый характер („Рус. Истор. библ.“ т. т. X и XI).

Несомненно также массовый, в общем итоге, характер (в отдельных случаях, в сравнительно небольшом количестве) носила эмиграция населения Пензенского края, совершавшаяся по воле помещиков. Из своих пензенских поместий они выводили крестьян иногда в соседние, иногда в отдаленные губернии; те же пензенские помещики или помещики соседних губерний покупали в Пензенском краю крепостных и выводили их в другие губернии, в свои поместья. Передать весь материал, касающийся выселения из Пензенского края по воле дворянства, в настоящий момент не представляется возможным, но получить приблизительное представление об этом явлении можно на основании материалов, касающахся выселения в Саратовскую губернию. Саратовская губерния по размерам поместного землевладения до последнего времени занимала одно из первых мест в Приволжье. Исторически она начала заселяться помещиками вслед за Пензенской, где дворянство сначала занимало земли к северу от Керенско-Саранской черты, потом в Шукшинском стане, затем в Завальном, а потом в Узинском, смежном с Завальным. Узинский и, частью, Завальный станы обнимали собою части Саратовской губернии. Следовательно, дворянство с своими поместьями постепенно продвигалось к югу, в степи, в глушь Саратовского края, тогда как соседние,—Тамбовская и Воронежская,—губернии были уже достаточно снабжены дворянским элементом. Значит, дворянству естественно было брать крепо-

стных для заселения нового Саратовского края из поместий Пензенского края. Документы М. А М. Ю. не оставляют в этом никакого сомнения. Перед нами переписные книги 2-й ревизии по Узинскому и Злвальному станам, где отмечены как русские, так и инородческие селения, и указано (правда не везде), когда известное селение основано и откуда сюда переведены крестьяне и кем.

В Узинском стане следующие селения заселены после ревизии 1721-5 г.г. вновь,—или всецело или частично,—из Пензенской губернии: д. Озерки—из с Булгакова Саранск. у., с. Никольское (Умыс)—из Саран. у., д. Валяевка из д. Турдаков и с. Дмитриевского-Ульяновки, д. Столыпино—из д. д. Князевки и Усовки Пенз. у., с-цо Никольское-Колышлейка—из Шагаева Саран. у., с. Никольское-Глядково—из с-ца Покровского-Таштокомяк, д. Репьевка—из д.д. Репьевки и Вороновки, д. Верхозим—из с. Булгаково Саран. у. д. Жедринка—отчасти из с-ца Покровского-Веденяпина, д. Каракозовка—из д. Селифонтьевки Пенз. у., д Слепцовка—отчасти из с. Архангельского-Чирчима, с-цо Богородское (Терешка)—отчасти из с. Никольского-Саловки, д. Горячевка—из с. Саловки, д. Танеевка - из д.д. Палеологова, Буриловки, Павловки Пенз. у. и из с. Чуфарова Саранск. у. д. Буриловка - отчасти из Саран. у. и с. Таневки Пензенского, с-цо Теплый Ключ-Никольское—из с. Блохина Пенз. у, д. Гусиная Лапа—из с. Ризлей Саран. у., Новая Липовка—из с. Лопатина Пенз. у., д. Гершаут—из с. Чардыма Пенз. у., д. Леклейка—из с. Карбулака Пенз. у., (в 1723 г.) д. Вершаут-Фокино—из Дворянской Кеньши Город. у., с-цо Дмитриевское—из Пенз. и Саранского у.у., д. Павловка—из Мокрой Поляны Пенз. у, с-цо Чечуйка—из с. Михайловского Саран у., д. Стромиловка—из с. Погозова Пензенского у, д. Мартыновка—оттуда же, с. Никольское-Таштокомяк—из д.д Языковки и Шияева Пензенского у., д. Таштокомяк—из Саранского у., Богоявленское-Литовкино—из Ст Чирчима Пензенского у., д. Андреевка—из с. Богородского-Михайловки Пензенского у., д. Палеологово—из с. Ключищ Пензенского у., с-цо Архангельское Чардым—из с.

Ныркина Пензенского у., д. Красное Поле—из д. Языковки Саранского у., д. Бикмей—из с. Бибикова Пензенского у., д. Н.-Колояр—из с. Колояра Пензенского у., д. Безобразовка—из с. Беклемишева и д. Соболевой Пензенского у., д. Колышлей—из Таштокомяка Пензенского у., д. Озерки—из с. Юрьевки Пензенского у., д. Сосновка—из Саранского у.

В Завальном стане заселены: д. Чеботаевка—из с. Мещерского Пензенского. у., д. Степановка—из Питер-Чомры Саранского у. и д. Сипбугины Пензенского у., д. Подьячевка—из Никольского-Колояра и Телегина Пензенского у. и из Саранского у., Князевка—из с. Ербулатовки Пензенского у., д. Новая Васильевка—из д. Сидоровки Пензенского у., д Князевка—из с. Юдина (Пятницкого) Пензенского у., д. Шаховская—из с. Озерков Пензенского у. и Никольского-Камышлейки, с-цо Дмитриевское—из с. Колышлейки Пензенского у., д. Палатовка—из с. Богородского Михайловки Пензенского у., д. Михайловка—куплены в д. Еланке Пензенского у, Бакуры—из с.с. Веденяпина и Ардыма Пензенского у., д. Сластуха—из д. Колышлей и с. Кропотова Пензенского у., Архангельское-Бутурлино—из с. Семеновки и д. Щукиной Саранского у., с. Ивановское-Сердоба—из с. Усть-Шукши Архангельского Пензенского у., д. Панкратовка—из с. Ульяновки и д. Сыропятова Саранского у. и с. Телегина Пензенского у., д. Агафоновка—куплены в Саранском у. в с. Спасском у попа Өедора Алексеева (?), д. Тепловка—из Пензенского и Саранского у.у., д Колышлейка—из с. с, Безобразовки, Медаевки и Бакур Пензенского у. и куплены в д. Степановке Пензенского у., Покровское-Скрябино—из с. Мертовщины Пензенского у., д. Апраксино—переведены из Саранского и Пензенского у. у., д. Жадовка—из д. Жадовки Пензенского у., д. Траханиотово—из с. Засецкого Пензенского у. [1]).

Кроме перечисленных, вот еще ряд селений, куда переведены крестьяне из разных уездов и в том числе уездов Пензен-

---

1) Пензенский и Саранский у. у. здесь везде разумеются в границах начала XVIII в.

ской губ.: д. Колышлейка, д. Черемшанка, с-цо Дмитриевка, с-цо Безобразовка, д. Хохеневка, д. Ивановка, с. Гусиная Лапа, с. Космодемьянское (Нов. Поселок), д. Корякина, с-цо Сосновый Ключ, д. Гвоздевка, с. Усть-Баланда, Баланда и Городок, д. Федоровка, д. Казанба, с. Лопуховка-Никольское, д. Киселевка, д. Еланка, Тозмак, д. Юматовка, д. Никифоровка, д. Грязовка, Васильевская Слобода, д. Маленовка и с-цо Покровское-Еланка.

Таким образом, из списка видно, что свыше 60 селений нынешней Саратовской губ. вновь основаны в промежуток времени между 1721 и 1745 г.г. и заселены переведенцами из Пензенской губ. Кроме того, до 25 селений заполнены переведенцами оттуда же и из других губерний. К сожалению, лишь в редких случаях указано, какое количество крестьян выведено в тот или другой пункт (напр. 7 душ мужского пола, 40 душ мужского пола и т. п.), во всех других случаях простая пометка—переведено оттуда-то. Но можно принять во внимание количество населения в том или другом пункте в момент ревизии. Если даже предположить, что около ½ населения по ревизии родилось уже на новом месте, т. е. в Саратовской губ., а половина выведена со старого места жительства, то и в этом случае получится чрезвычайно внушительная сумма переведенцев из Пензенской губ. только в те пункты, которые заселены всецело из нее,—не менее 3000 душ обоего пола. Думается, что общее число русских переведенцев в одну Саратовскую губ. за указанный выше срок будет не менее 4000 душ обоего пола. А перевод совершался и раньше 1721 г., совершался и после 1745 г., совершался, несомненно, и в другие губернии, кроме Саратовской, на р. в Самарскую, Уфимскую, Воронежскую и смежные—Симбирскую и Тамбовскую, не говоря о Новороссийском крае. Таким образом, для „дворянской" эмиграции крестьян за XVIII в. получится чрезвычайно внушительная цифра, едва ли меньшая той, какая была указана выше для правительственной эмиграции конца XVII в.

Кроме того, приходится принять во внимание, что часть крестьян из Пензенского у. бежала, спасаясь от тяжести кре-

постного права. В переписных книгах 2-й ревизии встречается пометка: „беглые из с. Колояра Пензенского у.“. В переписных книгах Пензенского у. 1717-1718 г.г. есть подобные же пометки, напр. д. Давыдовка (Завального стана) пуста, 20 душ обоего пола в разное время бежали. Большее число беглых можно было бы встретить в 60-е г.г. XVIII в. после ряда волнений крестьян в разных губерниях и особенно, после 1774 г., когда некоторые из крестьян, принимавшие участие в Пугачевском движении, должны были бежать с родины, опасаясь крутой расправы усмирителей и помещиков

Но несравненно более значительные размеры, чем правительственная и дворянская эмиграция крестьян из края, имела эмиграция инородческая.

IX

Выселение мордвы из Пензенского края. Причины этого явления.

Чтобы иметь общее представление о размерах выселения инородцев из Пензенского края, приведем некоторые данные переписных книг 2-й ревизии по нынешней Саратовской губернии: дер. Нов. Пестровка—новокрещены из мордвы, пришедшие из разных мордовских деревень, а именно: из деревень Пестровки, Кечушевой-Голодяевки, Губашевой Пензенского у., 47 душ мужского пола; дер. Кечушева-Барановка тож—новокрещены из мордвы, пришли из Пензенского у. (д. Барановки, Полдасевой, Телятниковой) и Симбирского у. (из д.д. Живайки и Славкина); с-цо Никольское, Ст. Шеткино тож—новокрещены из мордвы, переселились из уездов Арзамасского, Саранского, Пензенского, и Темниковского после переписи 1725 г.; д. Кемаевка—ясачные новокрещены из мордвы, 93 души мужского пола, переселились из Саранского у. (д. Кемаевки) и Краснослободского; с-во Славкино—203 души обоего пола, новокрещены из мордвы, перешли из у.у. Алатырского, Керенского и Темниковского; с-цо Архангельское, Лапаевка тож,—новокрещены из мордвы, чувашей и татар, 157 душ мужского пола, перешли из у.у. Саранского, Пензенского и др.; д. Нов. Шиндяскина—53 души мужского пола, мордва, из деревни Шиндяскиной Пензенского у.; д. Нов. Губашевка 81 душа мужского пола, мордва, перешли из д. Ст. Губашевки Пензенского у.; д. Голодяевка—103 души мужского пола, мордва, перешли из д. Пестровки Пензенского у.; д. Нов. Собакино—118 душ, мордва, из д. Ст. Полдасовой

Пензенского у.; д. Каймары—мордва и новокрещены, 89 душ мужского пола, из д. Асанкиной Пензенского у.; д. Индерка—145 душ, мурзы и татары, перешли из Пензенского и Саранского у.у.; д. Акельшино—69 душ мужского пола, татары, перешли из Пензенского у., из Бикбулатовки; д. Елань-Кадада—26 душ мужского пола, татары, перешли из д. Могиловки Пензенского у; д Батилдина 11 душ мужского пола, татары, перешли из Сыромясс и Бикбулатовки; д. Новоселки—37 душ мужского пола, татары, перешли из Кададея Пензенского у.; оттуда же образовалась д. Чирикляя; д. Косоцевка—47 душ мужского пола, татары, перешли из д. Пичили Саранского у.; Н. Шняев—мордовские мурзы, из д. Садовки Пензенского у. и т.д. [1]).

Н введем ряд данных, из которых ясно видно, что выселялись из Пензенского края не только русские, но и инородцы, занявшие край ранее русских, выселялись также массами, выселялись и мордва и татары, однако первые больше, чем вторые.

Выше было изложено, что мордва, исконные мордовских местностей—Тамбовской и Нижегородской губерний—под напором русской правительственной, дворянской и вольной колонизации начала постепенно отчивать в общем направлении на юго-восток: из губернии Нижегородской—за Суру, в Симбирскую губернию, в уезды Ардатовский, Сенгилеевский и Сызранский, а также в Инсарский, Саранский и Городищенский Пензенской губернии; из северной части Тамбовской и северо-западной части Пензенской губернии отходила большею частью на восток и юго-восток, в уезды той же Пензенской губ. Паранатский, Инсарский, Керенский и Ломовский—и еще дальше на восток—в уезд Городищенский. Поэтому там, где, напр., в начале XVII в. вовсе не было мордовских селений, а лишь бортные ухожеи, звериные ловища и перевесища, а также редкие зимницы—в уездах Мокшанском, Чембарском и западной части Городищенского,—там в средине, а еще более к концу XVII в. уже встречаем мордовские селения. Но по мере того как русская коло-

[1]) Уезды обозначены в старых территориях.

низация шла вслед за отступившею мордвою и постепенно проникала в перечисленные уезды Пензенского края, мордва отступала еще дальше на восток и на юг. Так, из Саранского и Инсарского уездов мордва отливала в Городищенский у., из Ломовского и Мокшанского - тоже (в Мокшанском совсем не осталось мордовских селений, в Н.-Ломовском осталось 2). А когда и в Городищенский уезд стала проникать русская колонизация, мордва снова сдвинулась с места и снова стала отливать уже за пределы Пензенского края, в степи Саратовской губернии и леса Сызранского у. Симбирской г. Но ни там, ни здесь русские не оставили мордвы в покое: в самом конце XVII и начале XVIII в. русская колонизация, правительственная и помещичья, вступила в пределы Саратовского края и в Сызранский уезд (после 1683 г.). Тогда мордва двинулась за Волгу в привольные, почти девственные степи Самарского края, Уфимской и Оренбургской губерний.

Что таков именно был путь выселения мордвы—массового, но не веселого—с своих старинных насиженных мест, об этом уже говорилось неоднократно в этих очерках; о том же говорят писцовые и переписные книги, разные документы поместного характера и разнообразные предания. В начале XVII в. в мордовском крае, как видно из документов Шацкого архива, уже встречаются указания на „покидныя мордовския земли", на пустоши, но часто не указывается, почему появились те и другие. Мордва ушла куда-то... И чем дальше идет время, тем все больше и больше встречается таких указаний. Переписные книги XVII и XVIII в в, описывая мордовские селения, нередко отмечают, как это уже указывалось выше, откуда пришла сюда мордва. Так из переписных книг 2-й ревизии, как это только что указывалось, видно, откуда, когда и в каком количестве явилась мордва в разные селения северной части Саратовского края. А явилась она из Пензенской губ., Тамбовской (Темниковского и Шацкого у.у), Нижегородской (чаще всего Арзамасского у.), даже из Казанской и т. д. Переписные книги Городищенского у. в свою очередь указывают, что местное мордов-

ское население или куда-то постоянно отливает, или наоборот приливает. Так, в переписных книгах 1701-1718 г. г., напр., отмечается: в д. Сермаве—пришлой мордвы из Воронежской и Нижегородской губ. 2 двора, в д. Бермееве (Пермиево)—пришлой мордвы из Нижегородской, Казанской и Воронежской губерний 7 дворов, в д. Ср. Шкидиме—1 двор, в Ниж. Шкидиме—1 двор —из Казанской губернии, в Ст. Теше ре—из Казанской губ. 1 дв., в д. Селе—пришлой мордвы из уездов Саранского, Нижегородского и Симбирского 12 дворов. Редкие мордовские селения Чембарского у.—пришел цы из Керенского и Наровчатского у у. Нередко, судя по названию сел, можно видеть, откуда переселяется мордва и куда, и документы подтверждают подобные догадки. Так напр., мордовское население Садома и Садовки (исковерканное Садом—Садовка) Городищенского у., как оказывается, частью выселилось в Саратовскую губернию, где основало селение Садом. Мордовское население д. Борнуки (рядом с селом Глядковым—Борнуки Городищенского у.) выселилось частью в Саратовскую губернию—в Борнуки же, частью в 60-х г. г. XVIII в. ушло за Волгу, в Самарскую губернию в количестве 30 семейств, а место мордвы заняли русские поселенцы. В свою очередь и население Городищенского Садома пришлое, из д. Садома Саранского у. Мордовский Качим весь населен посопиною мордвою из дер. Сверчевой (Саранского у.). Известно далее, что из Городищенского у. некоторые мордовские селения исчезли бесследно: д. Алемано (самое название очевидно исковеркано) выселилась ...; мордовская деревня, на месте которой стоит русский Ичим, выселилась вся далее к югу.

Каковы же были основные причины, которые побуждали мордву, если не всю, то несомненно, в больших массах, сниматься с насиженных мест и постоянно отступать перед русской колонизацией? Таких причин много, и среди них причины экономического характера, несомненно, занимают первое место.

1. Насколько можно понять из многочисленных документов, опубликованных, напр. Тамбовской ученой Архивной Ко-

миссией, основным видом хозяйственной деятельности мордвы в века предшествующие русской колонизации мордовского края, была добывающая промышленность звероловство, птицеловство и бортничество. Упоминаются в документах ловища, перевесища, бортные ухожеи, а иногда даже изображаются „знамена" отдельных промышленников. Земледелие стояло на втором плане, что вполне понятно, если принять во внимание те огромные лесные пространства „с твердями", которые занимала мордва. Такое хозяйство заставляло мордву не особенно прочно держаться определенного местожительства, а вести до известной степени бродячий образ жизни. Недаром упоминаются у темниковской мордвы зимницы в Мокшанском лесу. Значит, на целые месяцы оставлялось насиженное место, и промышленник жил там, где добывал себе пропитание. Но с течением времени и по мере того, как в край приливала русская колонизация, земледелие постепенно занимало видное место в хозяйственной деятельности, потому что лесной простор постепенно сокращался. Для промышленника-звероловa и бортника в его хозяйственной деятельности нужно очень большое лесное пространство, в несколько десятков квадратных верст. Но по мере усиления русской колонизации такой лесной простор становился для мордвы невозможным, и перед нею с необходимостью вставал вопрос о том, что делать далее—осестся на пашню и занятся земледелием, т. е. изменить коренным образом свое хозяйство, или держаться той же системы хозяйства, но тогда оставить насиженное место и искать нового лесного простора. Но, с одной стороны, остаться на месте значило войти в близкое соприкосновение с русским населением и, как увидим ниже, войти с ним же в постоянные пререкания из за земельных угодий; с другой стороны, ломать сразу систему хозяйства мордве не представлялось ни желательным, ни возможным. Естественно, что выход из создавшегося положения, не для всей мордвы, а для многих напрашивался второй—остаться звероловом и бортником и итти отыскивать лесной простор. Потому-то мы и видим, что при выселении из Нижегородской губ.

в Пензенский край мордва направлялась или в леса Инсарского уезда или в леса по восточной и западной окраинам Саранского у., а не на свободные пространства „дикого поля ковыла.“ А когда и сюда проникла русская колонизация, мордва стала отливать в леса Городищенского уезда, позднее—в леса Сызранского уезда, и только потом уже принуждена была окончательно переходить к земледелию, как основному промыслу, и итти в степи Саратовского и Самарского края.

Итак, основная форма хозяйства в связи с ломавшей эту форму русской колонизацией заставляла мордву оставлять насиженные места, переселяться по Пензенскому краю с места на место, а потом и совсем оставлять этот край.

2. Та мордва, которая оставалась на месте и принималась за смену основной формы своего хозяйства—добывающей промышленности на земледелие,—должна была в очень скором времени решать трудный и сложный вопрос об отношении к русской колонизации в отношении своих земельных угодий. В одной из предшествующих глав указывалось, что русские поселенцы, являясь на территорию, занятую мордвою, обычно занимали места по течению рек, места, можно думать, свободные от населения. Занятие таких мест среди мордовского населения, если не всецело враждебного русским, в силу предшествовавших исторических условий и обстоятельств, то во всяком случае населения чуждого, занятие, не встречавшее, однако, никаких протестов, объясняется общественным и земельным устройством мордвы. Мордва жила очень разобщенно между собою,—у нее не было какого, либо объединяющего центра, вроде Казани для татар,—жила отдельными родовыми общинами с князьками или мурзами во главе. Такие князьки или мурзы в XVII в. упоминаются в Саранском уезде (д.д. Княжая и Иванково), в Городищенском уезде (д.д. Садовка, Козловка, Борнуки, Ручим, Собакино, Оскино) и в других местах. В XVIII в. такие мурзы упоминаются в книгах 2-й ревизии в Саратовском крае, в д.д. Узе, Канадеях, Студенце, Верхнем Шняеве, Среднем Шняеве и Нижнем Шняеве, при чем отмечается, что они переселились сюда

из Пензенской Садовки, из Нижней Елюзани и других мест. Как и везде, земля, находившаяся в постоянном пользовании, т. е. пашенная земля, составляла собственность родовой общины. Но выше указывалось, что главный доход такая община получала с борных ухожеев, звериных ловищ, перевесищ, бобровых гонов и т. д., причем все последние угодья, часто на десятки квадратных верст, составляли собственность отдельных лиц и обычно намечались „знаменем" или знаком отдельного лица. Мордовские князьки имели собственные пашенные земли, собственные угодья, а затем пользовались ясаком с ухожеев и других угодий своих сородичей, а может быть, и подданных. Значит, во-первых, для мордвы главное были леса, как это и указывалось выше, и, естественно, она селилась вблизи их или в самых лесах на естественных или расчищенных полянах, где создавала даже городки или укрепления[1]) А дикое поле, бесконечные ковыльные степи, которые были так обширны в Пензенском крае еще во второй половине XVII в. и начинались нередко у вновь построенных городов —Саранска, Инсара, Пензы, Верхнего и Нижнего Ломова, не принадлежали никому. Русские поселенцы, уже несколько веков назад сменившие главную форму своего хозяйства—добывающую промышленность на земледелие,— искавшие пашни, в силу разных обстоятельств, леса, явившись на мордовскую территорию, селились общинами или на расчищаемых из-под леса местах, или в диком поле, которое, хотя и было опасно благодаря набегам кочевников, но представляло лучшие угодья для земледельцев. Русское правительство, овладевшее официально краем в половине XVI в., после взятия Казани, а на деле захватившее к концу этого века лишь небольшую часть его (северо-западный угол—Краснослободский и часть Наровчатского, Инсарского и Саранского у.у.), применяясь к потребностям русских поселенцев, объявило главным образом

[1]) Некоторые из сохранившихся городков Пензенской губернии несомненно принадлежали ранее мордве. Напр., у Русского Инина сохранились два городка, и там ранее жила мордва.

в XVII в., государственною собственностью эти дикие поля, девственные ковыльные степи, предоставляя их переселенцам, заселяя слободами служилых людей или раздавая помещикам; мордве же оно оставляло лишь то, что было в ее фактическом владении—„куда ходила их соха и топор", т. е. пашенные земли, луга и части лесов, отмеченные „знаменами". В конце XVI в. (напр., в 1585 г.) и неоднократно в первой половине XVII, а для нижней и восточной части губернии во второй половине того же века все местные земли были переписаны и каждой мордовской деревне, каждому ее роду дан был особый „обод", обмежеванный и отмеченный гранями и столбами. Но, во-первых, границы ободов были слишком неопределенны („а от того столба на березу, а на ней грань, а та береза стоит подле осинового тальника"... или: „а от того дуба по лощине и перешед ржавец, что вышел из липяга Вас. Помры на дуб с корени вверх дублят, на нем грани, а от того дуба, случи к липягу, на редкодуб, а с редкодуба до речки Назерок"[1]), или даже в качестве признаков упоминаются „суховерхая береза", „дуб розвиловатой", ольховый или ивовый куст и т. п.),—поэтому доказать принадлежность известной территории данному ободу мордва была часто не в состоянии, и земли легко захватывались русскими пришельцами. Во-вторых, земли все-таки были очень велики, и это давало обществу или мордовскому роду возможность, с одной стороны, выделять из себя, в случае увеличения населения, починки, пользовавшиеся ободными землями, но возвращавшие, в случае своего ухода на сторону, отведенную землю обратно обществу или роду, а с другой стороны, и главное, давало возможность мордве пускать на свои излишние и, следовательно, свободные земли русских „припущенников", которые обычно брали с мордвы обязательство „поступную землю на сторону не продавать и не закладывать, не передавать другим", а иначе мордва обязывалась платить припущенникам неустойку или пеню. Сплошь и рядом земля, отданная мордвою в пользование русским припущенни-

[1]) Из „Строельной книги г. Пензы," изд. Борисова.

кам, становилась полною собственностью последних: они отказывались платить аренду, распоряжались землею, как хотели, передавали другим и т. п., мордве же доказать по межам и граням свое право собственности на землю было затруднительно, вследствие неопределенности межевых признаков и вследствие пристрастия русских властей.

Таким образом, прежнее обилие земель, которое мордва прежде так или иначе могла эксплуатировать, значительно сократилось: свободные земли и леса были взяты правительством, а собственные земли и леса или захватывались припущенниками или вновь поселившимся на свободных прежде, а теперь государственных землях пришлым русским населением. В особенности очень много земель тем или иным способом захвачено было помещиками и даже правительством, особенно в тех случаях, когда мордва не могла представить определенных и ясных доказательств в пользу своих владений тем или иным участком земли или леса. Если же спорное дело из за земли доходило у мордвы с припущенниками или соседним русским населением, живущим на своих землях, до суда, то судьи, как указанно уже выше, часто решали дело не в пользу мордвы, обходя так или иначе указания писцовых и переписных книг, что сделать было, как уже доказывалось ранее, очень не трудно. Все это, и по частям и в совокупности, создавало не только натянутые, но и положительно враждебные отношения между мордвою и русским населением, с одной стороны, и между мордвою и правительством, с другой. Недоразумения приводили иногда не только к столкновениям, но к настоящим враждебным действиям, даже к форменным сражениям между русскими и мордвою. Вот несколько ярких фактов. Крестьяне Краснослободского присуда с. Дмитриевского усада просили у царя Феодора Алексеевича защиты против мордвы. В 1675 году у последней по суду было отнято „оброчное“ Дмитриевское поле, а мордва, владевшая им, выселена в д. Долговирясы, где она жила раньше. Мордва сочла судебное решение несправедливым, себя—обиженной этим решением, и потому, когда спорное поле было

засеяно в 1676 году рожью и яровым хлебом, мордва явилась сюда из Долговиряс и самовольно сжала хлеб. В 1677 году повторилось то же самое, при чем мордва явилась на поле для жатвы „многолюдством“ и вооруженная и сумела нанести русским крестьянам настоящ е поражение. А вот другой факт. Жалуются уже не русские. а мордва д. Вьюнки Наровчатского присуда на выборных солдат с. Решетина Нижне-Л мовского уезда. Последние, „собравшись многолюдством“, с ружьями и сайдаками, выехали на юнкинское тяглое поле и „ чали стрелять в мордву , потом ее ограбили и одного мордвина убили.

Ожесточение мордвы во время подобных аграрных недоразумений доходило порою до того, что она бралась за оружие, составляла целые отряды и смело бросалась на значительные вооруженные силы русских. В 1698 году большою Ломовскою дорогою шли служилые люди, вершники и пехота с тележниками. У дер. Ежовки за околицей их встретила мордва „скопом и многолюдством“ „с дрекольями и оружием“, силою остановила на поле, и вооруженные русские „стояли много ден до вечера“, а „остановя чинили с ними бой и те служилые люди от их боя своротили и поехали неведомо куда“. Опьяненная своею победою над русскими войсками, мордва стала в открытые враждебные отношения с окружающим ее русским населением „С того числа, по словам челобитчиков русских, мордва конятся многолюдством конницею и пехотою, по многим дорогам ставят караулы и около села днем и ночью с оружием и дрекольем стоят неведомо ради какого умысла да они же мордва на нас хвалятся на словах продажею и огнем пожогою и на дороге боем и на церковь Божию всяким ругательством словами хвалятся же“ (документ из архива Краснослободского Спасского монастыря). Как видно из приведенного факта, аграрные недоразумения между русскими и мордвою, где страдающей стороною чаще всего оказывалась мордва, приводили в некоторых случаях к прямому восстанию мордвы против русских и русского госп дства. И таких восстаний в XVII в. было вовсе не так мало.

Вполне естественно однако думать, что восстания мордвы были успешными лишь до тех пор, пока русское население было сравнительно незначительно, было в меньшинстве. Но по мере того, как оно прибывало из соседних губерний или из центральной России, восстания мордвы кончались для нее все плачевнее и плачевнее. Оставалось на выбор одно из двух: или подчиниться новым надвигающимся порядкам, забыть про былой простор, сломать и изменить основную форму хозяйства, или же бросить свои насиженные места и итти искать где-нибудь вольных полей и лесов. Куда и как уходила мордва, об этом уже говорилось раньше.

3. Кроме перечисленных причин уходить на новые места мордву заставляла еще тяжесть податей. Еще в дотатарскую эпоху мордовское население платило ясак в пользу своих князьков с разных лесных угодий; в татарскую эпоху эти угодья были обложены еще ханским ясаком. Оба вида ясака сохранились и для русской власти с того момента, как она стала завладевать мордовским краем. Почти безразлично, поступал ли этот двойной ясак непосредственно в карман русского правительства или в карман русских ставленников, разного рода „кормленщиков". Несомненно однако, что кормленщики всегда хотели кормиться обильнее и сытнее, чем этого хотели бы те, кто их кормил.

В XVI—XVII в.в. мордовские владельческие земли по обложению сравнялись с теми правительственными землями, которые отдавались в оброк, а сама мордва в юридическом отношении стала соответствовать тяглым русским людям. Оба вида ясака и составили оброк мордвы с пахотных земель и разных угодий. С пахотных земель мордва платила по две чети ржи и по 2 чети овса с выти. Если же мордва пахала десятинную пашню или уплачивала за нее деньги, то хлебного оброка, „посопу", платила лишь половину. Посоп сам плательщик обязан был доставить в город и ссыпать здесь в особые хлебные амбары. Всеми делами по сбору посопа в городах заведывал хлебный стол, а в Москве—приказ хлебных заводов.

К ясаку с угодий—с бортных ухожьев, звериных ловель и бобровых гонов—московское правительство присоединило еще пошлины, куничный и медвяной сборы. С чего именно платились пошлины, как велико было обложение с угодий и как оно увеличивалось, показывает следующий документ. „В Красной Слободе в земской избе выборные мордовские целовальники принесли с бортнаго ухожья с. Глужваго Баженка Чичерова оброку 1/2 пуда меду да воденого 13 алтын 5 денег." Размер оброка, если перевести его на довоенные цены (1910-1914 г.г.), очень значителен.

Тяжесть обложения, несомненно, увеличивалась еще теми притеснениями и поборами, какие допускали воеводы и разные приказные люди. Неудивительно, что в смутные времена, напр., в начале XVII в. и в 1670 году мордва массами приставала к „воровским людям", вступала в борьбу с русским населением, а по городам жестоко расправлялась с воеводами и разными приказными людьми, в дворцовых волостях—с дворцовыми управителями и иными чиновниками. В обычное же время мордва нередко от сбора оброка и разных пошлин спасалась в леса и там отсиживалась или же совсем бросала родину, уходила в Саратовский край, напр., а позднее—в вольные заволжские степи. А когда и там в XVIII в. стали притеснять и обирать мордву разные начальные люди, она, как известно, массами пристала к Пугачеву.

4. Убегала мордва из края не только от тяжести обложения, но и от тяжести „государевой службы". Раньше говорилось, что в 30-х и 40-х г.г. XVII в. по вновь построенным чертам Пензенского края были поселены слободы служилых людей, темниковских переведенцев, очень часто из мордвы. Равным образом и некоторая часть местной мордвы была поверстана в служилые люди, снята с своих мест и тоже поселена по чертам. Так же поступило правительство и в 1665-6 г.г., когда проводило линию военных поселений по долине р. Суры. Некоторые мордовские селения, существовавшие здесь ранее, очевидно после 1636-1648 г.г., оказались в линии военных посе

лений, а мордва была поверстана в служилые люди и. за нею была закреплена земля. И здесь, в особенности по Инсарской черте, мордва должна была служить из тяглых жеребьев, но воевода Инсарский Гр. Борнеков насильственно поверстал их в казаки. Довольно долгое время они служили безропотно, но затем в 1679 г. обратились через своих выборных к царю с челобитной, указывая, что „та им служба служить не за обычай и к ружью не привычны и ружьем владеть не умеют; а преж де сего деды и отцы их жили в Темниковском уезде в посопном тягле, а приписал де их в ту службу воевода Гр. Борнеков по неволе и от той де службы они стали скудны и безлошадны и разорились без остатку", почему и просят „велеть их от казачьей службы отставить, а написать их в том же Инсарском уезде в посопном тягле, для их скудости, а ружье взять в великаго государя казну". Правительство не сразу исполнило просьбу мордвы, жителей „Лухменской деревни", а сначала осведомилось, „по чему они учнут платить, сверх прежнего оброку меду и и денег, вновь денег же и хлеба". Мордва поняла, что им придется откупиться, и заявила, что „сверх прежнего своего платежу учнут впредь платить... против Инсарской тяглой мордвы и против писцовых тяглых тринадцати дворов, ямских денег по тринадцати рублев по тридцети алтын по четыре денги, стрелецкого и посопного хлеба по штидесят по пяти четок ржи, овса тож на год". Правительство и распорядилось освободить мордву от казачьей службы, быть им в тягле „и денежной и медвяной оброки прежней и что вновь на себя наложили, денег же и хлеба, платить с своею братьею вместе с той же своей земли, с пашни и с сенных покосов и на нынешней на 187 год (1679) взять и рублевые и полтинные денги против их братьи по новым переписным книгам" ... Что же мордве пришлось платить? А вот что: „посопной и стрелецкой хлеб и ямские и полонные и рублевые и полтинные денги,. да они ж платят в великого государя казну ясачные и куничные денги тридцать пять рублев, восмь алтын две денги, да сорок пуд двадцать восмь гривенок меду, да сверх той старой дачи платят стрелецкого и

посопного хлеба тридцать две чети с осминою ржи, овса тож." („Доп. к Актам Истор." т. 8 № 47, п. 1—3). Нельзя не признать, что количество податей, какое мордва согласилась и должна была платить, было очень велико. И его нужно признать относительно еще большим, если принять во внимание, что все эти подати, пошлины, налоги и ясак должны были платить значащиеся в переписных книгах тринадцать мордовских дворов. Ясно, что служба казаками была для мордвы настолько тяжела по своей необычности, что они готовы были откупиться от нее самой дорогой ценой.

То же подтверждает Инсарский воевода Янка Вышеславцев в донесении царю от 21 августа 1671 г. Он доносит, что „казачьи службы татар и мордвы пустуют, пашни залегли; те татары и мордва умерли на службе на Дону и на Камышенке, детей у многих не осталось, а иные татары и мордва сбежали в Пензенский, Саранский и Ломовский уезды; иные сдали свои службы русским, татарам и мордве раньше, и те с'емщики умерли на службе, другие бежали, а те, которые сдали, сошли на старые тяглыя земли и новыя дачи, наложили на себя тягло, ямские, ясачные, куничные денги, посошный и стрелецкий хлеб и живут в Инсарском уезде в старых своих деревнях и новых дачах". („Доп. к Акт. Истор." т. VI, № 37). Из отписки Вышеславцева видно, что выход из тяжелого положения, принятый мордвою Лухменской деревни, был обычным. Обычным же был и другой выход—бежать от тяжелой военной службы в иные места, подальше от правительства, подальше от русской колонизации, которая приносила одно огорчение.

5. И еще была причина, которая побуждала мордву бежать с насиженных мест в глухие леса и вольные степи. Это было крепостное право. Пока русская власть только основывалась в новом крае, пока она здесь только еще налаживала административную и финансовую государственную машину, мордва оставалась вольной, подчиняясь лишь своим князькам и мурзам. Но уже в конце XVII в. встречаются указания, что князьки и мурзы за крещение получали поместья и в крепость тех, часто

сородичей, которыми управляли. Еще позднее видим, что некоторые из представителей русских аристократических фамилий получили в вотчины или поместья покидные земли селений, лежавших по военным чертам,—селений, откуда вышли в новые места еще не все. В селениях нередко жила и служилая мордва. Напр., дер. Авьяс (Б. Вьяс Саранск. уезда) с невыселенною мордвою поступила в вотчину Головкину. Шукшинская слобода оказалась во владении Полянского и Волынцевых. В XVIII в., во время наиболее сильного распространения в России крепостного права, помещики появляются в Городищенском уезде, получают здесь в поместья и вотчины порожние земли, а затем и земли, населенные мордвою, которая к тому времени уже крестилась. Мордва-христиане легче оказывались крепостными, чем некрещеные. Мордва знала, конечно, что представляет собою крепостное право и мечтала избежать его только переселением, особенно в связи с принятием христианства. И по этой причине мордва бежала из края.

Целый ряд изложенных выше причин побуждал мордву бежать из пределов Пензенского края. Бежали однако далеко не все. Бежали часто наиболее энергичные, глубже чувствовавшие тяжесть современного положения, испытавшие скорбь об утраченной вольности и земельном просторе. Масса оставалась. А раз оставалась, она быстро „руселa“. И это вполне понятно. Русское правительство и население, захватывая свободные пространства земель среди бесконечных лесов мордовского края и колонизуя эти свободные места, тем самым глубоко врезывались в среду мордвы, разобщали ее на отдельные части, на своего рода острова. Мордва под напором русской колонизации отступала прежде всего и больше всего в леса, расчищала здесь места под пашни и селилась. Русские, окружавшие со всех сторон эти леса, конечно, рано или поздно проникали и сюда, овладевали тем или иным способом мордовскими пашнями и угодьями и тем самым разбивали мордву на еще меньшие острова. Часть русских нередко поселялась в одних и тех же селениях с мордвою. Окруженные русскими со всех сторон, живя

с ними бок-о-бок, мордва быстро русела. Еще в половине XVII века рязанский епископ Мисаил доносил царю: „и жены их, мордва, и дети русским языком говорить горазды и живут между русскими людьми вместе“. Некоторые пункты, населенные первоначально исключительно мордвою, скоро потеряли и самую память о своем племенном происхождении и называли себя совершенно искренно и убежденно русскими. Конечно, есть и другие селения, где память о племенном происхождении, язык и верования еще хранятся. Процесс обрусения не идет везде одинаковым темпом и не привел везде к одним и тем же результатам, несмотря на два с половиной века господства русских в крае. Результат обрусения мордвы в конце XIX в. представлялся в следующих общих очертаниях. В целом ряде деревень Городищенского и Чембарского уездов мордва вполне обрусела. Более или менее стойко мордва удерживает свои племенные и бытовые особенности в уездах Краснослободском, Наровчатском, Инсарском. Здесь многие из мордвы говорят еще на своем родном языке, живут и верят по преданиям старины, но почва для обрусения уже вполне готова и обрусение быстро подвигается вперед. Везде мордва разбита на острова: в Наровчатском и Инсарском уездах эти острова мельче, деревень в 5 и менее, в Краснослободском—крупнее.[1])

---

[1]) По данным Пензенского Стат. Комитета в 1894 году мордовские селения по губернии располагались следующим образом: в Городищенском у. чисто мордовских и смешанных селений было—сел 22, деревень 1[illegible]; в Инсарском у.—сел 21, деревень 11; в Краснослободском у.—сел 15, деревень и выселков 61; в Наровчатском у.—сел 9, деревень 8; в Н. Ломовском у.—села; в Саранском у.—сел 12, деревень 9; в Чембарском у.—сел 5, деревень 7; в Мокшанском, Пензенском и Керенском уездах мордовских селений не значилось. Мещерских селений по всей губернии—11, татарских—8[illegible]. По данным 1-й всерос. переписи 1897 г., по данным родного языка, насчитывалось мордвы 187.862 души обоего пола. В Пензенском у.—293 души обоего пола, в Городищенском у.—15 625 душ (почти 25%), в Инсарском у.—41 459 душ, в Керенском у.—88 душ, в Краснослободском у.—43 023 души (почти 25%), в Мокшанском у.—133 души, в Наровчатском у.—16 085 душ, в Н. Ломовском у.—3.476 душ, в Саранском у.—2[illegible].677 душ, в Чембарском у. 12 022 души обоего пола

Особенно сильный успех делу обрусения мордвы доставило обращение ее в христианство, которое в то же время способствовало и массовому выселению ее из края, наряду с вышеизложенными причинами.

6. Единичные обращения мордвы в христианство начались в первые же моменты появления в мордовском крае русского населения. В соседних с Пензенским краем губерниях, Тамбовской и Нижегородской, с целью распространения между мордвою христианства, раздавали мордву в крепость помещикам и строили особые монастыри или поручали существующим миссионерское дело (таковы: Чернеев Тамб. губ., Спасский в Арзамасе, Троицкий в Алатыре) и им же раздавали в вотчины мордовские поселения. Однако, эти способы распространения между мордвою (и отчасти татарами) христианства оказались на первых порах мало пригодными. Из поместий и монастырских вотчин мордва часто убегала, а на насильственные крещения отвечала сопротивлением или даже насилием. Так, в начале смутного времени, как это было замечено раньше, мордва, бросившаяся на Алатырь, разорила монастырь, разогнала монахов и утопила одного за другим трех игуменов. В Пензенском крае таких монастырей правительство не строило, но древнейший в крае монастырь Пурдошанский (с. Б. Пурдошки Красн. у.), основанный в 1589 или 1590 г.г., взял на себя по своему почину эту миссионерскую роль, а в дальнейшем стал действовать так же, как действовали перечисленные выше монастыри, т. е. приобретая разными способами мордовские ненаселенные и населенные земли, а в последних пробовал крестить без достаточного подготовления мордву. Результат получился тот же, что и там: соседи инородцы стали в резко-враждебные отношения к монастырю, монахам и христианству.

Татары и латыши,—читаем в монастырском донесении 1595 года,—„чинят монастырю обиду и насильство великое, крестьянской вере поругаются, на монастырь полками бросают“, а во время крестных ходов они (инородцы) приезжают на конях, кричат и смеются и в трубы трубят и в бубны бьют и в сыпки

и в домры играют и с огнем под монастырь приходят и зажечь хотят". В половине XVII в. небольшой по существу успех имела насильственная проповедь рязанского архиепископа Мисаила. В 1654 г. он обратился со следующим челобитьем к царю: „в прошлом, государь, во 162 году бил я челом, чтоб меня, богомольца своею, пожаловал отпустил в Шацкое, Кадом и Танбов тех городов в уезде татар и мордву крестить. И я богомолец ваш в те города ездил... и в Шацком и Тамбовском уездах крестил 4200 человек, а еще осталось в Шацком уезде некрещеной мордвы 250 дворов (более 2000 душ обоего пола), да в Кадомском татар и мордвы 520 дворов (около 4200-4600 душ). Смилуйся, государь благослови ехать в Касимов и в Шацкое и в Танбов татар и мордву крестить". Получив позволение, арх. Мисаил поехал снова и окрестил еще до 300 душ. Если прошение производит благоприятное впечатление своими цифровыми результатами, то дальнейшая деятельность и, особенно, ее способы не производят того же впечатления, а скорее обратное. Миссионер останавливался в селениях, сюда вызывали татар и мордву, очевидно доступным тому времени полицейским порядком, и здесь крестили, очевидно, без достаточного убеждения, а скорее насильственно, как это видно из дальнейшего. Сначала татары и мордва крестились, но затем стали оказывать сопротивление Епископ донес об этом в Москву, отсюда выслали дворянина Матюшкина с товарищами на помощь миссионеру, но эта помощь не оказалась существенной. Из Москвы было прислано новое распоряжение—выслать на помощь миссионеру из Шацка служилых людей. Очевидно, эта „подмога" и довела мордву до высшей степени ожесточения. Мордва деревни Янбиревой встретила миссионера и его провожатых с оружием в руках; началась перестрелка и арх Мисаил был смертельно ранен стрелою. Двор Матюшкин, описывая в своем донесении, как мордва стремились добить раненого и как его добили и как из-за его трупа началась ожесточенная борьба, в сущности констатирует, какую ненависть и вражду сумел вызвать покойный миссионер своим образом действий.

Гораздо большее влияние, чем разные насильственные меры, на распространение христианства между мордвою оказывало совместное сожительство мордвы с русскими. Так, в Мордовских Пурдошках, прежде чем они сделались монастырской вотчиной, уже после 1585 г. появилось христианство, и первые христиане-мордва тому же Пурдышскому монастырю отдавали свои земли и угодья „на помин души". В селениях смешанных из мордвы и русских, особенно попавших в руки русских помещиков, христианство между мордвою распространялось довольно быстро. Тем не менее, в течение всего XVII в. обращения в христианство были скорее всего случайные, единичные: насильственный захват земли и угодий мордовских русскими, тяжесть государственных повинностей вовсе не располагали мордву к русским и вере их. Поэтому в разных перечнях мордовских фамилий лишь изредка попадаются христианские имена, а в перечнях служилых людей—упоминание о мордве-новокрещенах. Но и эти новокрещены часто принимали христианство не по убеждению, а из-за посторонних рассчетов. А эти рассчеты вызывались особыми мероприятиями правительства. В конце XVII в. правительство предпринимает ряд мер к усилению распространения христианства между мордвою и татарами края - предоставляет новокрещенам разные льготы или угрожает новыми стеснениями за непринятие христианства. Так, в 1681 году издан был указ об отписке у мурз и татар поместий и вотчин, населенных христианами, а велено испоместить их иноверцами мордвою; если же мурзы и татары крестятся, оставить за ними прежних крестьян и давать им еще жалованье, а мордве сказать, чтоб они крестились все, за что во всех податях получат льготы на 6 лет. Таким образом, чтоб не попасть в крепостное право к помещикам-татарам, мордва должна были креститься, а татары-помещики должны были сделать то-же самое, чтобы не потерять поместий. Но если последние крестились очень охотно (княжеские татарские роды Девлеткильдеевых, Енгалычевых, Кугушевых, Библановых, Мансыревых, Кулунчаковых и др.), то мордва крестились очень мало и очень неохотно, вполне справедливо

не доверия обещаниям указа 1681 г. Дело в том, что местное начальство в своекорыстных видах старалось взыскивать подати и с новокрещенов, и мордва и крещеная всетаки попадала в крепостную зависимость, потому что в глазах и русского населения и начальства было бы вполне несправедливо, что русские-христиане являлись или становились крепостными, а мордва-христиане могли избежать крепостной зависимости. Естественно, что малокультурную, с трудом разбирающуюся в русских порядках мордву обманывали и под видом разных деловых и иных обязательств записывали в крепость за помещиками.

Петр I пробовал применить к распространению христианства среди мордвы культурные меры—влияние через школу, но так как школьная постановка в то время была мало удовлетворительна, а школы были узко-практического характера, то ясно, что культурное влияние действовало на мордву слабо и потому центральные и провинциальные власти в отношениях к мордве и к распространению среди нее христианства часто прибегали к старому указу 1681 года, несколько видоизменяя его, смотря по времени и обстоятельствам (указы 1720-1722 г. г.).

Общее крещение пензенской мордвы совершилось в 40-х и 50-х г.г. XVIII в. Именным указом 11 сентября 1740 г. дана была Казанской новокрещенской конторе целая инструкция к обращению в Приволжском крае инородцев вообще и в частности мордвы. Указом рекомендовалось крестить инородцев без всякого принуждения, через особых протопопов, посланных в разные уезды. Приказано было, чтоб восприемниками были „старинные русские люди“, дабы они могли наставлять в вере новокрещенных; рекомендовано сближать всеми мерами крещеных инородцев с русскими и особенно через смешанные браки; велено было крещеную мордву выселять в иные места и селить совместно или с русскими людьми, или совместно друг с другом, освобождать от податей и рекрутчины, а то и другое возлагать на некрещенных, „дабы эти последние, видя свободное житие новокрещенных, из своей воли христианскую веру восприяли“. Местом поселений для новокрещенных избраны были преимущественно

Саратовские степи. Здесь велено было отмежевать участки всяких угодий на 1000 дворов, обнести отмежеванную землю палисадником, землю под пашню разделить всем „по препорции“, выбрать удобные лучшие места под строение церквей и на каждые 250 дворов построить по одной деревянной церкви и к каждой церкви определить священников по 2, диаконов по 1, церковников по 3 человека; велено новокрещенным выдавать по кресту, рубаху с портами, сермяжный кафтан, шапку с рукавицами, обувь; родовитым—вещи получше; всем взрослым свыше 15 лет—деньгами по 1 р. 50 коп., мальчикам от 15 до 10 лет и взрослым женщинам—по 1 руб., детям от одного до 10 лет—по 50 коп. и в каждое крещеное семейство по образу; учредить школы и новокрещенных грамотных из инородцев ставить в клирики без всяких пошлин.

Проповедники были посланы в Пензенскую губернию, в уезды Пензенский (и Городищенский), Саранский (и Инсарский), Керенский и, нужно полагать, Краснослободский. Наиболее видным миссионером, принимавшим участие в крещении пензенской мордвы, был протопоп Тихон Цивильский. Уже в 1741 г. „иноверцы целыми деревнями. . и сотнями, как мужеск пол, так и женск крещением просветились“. Крещение всей пензенской мордвы совершилось в 1741-1749 г.г. В Пензенском уезде (напомним, что он обнимал тогда Городищенский у. и часть Саратовской губернии) было крещено 38657 душ, в Саранском—966, в Керенском—7392 [1]), в Краснослободском—251 [2]), в Инсарском—1263, в Наровчатском и Ломовском—267 душ. В Краснослободском уезде были крещены целые деревни: Рыб-

---

[1]) Нет никаких данных, которые говорили-бы о том, что вся крещеная мордва Керенского уезда выселилась из своей родины, а крестилось ее, как видно, свыше 7000 душ. Ясно, что керенская мордва, раньше других подвергшаяся русификации, совершенно слилась с русскими. Следовательно, мордовские селения в Керенском уезде есть, только обрусевшие.

[2]) Цифра, очевидно, неверна. Если принять во внимание, что крещена мордва более, чем в 20 селениях, то ясно, что крещенных в Краснослободском уезде нужно считать тысячами.

кино, Самаевка, Мамолаево, Толковка, Мамонгино, Сетинеево, Зайцево, Потьма, Кретинка, Борка, Поникедовка, Каньгуши, Потякша, Устатово, Старые и Новые Инингуши. Ср. Тешгелим, Синорово, Колопино, Полянки и др., при чем в некоторых из этих деревень тогда же устроены храмы—в Рыбкине, Каньгушах и Синорове (Синдорове). В Керенском уезде крещена мордва селений—Покровского, Пошат, Пимбура и др. Особенно много крещено мордвы в Городищенском уезде.

Из указа 1740 г. видно, однако, что крещение не всегда совершалось согласно истинным убеждениям мордвы, так как приемы привлечения их в церковь были часто насильственны (протопопы раз'езжали с командами солдат и покушались иногда крестить даже своих проводников из мордвы, разоряли молебные избы, вырубали священные рощи и т. п.), а побуждения со стороны мордвы чаще всего корыстны. Мордва, более преданная своей отцовской вере, или бежала от крещения в глушь лесов и за Волгу, или, пассивно принимая крещение, переселялись в Саратовскую губернию. 40-ые года XVIII века—момент массового выселения мордвы из Пензенского края.

Христианами на первых порах мордва были плохими. Некоторые ради „премий“, о которых говорил указ 1740 г., крестились по дважды, другие крестились из-за освобождения от податей, третьи—ради переселения в глушь Саратовской губернии. Когда у Новокрещенской конторы не хватало средств на выдачу премий, многие задерживались с переходом в христианство. Словом, часто переход в новую веру не был искренним. Крещенная наскоро, без достаточного приготовления и убеждения, мордва в душе оставалась язычниками, и меры воздействия на нее священников не приводили ни к чему. Если же, как это было обычно для того и последующего времени, священники при помощи властей начинали подвергать мордву наказаниям за язычество, мордва враждовала против таких священников, и последние обычно наживали себе одни неприятности. С течением времени между теми и другими установился компромисс: молебных изб мордва не строила, а молилась старым

богам по лесам и оврагам. И эта вера в старых богов, в качестве пережитка, сохранилась до настоящего времени и иногда, особенно в годины бедствий, вспыхивает ярко. Хранят старую веру больше женщины; мордва молится по лесам, служит „молебны“ своим богам у священных родников, приносит в кандусах жертвы и т. д.

X.

Административное устройство края в XVI—XIX веках. Церковная зависимость и церковно-административное устройство края в XVI—XIX веках.

А. Выше был изложен в общих очертаниях ход заселения Пензенского края сначала мордовским, затем русским населением, ход выселения из края тех и других и тот ряд причин, который способствовал эмиграции населения. В течение около двух с половиной веков длился этот процесс, и в его результате получилось то, что составляет в данный момент население Пензенского края. Это население с первого же момента появления в крае русской правительственной власти стало организовываться в округа в порядке административно-полицейском и судебном. В XVI в. части территории Пензенской губ., заселенные лишь в небольшом количестве русскими, а главным образом мордвою и татарами, составляли часть так называемого Мещерскаго уезда, обнимавшего огромную территорию—всю северную часть Тамбовской губ. и западные уезды Пензенской. Возможно, что с.-в. угол губернии входил в то же время в состав Алатырскаго у. Где кончался один и начинался другой, на основании печатных документов установить нельзя. В начале XVII в. большая часть территории Пензенской губернии представляет собою Шацкий у., с станами Замокошским и Верхнемокошским, а частью тот же Алатырский уезд. Во второй четверти XVII в., с возникновением по чертам новых городов, образуются и новые административные округа в добавление к прежним (Шацкому и Алатырскому)--уезды Темниковский, Керенский, В. Ломовский,

Инсарский и Атемарский, скоро переименованный в Саранский. Краснослободск, Троицк и Наровчат, хотя и были в половине XVII в. укрепленными городами, но уездов не имели. Это были лишь центральные пункты присудов—округов дворцовых сел. Темниковский у. обнимал собою, кроме частей Тамбовской губ., Краснослободский, Наровчатский у.у. и часть (небольшую) Н. Ломовского и Инсарского; Керенский обнимал собою весь теперешний Керенский у. и части Тамбовской губ., Инсарский был менее современного, Атемарский захватывал, кроме нынешнего Саранского, еще части Симбирской губернии [1]), В.-Ломовский обнимал уезд Н. Ломовский и прилегающие части Чембарского.

После 1666 г. Пензенский край получает отчасти новые административные деления: появляется Пензенский у., обнимающий собою в станах Засурском, Шукшинском, Завальном и Узинском уезды Городищенский (за исключением самой северной части), Пензенский, восточную, южную и западную части Мокшанского у., восточную часть Н.-Ломовского и восточную часть Чембарского, почти по р. Ворону; Саранский у. обнимает весь Саранский, северную часть Городищенского и часть северной окраины Мокшанского у., часть Инсарского у. и части Нижегородской и Симбирской губ.; Темниковский у. не сократился в своих пределах; В.-Ломовский—сократился значительно (часть отошла к Пензе).

Как велико было население этих уездов, определить на основании напечатанных документов не представляется возможным.

В 1708 г., когда Россия была поделена на губернии, Пенза с пригородами Мокшаном и Рамзаем вошла в состав Казанской губернии; все прочие города, пригороды и острожки—Верх. и Ниж. Ломовы, Наровчат, Троицкий острог, Красная Слобода, Саранск, Керенск, Инсар, Атемар, Шешкеев, Инзерский, Потиж-

[1]) В 1646-1647 г.г. Атемар и В. Ломов названы пригородами Казани. „Рус. Истор. библ.“ т.т. X и XI.

[illegible] и пр. остроги—в состав Азовской губернии. В 1719 г. последовало новое перераспределение. Пенза с Мокшаном и Рамзаем, а также Саранск составили Пензенскую провинцию Казанской губ. Числилось населения по Пензенскому уезду 5920 дворов (не менее 50.000 душ обоего пола), по Саранскому уезду 4.465 дворов (не менее 40.000 душ обоего пола). В Тамбовскую провинцию Азовской губ. входили: Н.-Ломов с 2.800 дв., В.-Ломов с 1.336 дв., Инсар с 1.703 дв., а всего 5.839 дворов (не менее 50.000 душ обоего пола). В Шацкую провинцию той же Азовской губернии входили: Красная Слобода—1.060 дворов, Керенск—1.642 двора, Наровчат—603 двора, Троицкий Острог—842 двора, всего 4.147 дворов (не менее 35.000 душ обоего пола). Значит, всего населения Пензенского края в 1719 г. было не менее 175.000 душ обоего пола. Это распределение на провинции Пензенского края оставалось неизменным до 1780 г., за исключением того, что Азовская губ. в 1725 году была переименована в Воронежскую. В 1766 г. все население Пензенского края равнялось 375.966 д. обоего пола, т. е. возросло почти за 50 лет более, чем вдвое. Пензенское наместничество было открыто с 1780 г. в составе 13 уездов (Н. Ломов, Троицк и Шешкеев,—кроме 10, бывших до 1918 г.), с населением в 640.700 душ, и существовало до 1796 г., до учреждения штатов губерний. В этом году была образована Пензенская губ. (с присоединением частей Саратовской) в составе 10 уездов, которая и просуществовала до 5 марта 1797 г., когда была закрыта и расписана по соседним губерниям. Пенза, Городище и Мокшан причислены с уездами к Саратовской губ., В. Ломов, Н. Ломов, Чембар и Керенск—к Тамбовской, Саранск, Шешкеев и Инсар—к Симбирской, Краснослободск, Троицк и Наровчат—к Нижегородской. Одновременно с этим 7 из перечисленных городов [illegible] заштатными и перечислены: Чембар и В. Ломов — к Нижнеломовскому уезду, Троицк и Наровчат—к Краснослободскому, Городище и Мокшан—к Пензенскому, Шешкеев—к Саранскому. Таким образом, в Пензенском крае были уезды: Пензенский, Саранский, Инсарский, Красн[illegible]

новский, Кирсановский и Керенский. Указом 9 сент. 1801 г. Пензенская губерния была восстановлена в составе 10 уездов и в таком виде пробыла до 1918 г., когда прибавился новый уезд—Рузаевский.

В 1846 г. население губернии исчислялось в 974.574 души об. пола, в 1858 г.—1.132.436 души об. пола, по переписи 1897 года—1.470.500 душ, а к 1912 году—1.853.000 душ об. п.

Б. До 1799 года церковные отношения и церковно-административная зависимость различных частей Пензенской епархии были крайне разнообразны. С момента основания Краснослободска и во второй половине XVI в., по мере появления церквей в пределах Краснослободского, а потом Наровчатского и Инсарского уездов, эти церкви в отношении управления и сбора „дани“ причислялись к Темникову, а со времени учреждения патриаршества подчинялись непосредственно патриарху. Так, древнейший в крае Пурдошский монастырь был открыт патриархом Иовом. В XVII в. новые церкви, возникавшие в пределах современных Краснослободского, Наровчатского и Инсарского уездов (а тогда—Темниковского и Шацкого), составили Темниковскую „десятину“ (церк. округ). В 1628 году в Темниковской десятине числилось 22 церкви, платящих дань, кроме некоторых дворцовых, по-видимому, плативших дань помимо десятильника или поповского старосты (напр., в с. Троицком-г. Троицке). Из 22 церквей 15 было в селениях Пензенского края, а именно в Урее, [illegible] Броде, Акасьеве, Рузаевке, Шенине (Керен. уезда), Кочелаеве, Лев. [illegible], Веденяпине, Архангельском, Шайгушах, Краснослободске, Долгоруком, Плужине, Ковылкине и с. Наровчатском, а остальные 7—в Тамбовской губернии. Кроме того, существовал еще Пурдошский монастырь. Перечисленные села, если взглянуть на карту края, занимают обширную территорию и, следовательно, были на далеком расстоянии друг от друга[1]).

---

[1]) Приводим церковно-административное деление края потому, что, как видно из только что изложенного, оно дает богатый материал для колонизации края.

В 30-х и 40-х г.г. XVII в., как об этом говорилось раньше, на территории Пензенской губ. возникает целый ряд городов, в которых строются храмы, поселяются далее слободы служилых людей, где также появляются церкви или часовни. Таковы, как мы видели, Атемар с монастырем, Инсерский острог, Саранск, Шешкеев, остроги по Инсарской черте (Инсар-Саранск), Инсар, Н.-Ломов с монастырем, В.-Ломов и Керенск. Церковно-административная зависимость городков и острожков в северо-восточной части губернии выражалась в подчинении церквей и часовен главному городу Атемару, в лице его соборного священника, но в действительности сам Атемар с церквами окружающих острожков и сел (всего 13, частью Симбирской губернии) был приписан в 1645 году к Темниковской десятине. Церкви по Инсарской черте и в Инсаре также вошли в состав Темниковской десятины. То же самое можно сказать и о прочих тогдашних городах Пензенской губернии. Таким образом, Темниковская десятина охватывала около 1650 г. почти всю Пензенскую губернию. Но уже в 1657 году из состава этой десятины была выделена Верхнеломовская; в состав этой последней вошли церкви В.-Ломовского и Н.-Ломовского уездов и часть церквей Керенского уезда. В 1657 году в В.-Ломовской десятине насчитывалось 12 церквей, т. е. 12 сел и очень малое количество деревень. Из этих 12 церквей, кроме двух соборных в В. и Н.-Ломовах и монастырских в Казанском Н.-Ломовском монастыре, Николаевская и Покровская церкви В.-Ломова, Михайловская в Засечной Слободе, Троицкая в Шелдаисе и церковь в Лукиной Поляне. Вся же северная половина губернии по прежнему входила в состав Темниковской десятины, причем Атемар с 13 церквами составлял как бы отдельный округ. Количество церквей в Темниковской десятине увеличилось до 40. Вновь основаны храмы в Шиганях (Инсар. у.), Ефаеве, Еланках, Гумнах, Акселе, Проказне, Дубровках, Жадове, Шаверках, Куликове (Красн. у.), в Акшине (Инсар. у.) и в нескольких селах Темниковского и Спасского у.у. Тамбовской губ. Кроме того, открыт был Краснослободский Спасский монастырь. Таким образом, во всей Пензенской губ. в 1657 г.

насчитывалось всего до 50 церквей в городах и селах. Ясно, как было малочисленно население губернии.

Позднее 1657 года, благодаря увеличению населения в крае, после постройки укрепленных черт, особенно в западной и северной его частях, основывается много церквей, и Темниковская десятина раздробляется на несколько отдельных — Саранскую и Керенскую; последняя образуется из церквей Темниковской и Ломовской десятин. В 70-х г.г. начинает слагаться Пензенская десятина. К 1690 году на территории нынешней Пензенской губ. было уже пять десятин: 1) Саранско-Мокшанско-Починковская (из частей губ. Пензенской, главным образом Нижегородской и Симбирской) со 134 церквами, 2) Верхне-Ломовская—с 77 церквами, 3) Темниковская (из частей Тамбовской и Пензенской губерний)—с 60 церквами, 4) Пензенская, (из частей Пензенской и Саратовской губерний)—с 44 церквами и 5) Керенская—из частей Пензенской и Тамбовской губ.—с 28 церквами. Всего в 5 десятинах насчитывалось, таким образом, 333 церкви. Но из них не менее трети находилось в пределах соседних губерний, особенно Нижегородской. Увеличение количества церквей на территории Пензенской губернии сравнительно с 1657 годом (около 50 церквей) огромное, приблизительно в 5 раз. И это неудивительно. Раньше указывалось, что во второй половине XVII в. край быстро заселялся, небольшие кучки христиан имели право строить себе церкви, церкви были почти исключительно деревянные и строились очень быстро. Так напр. в Пензе в 1666 г. было две церкви, в 1672 г.—уже 5, в 1676 г.—6, в Верх. Ломове в 1656 г. было 2 церкви, в 1672 г.—9 церквей; в Нижн. Ломове количество церквей выросло к 1672 г. до 18 (с 10).

Все пять десятин Пензенского края около 1690 года были в ведении патриарха и в состав Тамбовской епархии не входили. Эта последняя была образована в 1682 году из трех городов с округами—Тамбова, Козлова и Доброго Городища, со 159 церквами. Ко времени закрытия епархии (1699 г.) пределы ее несколько расширились по территории Саратовской губернии: в нее вошли г. г. Борисоглебск и Петровск с округами.

Со времени фактического упразднения патриаршества (со смертью патриарха Адриана) десятины Пензенского края вошли в состав патриаршей области, а потом Синодальной. В 1701 году образовалась новая десятина Краснослободская, с 30 церквами, в числе которых были, однако, и церкви соседних уездов Тамбовской губернии. Темниковская десятина в числе своих 33 церквей около $^{2}/_{3}$ заключала Краснослободских и Наровчатских. К 1724 году в десятинах Пензенского края заключалось церквей: 1) Темниковской—30, 2) Пензенской—113, 3) Верх. Ломовской—105, 4) Саранско-Мокшанско-Починковской—196, 5) Керенской—45, 6) Краснослободской—36, а всего 525 церквей, но из них около $^{1}/_{4}$ принадлежало к соседним губерниям—Тамбовской, Нижегородской, Симбирской и Саратовской. К 1738 году количество церквей в тех же 6 десятинах увеличивается еще более: в Темниковской—37, Пензенской—161, Верх.-Ломовской—111, Саранской—203, Керенской—59, Краснослободской—34, всего 608; из них собственно Пензенских было несколько менее 500[1].

В 1742 году была открыта Московская епархия, в состав которой вошла почти вся бывшая патриаршая область, в том числе и Пензенский край, но к 1744 году было признано, что Московская епархия, точнее—Синодальная область, не может быть управляема одним лицом, так как в ней насчитывалось более 5000 церквей. Поэтому решено было открыть особые епархии в Владимире, Костроме, Переславле, Залесском, и Тамбове. Однако, последняя епархия, в состав которой по проекту входила почти вся Пензенская губерния, не была фактически открыта по недостатку средств. В 1749 г. в виду невозможности открытия Тамбовской епархии было решено все церкви, управляющиеся с 1745 г. Тамбовским архиерейским домом, расписать по разным епархиям. Красная Слобода с 65 церквами и 4 монастырями была приписана к Владимирской епархии; Пенза с 203 церквами и 3 монастырями, Саранск и Инсар с 196 церквами

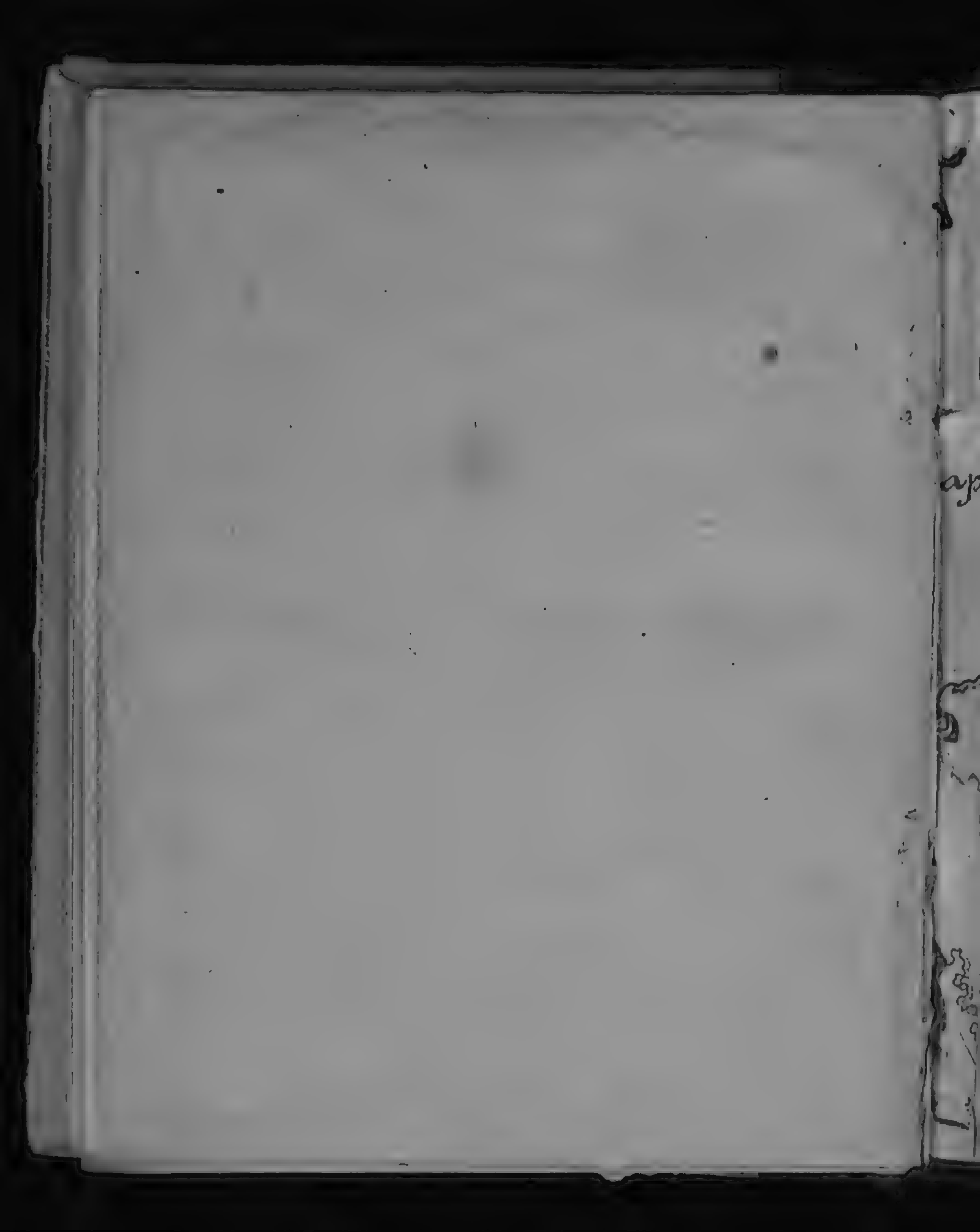
[1]) Шимко. „Патриарший Казенный приказ." М. 1894 г.

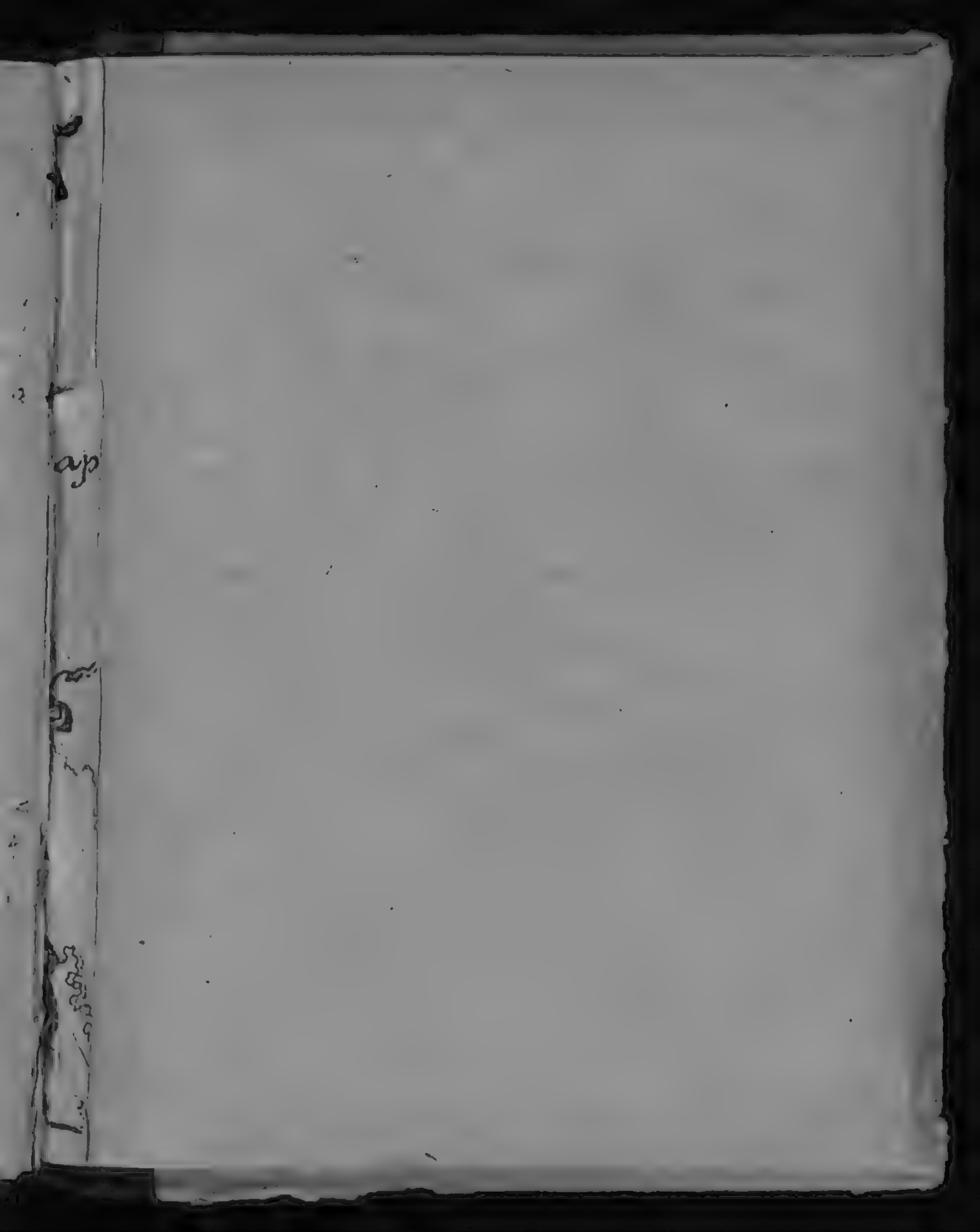
[illegible] 5 монастырями—к Нижегородской епархии, Темников с 3[illegible] церквами, Верх. и Ниж. Ломовы с 120 церквами и 6 монастырями, Керенск с 58 церквами и 1 монастырем—к Суздальской, а Мокшан—к Астраханской. Кажется, однако, что в 40-х г. г. XVIII в., в момент массового крещения Пензенской мордвы, вся южная часть Пензенской губернии (уезды Городищенский, Пензенский, Мокшанский и Чембарский) управлялась из Астрахани.

В 50-х г. г. XVIII в. были открыты новые десятины: Инсарская (от Саранска) и Н. Ломовская (от В. Ломова). В 1758 году, с назначением епископа в Тамбов, все города и уезды Пензенской губ. зачислены в состав Тамбовской епархии, как это и было предположено в 1741 году. Однако, уже в 1764 г. Саранская десятина была причислена к Нижегородской епархии. В 17[illegible]7 году Инсарская десятина (от Тамбовской епархии) и Саранская (от Нижегородской) перечислены к Казанской епархии, а к Нижегородской—Краснослободский, Наровчатский и Троицкий уезды, Пензенский, Мокшанский и Городищенский—к Астраханской. У Тамбовской епархии остались Верх. и Нижн. Ломовский уезды, Керенский и Чембарский.

Путаница, произведенная подобными переделами епархии, была прекращена лишь в 1799 году открытием Пензенской епархии, с наименованием ее Саратовской и с назначением центрального пункта управления в г. Пензе. В 1803 г. совершилось [illegible] переименование этой смешанной епархии—вместо Саратовской она стала называться Пензенской. В современные же границы Пензенская епархия вошла лишь с 12 [illegible] 1828 года, когда от нее отделили всю Саратовскую епархию.[1])

[1]) Рассмотрение [illegible] Пензенской епархии и разнообразные разделы [illegible] между соседними епархиями [illegible] для того, чтобы отметить, что [illegible] в историческом отношении, и [illegible] Астрахани, Казани, Тамбове, Москве, Н. Новгороде и Владимире.

ц. 4 коп.

15 коп.

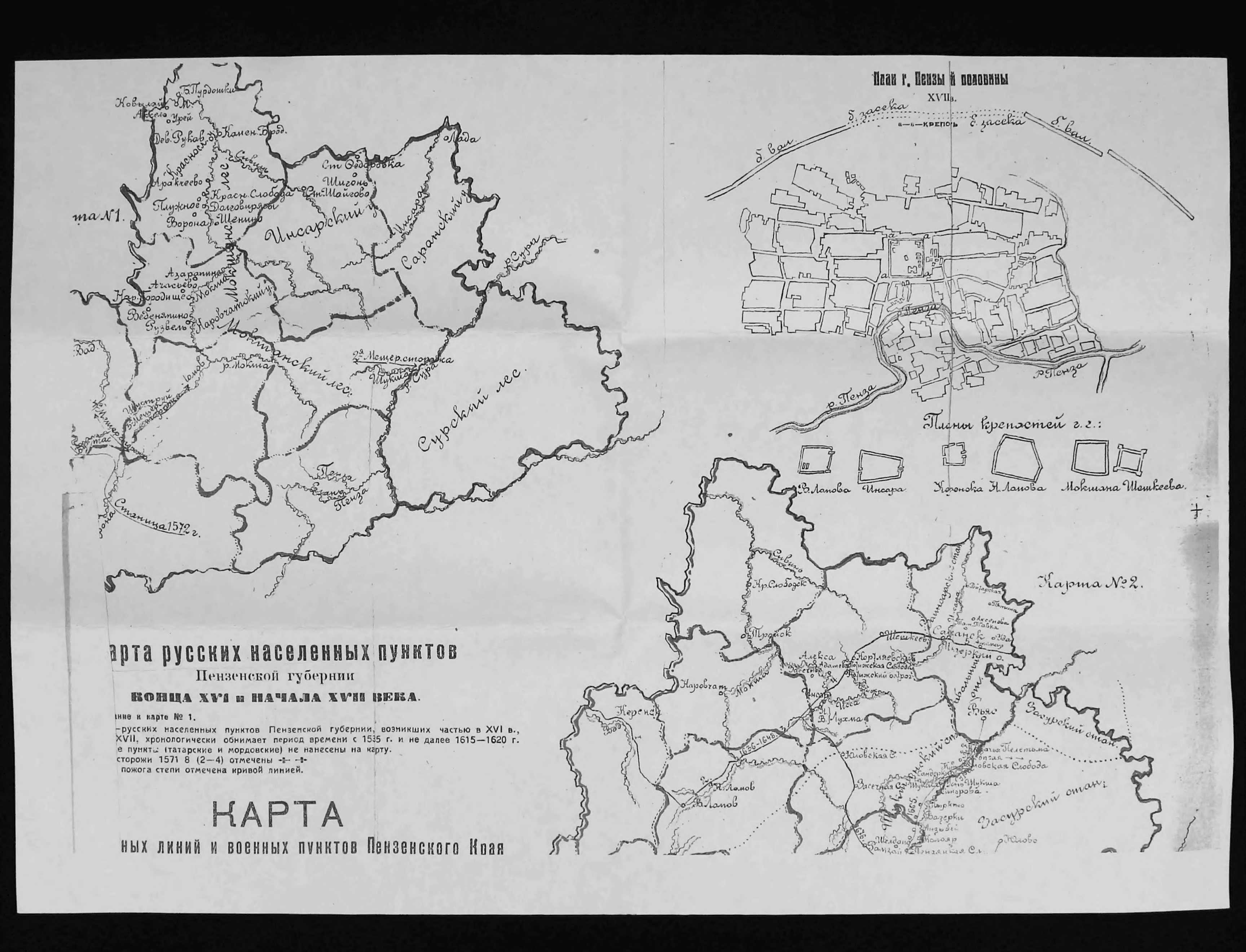
Цена [illegible] коп.

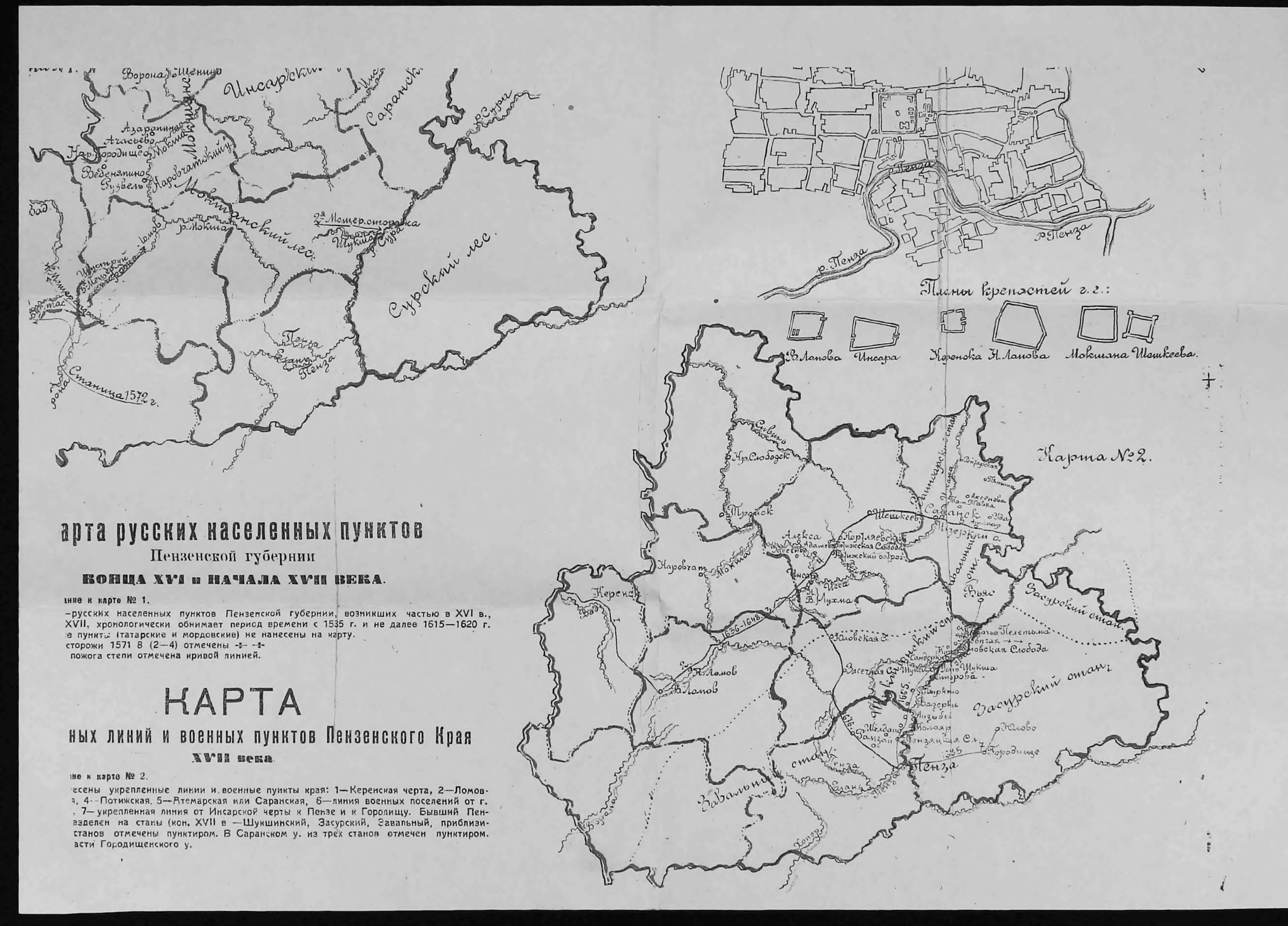
[illegible]

[illegible]

План г. Пензы 2-й половины XVII в.
Крепость
Б. засека
Б. вал
р. Пенза
Планы крепостей г. г.:
В. Ломова
Инсара
Керенска
Н. Ломова
Мокшана
Шешкеева
Карта №1.
Инсарский у.
Саранский у.
Наровчатский у.
Мокшанский у.
Мокшанский лес.
Сурский лес.
р. Сура
р. Мокша
Станица 1572 г.
Карта №2.
Засурский стан.
Завальный стан
Шукшинский стан
Пенза
Саранск
Инсар
Наровчат
В. Ломов
Н. Ломов
Керенск
Карта русских населенных пунктов
Пензенской губернии
конца XVI и начала XVII века.
Примечание к карте № 1.
Карта № 1—русских населенных пунктов Пензенской губернии, возникших частью в XVI в., частью в начале XVII, хронологически обнимает период времени с 1535 г. и не далее 1615—1620 г.
Инородческие пункты (татарские и мордовские) не нанесены на карту.
Мещерские сторожи 1571 8 (2—4) отмечены
Станица для пожога степи отмечена кривой линией.
КАРТА
укрепленных линий и военных пунктов Пензенского Края
XVII века.
Примечание к карте № 2.
На карту нанесены укрепленные линии и военные пункты края: 1—Керенская черта, 2—Ломовская, 3—Инсарская, 4—Потижская, 5—Атемарская или Саранская, 6—линия военных поселений от г. Пензы к Саранску, 7—укрепленная линия от Инсарской черты к Пензе и к Городищу. Бывший Пензенский уезд подразделен на станы (кон. XVII в —Шукшинский, Засурский, Завальный, приблизительные границы станов отмечены пунктиром. В Саранском у. из трех станов отмечен пунктиром. Засурский в сев. части Городищенского у.

План г. Пензы й половины
XVII в.
Б. засека
а—б—крепость
Б. засека
Б. вал
Б. вал
р. Пенза
р. Пенза
Планы крепостей г. г.:
В. Ломова
Инсара
Керенска
Н. Ломова
Мокшана
Шешкеева
Карта №2.
Саранск
Шешкеев
Наровчат
Керенск
Н. Ломов
В. Ломов
Инсара
Засурский стан
Засурский стан
Лада
Ст. Федоровка
Шигонь
Ст. Шайгово
Инсарский у.
Саранский у.
Инсара
Кран. Слобода
Долговирявы
Шенино
Ворона
Пужное
Аракчеево
Дев. Рукав
Камен. Брод
Б. Пурдошки
Ковыляй
Урей
Азарапино
Агасьево
Городище
Веденяпино
Рузвель
Наровчатский у.
Мокшанский лес
р. Мокша
2я Мещер. сторожка
Шукша
р. Сура
р. Сура
Сурский лес
Пенза
Станица 1572 г.
та №1.
арта русских населенных пунктов
Пензенской губернии
конца XVI и начала XVII века.
ание к карте № 1.
—русских населенных пунктов Пензенской губернии, возникших частью в XVI в.,
XVII, хронологически обнимает период времени с 1535 г. и не далее 1615—1620 г.
е пункты (татарские и мордовские) не нанесены на карту.
сторожи 1571 8 (2—4) отмечены
пожога степи отмечена кривой линией.
КАРТА
ных линий и военных пунктов Пензенского Края

Инсарск.
Саранск.
Наровчатский
Мокшанский лес.
р. Мокша
2я Мещер. сторожка
р. Сура
Сурский лес
Станица 1572 г.
Пенза
р. Пенза
Планы крепостей г. г.:
В. Ломова
Инсара
Керенска
Н. Ломова
Мокшана
Шешкеева
Карта № 2.
Керенск
Наровчат
Инсар
Н. Ломов
В. Ломов
Саранск
Шешкеев
Засурский стан
Завальный стан
Пенза
Городище
арта русских населенных пунктов
Пензенской губернии
конца XVI и начала XVII века.
ание к карте № 1.
–русских населенных пунктов Пензенской губернии, возникших частью в XVI в.,
XVII, хронологически обнимает период времени с 1535 г. и не далее 1615—1620 г.
е пункты (татарские и мордовские) не нанесены на карту.
сторожи 1571 8 (2—4) отмечены
пожога степи отмечена кривой линией.
КАРТА
ных линий и военных пунктов Пензенского Края
XVII века
ание к карте № 2.
есены укрепленные линии и военные пункты края: 1—Керенская черта, 2—Ломов-
я, 4—Потижская, 5—Атемарская или Саранская, 6—линия военных поселений от г.
, 7—укрепленная линия от Инсарской черты к Пензе и к Городищу. Бывший Пен-
азделен на станы (кон. XVII в —Шукшинский, Засурский, Завальный, приблизи-
станов отмечены пунктиром. В Саранском у. из трех станов отмечен пунктиром.
асти Городищенского у.